

№4 (47) 2022

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Выходит четыре раза в год.
Издается с 2008 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Михайлова М. В.

Специфика изображения древнерусской концепции добродетели в раннем творчестве Ф. М. Достоевского (на примере рассказа «Ползунков»).....5

Орленко О. А.

Религиозно-философское осмысление жизни и смерти в произведениях М. А. Булгакова 14

Божич Рафаэла

Как читать «Мы» Е. Замятина.....23

Папилова Е. В.

Фридрих Рёссель – первый воспитатель Л. Н. Толстого36

Грибач С. В.

Психолингвистический аспект перевода на примере текстов по теории массовой коммуникации.....43

Современные технологии образования

Бадикова Т. Е., Васильковская М. И.

Духовно-нравственное развитие студенческой молодежи50

Фомин М. С.

Мудрые прозрения философов на службе преподавателю философии...68

Климкович Е. В., Ковалева Е. С. Современные социокультурные практики развития человеческого и социального капитала	80
Кернерман М. В. Событийный маркетинг в молодежной среде	87
Смольянина Е. В., Смольянин С. Н. Патриотическое воспитание студентов-хореографов средствами современного танца	95
Спинжар Н. Ф., Амреева Т. М. Формирование этнокультурных компетенций у студентов-хореографов в вузах Казахстана	103
Христидис Т. В., Жардемова М. Г. Психолого-педагогические условия профессиональной подготовки специалистов информационно-библиотечного профиля в вузе	113
Ивойлова Л. В. Воспитательный потенциал декоративно-прикладного творчества в сфере досуга	128
Немова О. А., Карнюшина В. В. Англоязычная вербальная креативность подростков: диагностика и развитие	134

№4 (47) 2022

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

SCIENTIFIC INFORMATION JOURNAL FOR
UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS

Published four times a year.

Published since 2008.

CONTENTS

Literary study

Mikhaylova M. V.

The specificity of the image of the Old-Russian concept of virtue in the early literary works of F. M. Dostoevsky (on the example of the story "Polzunkov").....5

Orlenko O. A..

Religious and philosophical understanding of life and death in the works of M. A. Bulgakov 14

Bozic Rafaela

How to read "We" by E. Zamyatin23

Papilova E. V.

Friedrich Rössel – Leo Tolstoy's first home tutor36

Gribach S. V.

Translation and its psycholinguistic aspect (illustrated by texts on mass communication theory).....43

Modern technologies of education

Badikova T. E., Vasilkovskaya M. I.

Spiritual and moral development of students50

Fomin M. S.

Wise philosophers' insights in the service of a philosophy lecturer.....68

Klimkovich E. V., Kovaleva E. S. Modern sociocultural practices for the development of human and social capital	80
Kernerman M. V. Event marketing in the youth environment	87
Smolyanina E. V., Smolyanin S. N. Patriotic education of students-choreographers by means of modern dance	95
Spinzhar N. F., Amreeva T. M. Formation of ethno-cultural competencies among students of choreographers in universities of Kazakhstan.....	103
Khristidis T. V., Zhardemova M. G. Psychological and pedagogical conditions for the formation of information and communication competencies of future librarians	113
Ivoilova L. V. Educational potential of decorative and applied creativity in the sphere of leisure	128
Nemova O. A., Karnyushina V. V. English language verbal creativity among teenagers: diagnostics and development.....	134

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КОНЦЕПЦИИ ДОБРОДЕТЕЛИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ПОЛЗУНКОВ»)

УДК 821.161.1.0

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-5-13>

Мария Владимировна МИХАЙЛОВА,

доцент кафедры литературы и лингвистики, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Московская область, Российская Федерация, e-mail: nemashasky@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности изображения христианской концепции добродетели в художественном произведении раннего периода творчества Ф. М. Достоевского – рассказе «Ползунков». Автор исследует особенности становления добродетельного образа главного героя, сформировавшегося в результате нравственных и творческих поисков писателя. Святоотеческая концепция добродетельного положительного человека исследуется автором также на примере других произведений раннего периода творчества Ф. М. Достоевского (роман «Бедные люди», рассказ «Слабое сердце») в их сходстве и различиях с рассказом «Ползунков», рассматривается влияние концепции на создание произведений более поздних периодов. Помимо этого, автор рассматривает процесс формирования примера добродетельного поведения, начавшийся в раннем творчестве писателя и продолжавшийся в произведениях более позднего периода, созданных как на родине, так и за рубежом.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, раннее творчество Ф. М. Достоевского, рассказ «Ползунков», добродетели, святоотеческие тексты.

Для цитирования: Михайлова М. В. Специфика изображения древнерусской концепции добродетели в раннем творчестве Ф. М. Достоевского (на примере рассказа «Ползунков») // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 5–13. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-5-13>

**THE SPECIFICITY OF THE IMAGE OF THE OLD-RUSSIAN
CONCEPT OF VIRTUE IN THE EARLY LITERARY WORKS
OF F. M. DOSTOEVSKY (ON THE EXAMPLE OF THE STORY
“POLZUNKOV”)**

Mariya V. MIKHAYLOVA, Associate Professor at the Department of Literature and Linguistics, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: nemashasky@mail.ru

Abstract: The article analyzes the features of the depiction of the Christian concept of virtue in the literary work of the early period of F. M. Dostoevsky's creativity – the story "Polzunkov". The author explores the peculiarities of the formation of the virtuous image of the protagonist, formed as a result of the moral and creative searches of the writer. The patristic concept of a virtuous positive person is also studied by the author on the example of other works of the early period of F. M. Dostoevsky's creativity (the novel "Poor Folk", the story "Weak Heart") in their similarities and differences with the story "Polzunkov", the influence of the concept on the creation of works of later periods is also considered. In addition, the author examines the process of forming an example of virtuous behaviour, which began in the early literary works of the writer and continued in the works of a later period, created both in his native land and abroad.

Keywords: F. M. Dostoevsky, the early literary works of F. M. Dostoevsky, the short story "Polzunkov", virtues, patristic texts.

For citation: Mariya V. Mikhaylova. The specificity of the image of the Old-Russian concept of virtue in the artistic space of F. M. Dostoevsky (on the example of the story "Polzunkov"). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 5–13. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-5-13>

Художественное наследие Ф. М. Достоевского в ранний период его творчества всегда представляло и представляет до сих пор особый интерес для читателя и исследователя, поскольку первые литературные пробы начинающего писателя положили начало тем образам, которые будут созданы и описаны на страницах его гениальных произведений более позднего периода, созданных как на родине, так во время пребывания за рубежом. Образы главных героев, возникающие на страницах романов, повестей, рассказов Ф. М. Достоевского возникают в процессе нравственных и творческих исканий писателя, для которого исследование образа человека и попытка проникнуть в его духовную сущность были смыслом всего его существования.

Ф. М. Достоевский был воспитан глубоко верующими родителями и вырос в обстановке непрестанного чтения и обсуждения Священного Писания и святоотеческой литературы. Исследователь раннего творчества Ф. М. Достоевского В. С. Нечаева указывает, что «большинство книг о Достоевском, не только биографических, но и литературоведческих, начинается с рассказа о его родителях, детских годах, годах учения. Это вполне закономерно: писатель сам засвидетельствовал в творческих записях к романам, как глубоко запали в его душу эти ранние впечатления, не покидавшие его до последних лет жизни» [5, с. 3]. Священное Писание считалось писателем святыней, настольной книгой, которая необходима к прочтению на любом этапе жизненного пути человека. Младший брат писателя Андрей Михайлович отмечает в воспоминаниях, что первой книгой для чтения была для всех Священная История Ветхого и Нового Завета на русском языке – «Сто Четыре Священных Истории Ветхо-

го и Нового Завета». А. М. Достоевский особенно акцентирует внимание на воспоминаниях о разговоре с братом Федором, состоявшемся уже в 70-х годах, когда Федор Михайлович с восторгом объявил брату, что ему удалось разыскать эту книгу, и сообщил, что бережет книгу как святыню. Помимо этого, в воспоминаниях младшего брата упомянуты и учителя, ходившие к ним на дом, среди них был дьякон, преподававший детям Закон Божий: «Дьякон этот чуть ли не служил в Екатерининском Институте; по крайней мере, наверное, знаю, что он там был учителем. К его приходу в Зале всегда раскладывали ломберный стол, и мы четверо детей помещались за этим столом, вместе с преподавателем. Маменька всегда садилась сбоку в стороне, занимаясь какой-нибудь работой. Многих впоследствии имел я законоучителей, но такого, как отец Дьякон, не припомню. Он имел отличный дар слова, и весь урок, продолжавшийся по старинному часу 1½–2, проводил в рассказах, или как у нас говорилось, в толковании Св. Писания» [2, с. 66–67]. Такое мироощущение, заложенное семьей писателя, не могло не повлиять на формирование образов главных героев в его произведениях.

Святоотеческая концепция положительного человека предполагает изображение его образа через призму добродетелей, которые людям необходимо возвращать в себе. С учетом того, что вся святоотеческая литература – это путеводитель к Богу, к вере, к добродетельному поведению, к добродетелям, которые важны для становления образа, к ним относятся смирение и любовь к ближнему, искренняя вера в Бога, кротость, нестяжание, щедрость.

Образ добродетельного человека впервые возникает на страницах первого масштабного литературного произведения Ф. М. Достоевского – романа «Бедные люди». Безусловно, в данном случае имеются в виду образы Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой. Герои романа живут, следуя заветам Священного Писания и святоотеческой литературы, именно это помогает им возвращать в себе христианские добродетели и бороться с пороками. Изучая текст романа, читатель понимает, что Макар и Варенька являются образцами добродетельной щедрости и нестяжания, оба они всегда готовы отдать ближнему последнее, они живут не материальными, а духовными ценностями. «Трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие» (Мк. 10:23–25) [1], никаким богатством нельзя достичь самой главной цели в жизни благоверного человека – спасения души, «ибо какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мк. 8:36) [1]. И главные герои романа следуют этим заветам, являя нам пример добродетельного поведения. Помимо текстов Священного Писания, такой пример добродетельного нестяжательного поведения представлен вниманию читателя и в письменном наследии таких древнерусских авторов-книжников, как Иосиф

Волоцкий, Нил Сорский, митрополит Даниил, Максим Грек, Ермолай-Еразм и многих других. «Где сокровище наше есть, там и сердце наше будет» – пишет, например, публицист XVI века Максим Грек [7, с. 247]. Стремление к жизни в Боге и глубокой и искренней вере, нацеленность на духовную жизнь – все это помогает главным героям выстоять в череде жизненных трудностей и невзгод, справиться с пороками и греховными помыслами и не утратить добродетельные составляющие своего образа.

Концепция добродетельного поведения, начало которой было заложено Ф. М. Достоевским в романе «Бедные люди», продолжается и в других, меньших по объему, но не менее значимых с этой точки зрения произведениях писателя – повести «Слабое сердце» и рассказе «Ползунков».

Прежде чем наше внимание будет сосредоточено на рассказе «Ползунков», интересно провести краткий компаративный анализ образа главного героя повести Ф. М. Достоевского «Слабое сердце» Васи Шумкова с образом Макара Девушкина. В первую очередь, стоит отметить отношение Васи Шумкова к окружающим – как и у Макара Девушкина, это всеобъемлющее чувство любви к окружающим и всецелая готовность прийти на помощь, именно с помощью этих добродетелей формируется образ Васи. Вася обращается к своему другу Аркадию Ивановичу Нефедовичу, он искренне любит его, готов отдать ему все: «Право, Аркаша, я тебя так люблю, что не будь тебя, я бы, мне кажется, и не женился, да и не жил бы на свете совсем», Вася демонстрирует чувство счастья и хозяйке магазина, у которой намеревается купить чепчик для своей возлюбленной: «Вася готов был расцеловать мадам Леру от восторга» [3, с. 23], и чувство бескорыстной любви к Лизе Артемьевой, на которой планирует жениться. В любой ситуации Вася Шумков излучает доброту и счастье и готов делиться ими с окружающими. Оба героя – и Макар Девушкин, и Вася Шумков, на первый взгляд кажущиеся простыми, незначительными петербургскими чиновниками, в процессе их анализа оказываются примерами добродетельного поведения.

Обращаясь к рассказу «Ползунков», важно отметить, что, во-первых, на примере данного произведения интересно проследить развитие святоотеческой концепции добродетельного поведения в рамках небольшого короткого рассказа, во-вторых, образ главного героя, представленный Ф. М. Достоевским на страницах рассказа, сформирован автором с помощью дихотомической оппозиции «добродетель – порок». Данная оппозиция позволяет представить образ главного героя более цельно. Важными компонентами образа героя оказываются, таким образом, не только добродетели, к которым следует стремиться, но и пороки, которые следует избегать и искоренять.

Рассказ «Ползунков» был создан Ф. М. Достоевским параллельно с повестью «Слабое сердце» в 1847 г. и изначально был запрещен цензу-

рой, впервые опубликован посмертно в 1883 году при издании полного собрания сочинений Достоевского литературным критиком и публицистом Н. Н. Страховым. Крупнейший западный биограф Ф. М. Достоевского, русист и литературовед Джозеф Франк особенно выделяет данный рассказ, содержащий краткий, но глубокий анализ характера чиновника [8, р. 323].

Рассказ имеет характерные композиционные особенности и строится по принципу рассказа в рассказе, сначала дается описание главного героя Осипа Михайловича Ползункова со стороны анонимного повествователя, затем Осип Михайлович сам становится рассказчиком и представляет вниманию читателя свою историю. Рассказ особенно интересен читателю тем, что, чтобы разглядеть добродетели в образе главного героя, требуется в него всмотреться, о чем анонимный рассказчик сообщает уже в первом предложении: «Я начал всматриваться в этого человека» [3, с. 5]. Образ главного героя местами противоречив и создан из контрастов, временами трудно сразу дать однозначное определение ему, но от этого он становится более привлекательным своей многогранностью и многоуровневостью.

Так, например, добродетель смирения соседствует в образе Ползункова с непреклонностью и протестом. Читателю становится известно с первых страниц рассказа о том, что герой «с покорностью подставлял свою голову под все щелчки, в нравственном смысле и даже в физическом, смотря по тому, в какой находился компании» [3, с. 5], говоря о себе, он употребляет такие слова, как «вашего нижайшего», «сердчишко во мне билось, как у котенка», «голосенко дрожит» [3, с. 8–10]. Если протест против существующего положения дел и зарождался у главного героя в душе, то он «тотчас же умирал в груди его, хотя непременно каждый раз зарождался великодушнейшим образом» [3, с. 5]. Есть далее и упоминание о другом нахлынувшем чувстве, также в определенном контексте, являющемся опозицией добродетели смирения: «ну, и зло меня взяло, за горло совсем захватило» [3, с. 10].

Образ, как уже было отмечено выше, представляет собой сосредоточение контрастов, об этом напрямую сказано в тексте повествователем: «Чего-чего тут не было! И стыд-то, и ложная наглость, и досада с внезапной краской в лице, и гнев, и робость за неудачу, и просьба о прощении, что смел утруждать, и сознание собственного достоинства, и полнейшее сознание собственного ничтожества – всё это, как молнии, проходило по лицу его», далее читаем: «Это равенство наружное и неравенство внутреннее, его беспокойство за себя и в то же время непрерывное самоумаление – всё это составляло разительнейший контраст и достойно было смеху и жалости» [3, с. 5–6]. Такие контрасты, наполняющие его образ, вероятно, являются сопутствующими признаками горячего, заблудшего,

но доброго сердца, о котором рассказчик неоднократно упоминает. В этом отношении образ Ползункова семантически близок другому горячечному образу – Васи Шумкова. Постоянно сменяющие друг друга чувства и эмоции символизируют попытки борьбы за собственное достоинство, герой, с одной стороны, проявляет смирение и пытается принять существующее положение вещей и свое невысокое положение в обществе, с другой – пытается протестовать и бороться.

В тексте рассказа неоднократно встречаются упоминания о попытках героя стремиться к накоплению материальных богатств, которые также порицаются как в Священном Писании, так и в письменном наследии авторов святоотеческой литературы. Повествователь полагает, что «всё его желание услужить происходило скорее от доброго сердца, чем от материальных выгод. Он с удовольствием позволял засмеяться над собой во всё горло и неприличнейшим образом, в глаза, но в то же время – и я даю клятву в том – его сердце ныло и обливалось кровью от мысли, что его слушатели так неблагородно-жестокосерды, что способны смеяться не факту, а над ним, над всем существом его, над сердцем, головой, над наружностью, над всею его плотью и кровью», рассказчик полагает: «всё это происходило не иначе, как от доброго сердца, а вовсе не от материальной невыгоды быть прогнанным в толчки и не занять у кого-нибудь денег: этот господин вечно занимал деньги, то есть просил в этой форме милостыню, когда, погримасничав и достаточно насмешив на свой счет, чувствовал, что имеет некоторым образом право занять» [3, с. 5-6].

Образ героя содержит в себе альтруистические черты и весь наполнен любовью к ближнему, попытками услужить ради счастья других, желанием, чтобы все вокруг были счастливы, чтобы всем окружающим было хорошо. В этом отношении образ Осипа Михайловича Ползункова вновь перекликается с образами героев Макара Девушкина и Васи Шумкова, с той лишь разницей, что попытки услужить и сделать что-то приятное другим людям могут обернуться неприятными последствиями для других. Анонимный рассказчик уверен, что очерстветь и стать вконец подлым Ползунков никогда бы не смог, однако в его образе имеется изъян, небольшая слабость: «это был честнейший и благороднейший человек в свете, но с маленькою слабостью: сделать подлость по первому приказанию, добродушно и бескорыстно, лишь бы угодить ближнему» [3, с. 6]. По отношению к одному ближнему, вероятно, получилось бы проявить добродетельное поведение, для другого же человека это вполне могло бы обернуться неприятными последствиями. В этом отношении образ Ползункова временами с трудом поддается однозначной нравственной оценке.

Имя «Осип» выбрано Ф. М. Достоевским не случайно. Данное имя означает «Бог да воздаст» (прибавит, добавит, приумножит). Воздаст за старания, стремления и борьбу с пороками. Сразу же вспоминается известней-

шая цитата из «Послания к Римлянам»: «Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, который воздаст каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев» (Рм. 2:5–8) [1].

Возвращаясь к произведению «Бедные люди», можно заметить, что один из вариантов толкования образа Макара Деушкина – это образ маленького обездоленного человека. Семантически с ним связаны и образы других мелких, на первый взгляд незначимых чиновников – уже упомянутых Васи Шумкова и Осипа Михайловича Ползункова. Безусловно, данный образ отчасти сформировался под влиянием Н. В. Гоголя, которое отмечали как современники Ф. М. Достоевского (Н. А. Некрасов называет Достоевского «новым Гоголем»), так и многие исследователи его творчества в дальнейшем.

Внешне, возможно, Макар Деушкин и может показаться «маленьким человеком» и нищим по карману и условиям жизни, однако его духовное величие указывает читателю на то, что он человек «большой», богатый сердцем и душой. Исследователь творчества Ф. М. Достоевского В. Н. Захаров пишет, что «Макар Деушкин был первым откровением великой идеи Достоевского – идеи восстановления человека, духовного воскрешения забитых и бедных людей, униженных и оскорбленных» [4, с. 87]. Ф. М. Достоевский относится к своему герою с уважением и почтением, возвышает его образ, используя святоотеческую концепцию добродетелей. Образы Васи Шумкова и Осипа Ползункова являются, вероятно, менее наполненными с духовной точки зрения (в сравнении с образом Макара Деушкина), но, будучи также примерами репрезентации святоотеческой концепции добродетели в них, они представляют не меньший интерес для читателя.

Образ Осипа Михайловича Ползункова представляет собой сложный противоречивый образ, который является не просто примером репрезентации святоотеческой концепции добродетели, но являет ее в контрасте с пороками, «он предстает перед нами далеко не односложным существом, полным противоречивых стремлений» [6, с. 474], что вполне закономерно, ведь Ф. М. Достоевского особенно интересовала «сложность психологии и характера личности, не укладывающейся в привычные социальные рубрики» [Там же]. В этом заключается полисеманτικότητα и многогранность образа. Результатом этой борьбы является победа добродетелей, которая великолепно показана в конце рассказа, где психологизм достигает высшей точки. Герой, встретив Федосея Николаевича, «хотел было ему в глаза подлеца сказать», но «как-то не выговорилось» [3, с. 15]. Смирение и признание грехов своих взяло верх над пороками, в этом отчасти и заклю-

чаются первые шаги на пути к добродетельной жизни – признать о себе: «как такого грешника такое место святое на себе держать может» [3, с. 13]. Эта же мысль заключена и в словах Федосея Николаевича, выражающего надежду на выбор правильного пути для заблудшего сердца: «согрешил и покайся! Пойдем! Может быть, удастся мне возвратить вас опять на путь истинный» [3, с. 9].

Стоит отметить, что в более поздних произведениях великого писателя, в частности, например, в романе «Идиот», законченном писателем во Флоренции во время его третьего, самого продолжительного путешествия в Италию с супругой Анной Григорьевной, образ положительного героя, основанный на добродетелях и являющийся примером добродетельного поведения, получает свое дальнейшее развитие. Образ становится более сложным и многогранным, он складывается из разных компонентов и представляется, таким образом, не всегда идеальным. На страницах романа Ф. М. Достоевским представлено стремление главного героя князя Мышкина быть христианином. Князь Мышкин следует святоотеческим заветам, Библейским заповедям. Он проявляет любовь к ближнему, смирение и сострадание к окружающим его людям, способен простить прегрешения людей. Как и вышеупомянутые герои ранних произведений Ф. М. Достоевского, князь Мышкин незлобив, отзывчив и милосерден. Особенно стоит отметить, что князь Мышкин способен любить врагов своих и тем самым исполнить евангельскую заповедь: «...любите врагов ваших, благословляйте клянущих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих и гонящих вас» (Мф 5: 44) [1]. Несмотря ни на что, добродетель всегда восторжествует, однако этому предшествует борьба с пороками и сомнениями.

«Мир красотой спасется» – знаменитая фраза из законченного во Флоренции романа «Идиот», ставшая уже крылатой – является квинтэссенцией размышлений писателя о мире дольнем, о красоте духовной, которую возможно обрести лишь обладая христианскими добродетелями любви к ближнему, кротости, смирения и нестяжания, теми добродетелями, которые, зародившись в святоотеческих текстах, нашли отражение на страницах письменного наследия Ф. М. Достоевского раннего и позднего периода его творчества, созданного на отеческой земле и за рубежом.

Список литературы

1. Библия. Священное Писание Нового Завета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblia/> Дата обращения: 19.02.2023 г.
2. *Достоевский А. М.* Воспоминания. Санкт-Петербург : Андреев и сыновья, 1992. 399 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Полн.собр.соч.: в 30 т. Ленинград : Наука, 1985. Т. 2. 519 с.

4. *Захаров В. Н.* Имя автора – Достоевский. Москва : Индрик, 2013. 456 с.
5. *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский 1821–1849. Москва : Наука, 1979. 288 с.
6. *Перлина Н. М.* Примечания // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах / под ред. А. С. Долинина и Е. И. Кийко. Том 2. Ленинград : Наука, 1972. 527 с.
7. Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии. Часть вторая. Казань, 1860. 460 с.
8. *Frank Joseph.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821–1849. Princeton University Press, 1979. 424 p.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. А. БУЛГАКОВА

УДК 821.161.1.0

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-14-22>

Ольга Александровна ОРЛЕНКО,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и мировых религий, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: osya8923@yandex.ru

Аннотация: В статье перечисляются факторы, оказавшие влияние на формирование религиозно-философского характера художественного творчества русского писателя М. А. Булгакова. Автор проводит исследование трёх сюжетно связанных между собой произведений М. А. Булгакова: двух романов «Белая гвардия», «Записки покойника (Театральный роман)» и повести «Тайному другу». На основе анализа мыслей и поступков героев его произведений устанавливается ряд общих духовных ценностей. Отмечается схожесть аксиологии писателя с аксиологией русских религиозных мыслителей П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева. Автор называет имена современных российских учёных, посвятивших свои работы исследованию связи литературного творчества М. А. Булгакова с русской философией и культурой XX века. Также в статье отмечается интерес писателя к религиозно-философскому осмыслению темы смерти. Анализ художественных произведений М. А. Булгакова позволяет автору установить содержащиеся в них христианские символы жизни и смерти, определить принимаемые ими значения.

Ключевые слова: духовная ценность, жизнь, смерть, страх перед смертью, христианская символика, звезда, крест, цветок, вода, часы.

Для цитирования: Орленко О. А. Религиозно-философское осмысление жизни и смерти в произведениях М. А. Булгакова // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 14–22. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-14-22>

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF LIFE AND DEATH IN THE WORKS OF M. A. BULGAKOV

Olga A. ORLENKO, CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: osya8923@yandex.ru

Abstract: The article lists the factors that influenced the formation of the religious and philosophical character of the artistic creativity of the Russian writer M. A. Bulgakov. The author conducts a study of three plot-related works by M.A. Bulgakov: two novels "The White Guard", "Notes of the deceased (Theatrical novel)" and the story "Secret Friend". Based on the analysis of the thoughts and actions of the heroes of his works, a number of common spiritual values are established. The similarity of the writer's axiology with the axiology of the Russian religious thinkers P. A. Florensky, S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev is noted. The author names the names of modern Russian scientists who have devoted their works to the study of the connection of the literary work of M. A. Bulgakov with Russian philosophy and culture of the XX century. The article also notes the writer's

interest in the religious and philosophical understanding of the topic of death. The analysis of M. A. Bulgakov's artistic works allows the author to establish the Christian symbols of life and death contained in them, to determine the meanings they accept.

Keywords: spiritual value, life, death, fear of death, Christian symbolism, star, cross, flower, water, clock.

For citation: Orlenko O. A. Religious and philosophical understanding of life and death in the works of M. A. Bulgakov. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 14–22. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-14-22>

На страницах своих художественных произведений русский писатель М. А. Булгаков неоднократно касался многих философских проблем, важнейшей из которых была проблема поиска смысла жизни, а также связанные с ней проблемы определения духовных ценностей и проблема отношения к смерти. Решение этих проблем осуществлялось писателем в романах «Белая гвардия», «Записки покойника (Театральный роман)» и повести «Тайному другу». Сюжетная взаимосвязь первых двух произведений была установлена отечественным филологом Г. А. Лесским. Исследуя произведение М. А. Булгакова «Записки покойника (Театральный роман)» учёный писал: «Искушенному читателю очевидно, что в романе смешаны – что весьма необычно – план собственно повествовательный – история какого-то вымышленного писателя Максудова... и метаплан – реальная история инсценировки романа «Белая гвардия» писателя Булгакова на сцене Художественного театра, которая получила неслыханный успех и всемирную известность» [7, с. 129]. В свою очередь основой для «Записок покойника (Театрального романа)», по словам третьей жены писателя Е. С. Булгаковой, послужило другое произведение М. А. Булгакова – повесть «Тайному другу».

Религиозно-философское отношение М. А. Булгакова к темам жизни и смерти сформировалось под влиянием сразу нескольких факторов, важнейшим из которых было всестороннее развитие, которое он получил в собственной семье. Согласно воспоминаниям младшей сестры писателя Н. А. Булгаковой-Земской, родители тщательно следили за тем, чтобы в их доме всегда были книги, привили своим детям любовь к чтению, создали теплую семейную атмосферу. Отец писателя был преподавателем Киевской Духовной академии, получившим широкую известность в научных и религиозных кругах благодаря трудам в области богословия, а мать писателя была человеком общительным, «выдающимся и незаурядным». Дети в семье Булгаковых устраивали домашние спектакли, принимали участие в дискуссиях на социальные и философские темы. Забота родителей о воспитании и образовании своих детей способствовала формированию широкого круга интересов будущего писателя, куда вошли античная мифология, религия, философия, история.

Следующим важным фактором, способствовавшим религиозно-философскому осмыслению М. А. Булгаковым тематики жизни и смерти, была тяжелая социально-политическая обстановка, сложившаяся в годы гражданской войны в России. В письме к своей сестре М. А. Булгаков писал: «Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стёкла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве...» [2, с. 18]. Кроме того, писатель был невольным свидетелем сцены убийства человека, которую он впоследствии воспроизвёл сразу в двух своих произведениях – романе «Белая гвардия» и повести «Тайному другу». Пережитые события определили наличие эсхатологического характера художественного творчества писателя, одним из выражений которого стало цитирование устами персонажей его произведений строк из Откровения Иоанна Богослова, посвященных наступлению Страшного суда.

Особое влияние на осмысление М. А. Булгаковым феноменов жизни и смерти в религиозно-философском ключе оказал круг общения писателя, включавший в себя представителей творческой интеллигенции 20–30-х гг. В число близких друзей и знакомых М. А. Булгакова входили выдающиеся поэты и писатели того времени, выступавшие с критикой советской власти: К. Г. Паустовский, Е. И. Замятин, А. А. Ахматова, Б. А. Пильняк, а также историк философии П. С. Попов. М. А. Булгаков был также знаком с философом Г. Г. Шпетом.

Влияние русской религиозной философии и культуры XX века на литературное творчество М. А. Булгакова получило отражение в работах современных российских учёных: И. С. Урюпина «Роман М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита” в контексте традиций русской национальной культуры», Е. Р. Южаниновой «М. А. Булгаков и русская философия», Н. Н. Комлик «Нераспавшаяся связь: И. Бунин и М. Булгаков». Определенный научный интерес для современных авторов представляет поиск новых смыслов в литературном наследии М. А. Булгакова, применение высказанных им идей в процессе воспитания российской молодёжи.

О схожести аксиологии М. А. Булгакова, представленной в его произведениях «Белая гвардия», «Записки покойника (Театральный роман)», «Тайному другу», с аксиологией русских религиозных мыслителей, свидетельствует наличие общих духовных ценностей. Высшей духовной ценностью в романе «Белая гвардия», так же как в работах П. А. Флоренского «Записка о христианстве и культуре», С. Н. Булгакова «Религия человекобожия у Л. Фейербаха», Н. А. Бердяева «О назначении человека», предстаёт Бог. В трудную минуту героя романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» Елена Турбина молит Богородицу о выздоровления умирающего брата и становится свидетелем свершаемого Ею чуда, а тяжело больной поэт Иван Русаков в одночасье переходит от осмеяния Бога к глубокой вере в Его существование. Совершая неудачную по-

пытку самоубийства, герои произведений «Тайному другу» и «Записки покойника (Театральный роман)» благодарят Бога за то, что остаются в живых.

Важной духовной ценностью в произведениях М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Записки покойника (Театральный Роман)» предстаёт трудовая деятельность человека. В романе «Белая гвардия» писатель акцентировал на важности определения человеком своего профессионального призвания: «Целых лет двадцать человек занимается каким-нибудь делом, например, читает римское право, а на двадцать первом – вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле он тонкий садовод и горит любовью к цветам» [3, с. 184]. Главный герой произведения М. А. Булгакова «Записки покойника (Театральный Роман)» чувствует, что дело всей его жизни состоит в сочинении пьесы и её постановке на театральной сцене, для реализации своей мечты он готов преодолеть всевозможные препятствия. В данном отношении мысли М. А. Булгакова о ценности труда схожи с мыслями его однофамильца – религиозного мыслителя С. Н. Булгакова, который в своей работе «Философия хозяйства» подчеркивал равноценность физического и умственного труда, говорил о важности понимания труда как особого вида деятельности человека на земле.

В качестве ещё одной духовной ценности в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» выступает сохранение чести и достоинства человека. Для вернувшегося с войны Алексея и его младшего брата Николки вопрос о сохранении чести является принципиально важным, чего нельзя сказать о муже их сестры – капитане Тальберге, который легко переходит на сторону врага в гражданской войне, а также, будучи женатым человеком, вступает в отношения с другой женщиной, тем самым пороча не только воинскую, но супружескую честь. Сохранение собственной чести и достоинства также представляется важным главному герою романа М. А. Булгакова «Записки покойника (Театральный роман)» – Сергею Леонтьевичу Максудову. Собираясь на встречу, от которой зависит дальнейшая судьба его пьесы, Максудов ставит перед собой задачу держаться с достоинством и не заискивать перед художественным руководителем театра. Сохранение чести и достоинства представлялось одной из важнейших составляющих морального облика человека в русской религиозной философии первой половины XX века. Философы рассуждали о вере и предательстве, истине и лжи, мужестве и трусости. Размышляя о значении чести и достоинства для человека, философ Н. А. Бердяев писал: «Ценность чести, национальной и личной, выше благополучия и покойного удовлетворения» [1, с. 217], тем самым осуждая соотечественников, которые с лёгкостью перешли на сторону врага во время гражданской войны ради защиты собственной свободы и имущества.

В качестве ещё одной духовной ценности в произведениях М. А. Булгакова выступает семья. Члены семьи Турбиных в романе «Белая гвардия» испытывают искреннюю любовь по отношению друг другу подобно той любви, которую испытывали члены семьи самого писателя. По словам литературоведа Б. В. Соколова, «лейтмотивом «Белой гвардии» становится идея сохранения Дома, родного очага, несмотря на все потрясения войны и революции...» [10, с. 62]. В повести «Тайному другу» главный герой испытывает чувство одиночества, с грустью вспоминает о своей умершей матери. Чувство любви и глубокой привязанности к своей семье было характерно и для многих представителей русской религиозной философии. Так в послании своим детям философ П. А. Флоренский с теплотой вспоминал моменты из своего детства, подчёркивал значение семьи в частном и мировом отношениях: «Дом, семья есть живое единство, и в мое детское сознание не вместилось бы, если бы и возникло, понимание семьи не как полного, неразрывного даже в отвлечении единства» [12, с. 230].

Однако внимание М. А. Булгакова было приковано не только к теме жизни, но и к теме смерти, о чём свидетельствуют написанное им после присутствия на похоронах поэта В. В. Маяковского стихотворение «Funerailles» («Похороны»), а также собственные мысли писателя о смерти, высказанные им в личной беседе его другу драматургу С. А. Ермолинскому: «Как всякому смертному, мне кажется, что смерти нет. Её просто невозможно вообразить. А она есть. Он задумался и потом сказал ещё, что духовное общение с близким человеком после его смерти отнюдь не проходит, напротив, оно может обостриться, и это очень важно, чтобы так случилось...» [6, с. 99].

Повествование в романе «Белая гвардия» начинается с описания похорон матери главных героев, смерть которой вызывает у них страдание и недоумение. Писатель сравнивает эффект, производимый на человека вестью о смерти другого, с эффектом, производимым на него вестью о полном поражении: «О, только тот, кто сам побежден, знает, как выглядит это слово! Оно похоже на вечер в доме, в котором испортилось электрическое освещение. Оно похоже на комнату, в которой по обоям ползет зеленая плесень, полная болезненной жизни. Оно похоже на рахитиков – демонов ребят, на протухшее постное масло, на матерную ругань женскими голосами в темноте. Словом, оно похоже на смерть» [3, с. 146]. Дальнейшие размышления М. А. Булгакова о смерти приводят его к выделению приличного и неприличного видов смерти в зависимости от места, в котором она настигла человека, а также от наличия или отсутствия людей, окружающих человека в момент её наступления: «Смерть в этой комнате – фу... Войдут... галдеть будут ... хоронить не на что. В Москве, в пятом этаже, один... Неприличная смерть. Хорошо умирать в квартире на чистом душистом белье или в поле. Уткнёшься головой в землю, подползут к тебе, поднимут,

повернут лицом к солнцу, а у тебя уж глаза стеклянные» [5, с. 910]. Однако М. А. Булгаков интересовал не только сам феномен смерти, но и чувство страха, которое человек испытывает перед её приходом. В своих произведениях писатель подчёркивал беспомощность человека, осознающего неминуемую гибель: «Я почувствовал, что я умру сейчас за столом, жалкий страх смерти унизил меня до того, что я простонал, оглянулся тревожно, ища помощи и защиты от смерти» [4, с. 786].

О религиозно-философском характере художественного творчества М. А. Булгакова свидетельствует наличие в нём ряда христианских символов, принимающих как значение жизни, так и значение смерти. Одним из таких символов в романе «Белая гвардия» является звезда, на которой писатель заостряет внимание читателя в начале и конце данного произведения: «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звёзды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?» [3, с. 312]. В христианском вероучении звезда является одним из наиболее часто встречающихся символов, неслучайно «... Христос в Новом Завете метафорически сравнивается с утренней звездой» [9, с. 366]. Звёзды в романе М. А. Булгакова служат предвестниками грандиозных перемен в общественном строе, о которых не догадываются люди, занятые решением различных бытовых проблем. Однако звезда – не только христианский, но и языческий символ. Писатель обращает внимание читателя именно на «звёзды Венеры и Марса», первая из которых в античной мифологии служит олицетворением любви и покорности, в то время как вторая, «нарождающаяся» символизирует войну и борьбу. На смену царской России с установившимся укладом жизни, опорой на христианскую веру, приходит Советская республика с новыми ценностями и пропагандой атеистического мировоззрения. Звёзды в романе также символизируют вечность божественной жизни и конечность жизни земной. По мнению С. И. Степанова, «...Булгаков подчёркивает, что звёздное небо напоминает нам о невидимом мире, имеющем вполне конкретный – религиозный – смысл» [11, с. 85].

Другим не менее важным христианским символом, принимающим значения жизни и смерти в произведениях М. А. Булгакова, является крест. Данный символ упоминается писателем несколько раз в романе «Белая гвардия» при описании памятника князю Владимиру в Киеве, а также в повести «Тайному другу» при описании этого же памятника, который главный герой на этот раз видит во сне. В Священном Писании крест означает не только страдание и смерть, но и последующее за ней Воскресение и обретение вечной жизни. Особенностью, связанной с появлением данного символа в романе «Белая гвардия», является его иллюзорная трансформация в меч как напоминание о защите тех, кто остался предан своей вере.

Еще одним христианским символом жизни и смерти в романе «Белая гвардия» выступает цветок. Упоминание цветка в качестве символа смерти присутствует в Ветхом Завете: «Дни человека – как трава; как цвет полевой, так он цветёт. Пройдёт над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс. 102:15–16). Неслучайно в произведении «Записки покойника (Театральный роман)» Максудов говорит о букете ромашек как неременном атрибуте вдовы, поскольку в сознании христианина цветы связываются не только с жизнью, но и со смертью. Главная героиня романа «Белая гвардия» Елена Турбина тщательно следит за тем, чтобы на столе в их доме всегда стояли цветы, поскольку цветы у неё ассоциируются с жизнью и красотой.

Большое значение писатель придавал в своих произведениях воде как христианскому символу жизни и смерти. С одной стороны, вода необходима для поддержания жизни человека, с другой стороны, может погубить его и всё живое вокруг, как это говорится в Библейском рассказе о всемирном потопе. Описывая брак Елены Турбиной, писатель сравнивает его с треснувшей вазой, из которой постепенно вытекла вся вода, тем самым желая показать, что взаимоотношения супругов в этом союзе приобрели сугубо формальный характер. Упоминание воды как символа жизни встречается также в другом произведении М. А. Булгакова – «Тайному другу». Делая глоток воды из чайника, после неудавшейся попытки самоубийства главный герой повести испытывает внутреннее ликование перед жизнью.

Христианским символом жизни и смерти, присутствующим во всех произведениях М. А. Булгакова, являются часы (время). Частое обращение писателя к данному символу связано с размышлением о конечности человеческого существования. С одной стороны, часы выступают неременным атрибутом домашней обстановки героев его произведений, с другой стороны, принимают значение смерти и последующих за ней адских мучений. В данном отношении представляется возможной трактовка жизни как временного отрезка, на котором «Бог испытывает духовную сущность людей и где определяется их судьба в вечности (Еккл. 3:16–21)» [8, с. 195].

Таким образом, в числе факторов, способствовавших становлению религиозно-философского характера художественного творчества М. А. Булгакова, следует назвать особое влияние родителей писателя, сумевших создать благоприятные условия для всестороннего развития своих детей, тяжелые впечатления, полученные писателем в годы гражданской войны в России, а также особый круг общения, куда входили выдающиеся писатели, поэты и философы первой половины XX века.

Рассуждения М. А. Булгакова о жизни были построены вокруг представления о духовных ценностях человека, главной из которых был Бог. Среди

других духовных ценностей в произведениях писателя выделяются труд, честь и достоинство, семья. Сравнение аксиологии М. А. Булгакова с аксиологией П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева позволяет сделать вывод о сходстве представлений о духовных ценностях М. А. Булгакова и представителей русской религиозной философии.

Однако М. А. Булгаков не только развивал в своём художественном творчестве тему жизни, но и проявлял особый интерес к теме смерти, о чем свидетельствует создание им стихотворения «Funerailles» («Похороны»), а также мысли о смерти, которыми он поделился с С. А. Ермолинским. Выражая философское отношение к смерти, писатель стремился передать в своих произведениях всю глубину чувства страха перед ней, выделял виды смерти в зависимости от условий её наступления.

В результате исследования романов М. А. Булгакова «Белая гвардия», «Записки покойника (Театральный роман)», повести «Тайному другу» установлено наличие христианских символов жизни и смерти. В романе «Белая гвардия» такими символами являются звезда, крест, цветок, вода, часы (время). В повести «Тайному другу» набор символов жизни и смерти включает в себя крест и часы (время), а в романе «Записки покойника (Театральный роман)» цветок, воду и часы (время). Общим христианским символом жизни и смерти во всех трёх литературных произведениях М. А. Булгакова являются часы (время).

Философский взгляд М. А. Булгакова на темы жизни и смерти, присутствие в его произведениях важнейших христианских ценностей и символов свидетельствуют о религиозно-философском характере его художественного творчества.

Список литературы

1. *Бердяев Н. А.* Судьба России. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 416 с.
2. *Булгаков М.* «Мне нужно видеть свет...»: дневники, письма, документы. Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 784 с.
3. *Булгаков М. А.* Белая гвардия // Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2012. С. 99–313.
4. *Булгаков М. А.* Записки покойника (Театральный роман) // Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2012. С. 781–902.
5. *Булгаков М. А.* Тайному другу // Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2012. С. 902–925.
6. *Ермолинский С. А.* Из записок разных лет. Михаил Булгаков. Николай Заболоцкий. Москва : Сов. писатель, 1990. 254 с.

7. Лесскис Г. А. Триптих М. А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия»; «Записки покойника»; «Мастер и Маргарита». Комментарии. Москва : ОГИ, 1999. 432 с.
8. Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. Время // Словарь библейских образов. Санкт-Петербург : Библия для всех. 2005. С. 160–165.
9. Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. Звёзды // Словарь библейских образов. Санкт-Петербург : Библия для всех. 2005. С. 366–367.
10. Соколов Б. В. «Белая гвардия» // Булгаков. Энциклопедия. (Серия: Русские писатели.). Москва : Алгоритм, 2003. С. 59–75.
11. Степанов С. И. О мире видимом и невидимом в произведениях М. Булгакова. Разруха в головах. Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. 292 с.
12. Флоренский П. А. Имена. Харьков : Фолио; Москва : АСТ, 2000. 448 с.

КАК ЧИТАТЬ «МЫ» Е. ЗАМЯТИНА

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-23-35>

Рафаэла БОЖИЧ,

профессор кафедры русистики, Задарский университет,
Хорватия, e-mail: rbozic@inbox.ru

Аннотация: Произведение русского авангарда – роман «Мы» Е. Замятина – и сегодня, спустя более ста лет после своего создания, своей революционной поэтикой, во многом поэтикой минимализма, ставит перед читателями задачу, о которой многие даже не подозревают, и поэтому остаются только на первом уровне понимания романа, т. е. на уровне сюжетной линии. Однако большая часть романа написана через «пробелы», загадки и подсказки, и чтобы полностью понять его красоту и замысел, необходимо прочитать его таким образом, каким его себе представлял автор. В статье (преимущественно методом внимательного чтения и филологического анализа) на примерах использования тире, наименования персонажей, идеологем *революция* и *старение* и лексемы *счастье* указывается на многослойность этого замечательного романа.

Ключевые слова: Е. Замятин, наименование персонажей, тире, революция, счастье, старение.

Для цитирования: Божич Р. Как читать «Мы» Е. Замятина // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 23–35. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-23-35>

HOW TO READ "WE" BY E. ZAMYATIN

Rafaela BOŽIĆ, PhD, Professor (Full), Department of Russian Studies,
University of Zadar, Croatia, e-mail: rbozic@inbox.ru

Abstract: The work of the Russian avant-garde, the novel "We" by E. Zamyatin, today, more than a hundred years after its creation, with its revolutionary poetics, in many respects the poetics of minimalism, poses a task for readers that many do not even suspect, and therefore remain only at the first level, i.e., at the storyline level. However, much of the novel is written through "gaps", riddles and clues, and to fully understand its beauty and intent, it is necessary to read it the way the author imagined it. In the article (mainly by the method of close reading and philological analysis), using examples of the use of dashes, the names of characters, the ideologemes *revolution* and *aging* and the lexeme *happiness*, the complexity of this wonderful novel is indicated.

Keywords: E. Zamyatin, naming of characters, dash, revolution, happiness, aging.

For citation: Bozic R. How to read "We" by E. Zamyatin. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 23–35. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-23-35>

Введение

Главное исследовательское внимание жанра утопии и антиутопии, как правило, концентрируется на тематике и социально-политической проблематике, тогда как языковой, лингвостилистический уровень чаще всего остается вне поля зрения ученых [3, с. 569].

Читая научные тексты о романе «Мы» Евгения Замятина, видно, как мало внимания уделяется поэтике этого произведения, но без лингвостилистического анализа мы не можем его до конца понять и оценить. Поэтому неудивительно и что большинство читателей не замечают ничего, кроме сюжетной линии романа.

От недостатка поэтического анализа страдают и переводы этого романа. Например, в одном из переводов на английский язык совсем утратилось «замятинское» тире. Можно утверждать, что это повлияло на слабую рецепцию романа в среде, говорящей на английском языке. Потому что в этом «тире» – в этих «пропусках» – Замятин заложил очень много содержания [12].

Посмотрим, как отражается на романе его поэтика. Обратим внимание на следующие элементы: роль тире, наименование персонажей, идеологемы *революция* и *старение* и мотив/лексему *счастье*.

Тире¹

В русском языке тире в предложении имеет много употреблений². Мы могли бы ожидать, что тире часто встречается в разных текстах, но это не так, потому что тире прерывает нейтральный (немаркированный) ритм высказывания, а стилистическое свойство тире состоит в том, чтобы выделить либо содержание, либо стиль высказывания. Можно сказать, что употребление тире чаще всего стилистически окрашено и что единственным стилистически немаркированным употреблением тире является его употребление в качестве связки в настоящем времени³.

В романе «Мы» более трех тысяч тире. Их количество распределено неравномерно. Синтаксис (и тире) в романе в функции построения композиции романа, создания сюжетной напряженности и выражения прогрессирующей психоэмоциональной рассеянности главного героя (и что очень важно – ненадежного рассказчика) [12].

В своих эссе Замятин дает ключ к пониманию своей поэтики, которую последовательно применяет в романе. Так как «количество» тире в романе Замятина – стилистический прием, оно нуждается в адекватной интерпретации.

Синтаксические позиции тире в романе «Мы» можно сгруппировать следующим образом:

а) Тире вместо запятой.

Резкие, быстрые – острым топором – хорей. [6, с. 169].

... зеленое оранжевое – Будда – сок. [6, с. 160].

¹ Об этом в деталях я писала в книге «Distopija i jezik, distopijski roman kroz oko lingvostilistike» («Антиутопия и язык. Роман-антиутопия сквозь призму лингвостилистики»), Zadar 2013 [6].

² Здесь мы не будем приводить примеры, которые любой легко может найти в разных грамматиках русского языка.

³ Даже в этой позиции тире не всегда употребляется, например: «Жизнь армейского офицера известна» (Пушкин, «Выстрел») [8, с. 446].

Наконец: ступеньки – сумерки – все светлее – и мы снова на улице веером, в разные стороны ... [6, с. 278].

И я, задыхаясь, мчался – чтобы не опоздать. [6, с. 176].

б) Тире вместо многоточия, в конце или внутри предложения.

Ничего... Завтра же пойду к Р и скажу, что – – [6, с. 180].

Как я ее – – впрочем, да; поздно уж. [6, с. 185].

Как если бы черные, точные буквы на этой странице – вдруг сдвинулись, в испуге рассказали какая куда – и ни одного слова, только бессмыслица: пуг – – скак – – как – – [6, с. 276–277].

в) Тире как знак паузы.

По старому обычаю – десять женщин увенчивали цветами еще не высохшую от брызг юнифу Благодетеля. [6, с. 170].

В тот момент – я видел только ее глаза. [6, с. 157].

Но зато теперь вы – в моих руках. [6, с. 173].

г) Тире в функции связки.

Не спать ночью – преступно. [6, с. 566].

Ребра – железные прутья, тесно. [6, с. 172].

Ясно, что в случаях *а*, *б* и *в* тире представляет собой синтаксический элемент стиля (т. е. употребление не грамматически обусловлено); употребление тире грамматически обусловлено только в случае *г*. Но возникает вопрос, можно ли и в случае *г* говорить о стилистической функции⁴.

Для подтверждения этой возможности необходимо в романе найти употребление тире между подлежащим и сказуемым, не обусловленное употреблением тире в качестве связки. Такие примеры действительно можно найти. Тире появляется в следующих позициях:

а) Между подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом в настоящем времени.

Вы – идете к шпионам... фу! [6, с. 163].

– вы и не подумаете пойти в Бюро и сообщить, что вот я – пью ликер, я – курю. [6, с. 174].

б) Между подлежащим и сказуемым, выраженным возвратным глаголом в настоящем времени.

И я – распоряжаюсь испытаниями. [6, с. 271].

в) Между подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом в прошедшем времени.

Р – брызнул фонтаном. [6, с. 165].

Сталь – ржавеет; древний Бог – создал древнего, т. е. способного ошибаться, человека и, следовательно, сам ошибся. [6, с. 182].

г) Между подлежащим и сказуемым в прошедшем времени, выраженным возвратным глаголом.

И вдруг она – рассмеялась. [6, с. 158].

⁴ Это особенно важно для перевода.

S – двояко улыбнулся, кивнул мне, проскользнул к выходу. [6, с. 162].

д) Между подлежащим и сказуемым, выраженным вспомогательным глаголом, который находится в функции связки, и именной части, выраженной местоимением.

Я – был я. [6, с. 176].

Эти примеры доказывают нам, что нельзя автоматически отвергать стилистическую роль тире на месте связки, а надо понять, как интерпретировать роль тире в конкретном предложении в соответствии с поэтикой и синтаксисом Замятина. То есть возникает вопрос, что на самом деле означает тире в таких предложениях как: «Потому что линия Единого государства – это прямая» [6, с. 140] или «Великая, божественная, точная, мудрая прямая – мудрейшая из линий» [6, с. 140].

Если предложение «Великая, божественная, точная, мудрая прямая – мудрейшая из линий» считать эллиптическим, то оно не допускает ни малейшего сомнения в том, что прямая – самая мудрая линия⁵. Признание этого предложения эллиптическим допускает и факт, что в романе много эллиптических предложений, которые подчеркивают эмоциональную реакцию рассказчика, например «Письмо – в ключья» [6, с. 210] или «У входа в Древний Дом – никого» [6, с. 218].

Томашевский [10, с. 74] указывает на то, что эллиптические предложения придают текстам краткость и энергию, и, как писал об этом сам Замятин [7, с. 318], такие предложения выполняют функцию активного вовлечения читателя, активизируя потребность читателя заполнить недостающие части. Таким образом литературное значение произведения искусства растет вместе с читателем и становится его органической частью.

Пример: «Я – перед зеркалом. И первый раз в жизни – именно так: первый раз в жизни – вижу себя ясно, отчетливо сознательно, – с изумлением вижу себя как кого-то «его». Вот я – он: черные, прочерченные по прямой брови: ... А я настоящий, я – не – он...» [6, с. 177] ясно показывает, сколько в тире заложено эмоциональной напряженности.

Одной из важных характеристик романа является сильно опозитивированный язык главного персонажа и рассказчика Д-503, что важно потому, что сам Д-503 отрицает свою чувствительность и старается вести себя вполне рационально. Это чрезвычайно важное противопоставление в романе, изучающем противоположности коллективного и индивидуального, разума и эмоций.

Часто можно встретить мнение, что персонажи в «Мы» «плоские», что характеристики персонажей в романе нет. Но на самом деле это совсем не так. Замятин характеризует Д-503 «косвенно», т. е. читатель сам должен воссоздать его характер на базе «подсказок», которые автор «подбрасывает».

⁵ Кроме того, само тире – это прямая, поэтому использование тире находится в прямой связи с идеологией Единого Государства.

Первые важные «подсказки» Замятина о Д-503 – это именно его язык и выбор жанра. Во-первых, его язык сильно поэтизирован (например, полон метафор) и очень эмоционален (что особенно видно именно на уровне синтаксиса и употребления тире). Это ясно показывает внутренний конфликт Д-503, на что указывает и выбор формы дневника, который является одним из самых интимных жанров, т. е. Д-503 с помощью интимного жанра старается писать о «общем», что уже много о нем говорит.

Наименование персонажей⁶

Наименование персонажей часто является одним из способов характеристики персонажей. Но какую роль играет наименование персонажей в романе «Мы», если сомнительно, можно ли в этом романе вообще говорить о наименовании персонажей? Именованное в романе «Мы» состоит из одной фонемы/графемы: согласной (мужские персонажи) или гласной (женские персонажи) и числовой части имени.⁷

Обычно указывается, что такое именованное персонажей связано с именованнием заключенных, лагерников, и что это характеризует характер общества в Едином Государстве, но что оно не играет никакой роли в характеристике персонажей. Однако такое мнение учитывает только первый уровень наименования в романе.

Второй уровень значения существует, и он очень важен, а мы обнаруживаем его при анализе мотивации именованного на уровне фонем и графем, составляющих «имя». Роман Якобсон указывает [11, с. 89], что природа не терпит праздности (мы добавляем – тем более литература) и что из-за тесной связи между звуком и значением в словах говорящим необходимо дополнять эту внешнюю связь внутренней. Сопоставление разных голосов может выражать отношения, связанные с музыкальными, зрительными, тактильными и т. д. ассоциациями. Например, противопоставление высоких и низких фонем может вызвать ассоциации: яркий – темный, острый – круглый, тонкий – толстый и т. д.

Понятно, что в «классических» именах легко определить коннотации (известные имена из греческой или иной мифологии, библейские имена и т. д.). Также видно, соответствует ли имя персонажа другим его характеристикам, или же оно усиливает какие-то существующие гротескные ха-

⁶ Об этом в деталях я писала в книге «Distopija i jezik, distopijski roman kroz oko lingvostilistike» («Антиутопия и язык. Роман-антиутопия сквозь призму лингвостилистики»), Zadar 2013 [12].

⁷ На наш взгляд, цифровая часть имени относится не к области лингвистики, а скорее к семиотике. Однако мы полагаем, что и она мотивирована, но не характеристикой персонажа, а «характеристикой» общества. Самый высокий номер у S-4711, представляющий «хранителей» (полицию), а наименьший номер у поэта R-13. Для поддержания тоталитарного общества полицейских требуется гораздо больше, чем представителей других профессий. Поэтов во всех обществах относительно немного (тем более, что это именно профессия поэта). Заметим, что главный герой – инженер Д, отмеченный цифрой 503, что соответствует этому предположению. Анализу цифровой части имени Лахузен, Максимова и Эндрус посвятили книгу. Их положения, хотя и интересные, все-таки кажутся часто чрезмерными [8].

рактеристики. Но в «Мы» ситуация иная, приходится опираться на другие источники информации – на сами фонемы и графемы.

Важны ли артикуляционные и изобразительные особенности фонем/графем в характеристике персонажей романа? Если бы в романе не было ссылки на коннотативные значения наименований, то каждого из персонажей можно было бы назвать совершенно по-разному, т. е. было бы не важно, как их зовут. Но – это не так.

В том, что фонемы являются важным элементом значения, нет ничего нового. Уже А. Белый интерпретировал фонемы как носители значения. Во многих культурах буква выступает как символ тайного существа, сама его субстанция [14, с. 203]. Следовательно, может ли только одна фонема/графема быть достаточно мотивированной и нести достаточно коннотативных значений, чтобы можно было утверждать, что она является существенным элементом характеристики персонажа?

Анализ показывает, что да. Мотивация даже четко указана в самом романе [12]. Персонаж О-90 напоминает рассказчику букву О, как и персонаж S-4711, который физически «дважды изогнутый, вроде буквы S» [6, с. 143]. Но фонетические и визуальные характеристики фонем/графем указывают на еще более сложную роль наименований в романе [12].

Письмо в основном выступает только как вспомогательная система, и часто не имеет значения, написано ли произведение латиницей, кириллицей или любым другим письмом. Однако в романе «Мы» персонажи отмечены двумя письмами. I-330, S-4711 и R-13 выделены латинскими буквами, а Д-503 и Ю – кириллицей. Женский персонаж О-90 отмечен буквой, которая употребляется как в кириллице, так и в латинице. Таким образом Замятин уже на уровне графем создает три группы персонажей – революционеров, отмеченных латиницей, сторонников государственной политики, отмеченных кириллицей, и О – персонаж, который принадлежит природе, естественному закону жизни [12].

Также нельзя не учитывать зрительно-ассоциативную насыщенность графем.

Главный женский персонаж I-330 отмечен двумя графемами. В имени буква I, а визуально в чертах лица преобладает X, что очень ясно на уровне символики. Но только графема «I» входит в состав имени. Зрительная мотивация буквы I видна уже из слов самого рассказчика: «Направо от меня – она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330...» [6, с. 143]. Хлыст имеет множество символических значений. Хлыст является и символом молнии, и, подобно молнии, также является символом творческой энергии [14, с. 40]. Латинская буква I также ассоциируется с английским словом «I» («я»). Таким образом, на визуальном уровне I-330 предстает как носитель энергии и индивидуальности. Визуальный образ графемы I также подчеркивает ее изящность и красоту.

Главный мужской персонаж отмечен кириллической буквой Д. Если мы сравним другие буквы кириллицы, то увидим, что буква Д обладает целым рядом визуальных характеристик, которых нет у других букв системы. Буква Д состоит из более-менее правильного куба, стоящего на двух «ножках». Куб символизирует материальный мир, он символ постоянства, вечности [14, с. 263]. Куб предполагает замкнутое пространство, аналогичное пространству Единого Государства, где люди живут в стеклянных комнатах-камерах.

Имя Д-503 указывает на то, что он сторонник идеологии Единого Государства. Он закрыт для новых влияний – его четыре угла указывают на оборонительную позицию. Буква полностью закрыта и подобна Стене, которая окружает Единое Государство от внешних влияний. Ассоциацию устойчивости дополнительно подтверждают две «ножки», на которых стоит верхняя часть знака. Но это как раз и есть самое «слабое место». Роман на уровне персонажа Д-503 дает подробную психолого-эмоциональную характеристику выпавшего из равновесия персонажа, т. е. буквы Д, у которой «сломана» одна из «ног» [12]. Трагедия персонажа Д-503, таким образом, возникает из-за несовместимости имени и характера. Это единственный персонаж романа, чье имя и его коннотативное значение не согласуются с его сущностью. Д-503 – это просто замятинский вариант имени Раскольников!

В этой одной графеме Замятин доводит до крайности принцип, который встречаем в большинстве литературных утопий разных периодов, для которых характерна правильная геометрическая структура утопического города [5] и сам главный персонаж отождествляется с архитектурой «идеального города». Еще раз видно доказательство связи архитектуры и идеологии [9, с. 15].

Следующий персонаж, именуемый кириллицей – Ю. Ясно, что графема использовалась, потому что это графема, объединяющая графемы I и O. Следовательно, это женский персонаж, который противопоставляется двум другим главным женским персонажам. В то время как I представляет собой принцип революции, Ю представляет собой принцип энтропии. В то время как O представляет принцип жизни, Ю – уже состарившаяся бесплодная женщина. Таким образом, он представляет смерть как в социальном, так и в биологическом плане [12]. Неслучайно именно она берет детей на «операцию» по удалению мечты.

Единственный персонаж, избежавший участи революционеров или участи лояльных системе персонажей, – это женский персонаж O-90. Она продолжает свою жизнь в диком мире за пределами Единого Государства. Ее путь – универсальный путь жизни, который символизируется беременностью (ребенок – продолжение жизни). Она символически отмечена буквой, общей для обоих писем. O – это тоже совершенная форма – форма без

начала и конца, своего рода вечный двигатель. Она и физически напоминает графему-имя. Зрительный образ О-90 развивает ассоциацию теплоты, мягкости, нежности (О не имеет острых краев), также развивает ассоциацию всего, что мы обычно ассоциируем с материнством (круглый живот беременной женщины). В отличие от куба, круг катится – он движется и представляет собой естественный процесс эволюции.

Зрительный образ графемы R реализуется через ее зеркальное отображение – русскую букву «я», того же значения, что и личное местоимение первого лица единственного числа. Так имя поэта противопоставляется названию романа⁸. Зрительный образ графемы R также согласуется со «шкатулкой», которая у R на затылке. «Шкатулка» прячет знания [14, с. 295]. Это ассоциация ко всему культурному содержанию, без которого поэзия, собственно, не существует. Зеркальное отображение есть знак того, что в литературе нельзя пренебрегать «отражением» произведения, т. е. каждое произведение существует только как многослойное творение.

Таким образом, в романе местоимением «я» отмечены два персонажа – революционерка I-330 и поэт R-13, что соответствует взглядам Замятина на роль революционеров и поэтов как инициаторов перемен.

И звуковой образ «имен» семантически полон.

Артикуляционная характеристика гласного [i] – это гласный с высокой степенью поднятия языка, переднего ряда, нелабиализованный. Он вполне соответствует характеру молодой, энергичной революционерки. Если мы посмотрим на место образования в ротовой полости, то заметим, что [i] является гласным первого ряда, т. е. «выражает» свой «революционный характер» и с акустической стороны. С точки зрения раскрытия губ при произнесении звука [i] губы очень сомкнуты (ср. постановку звука [á]) – поэтому они выражают загадочность, тайну, не позволяющую проникнуть в его нутро. Фонема [i] также стоит после мягких согласных, поэтому можно сказать, что с I, т. е. [i], Д на самом деле [d'], мягкий, «податливый».

Гласная фонема [ó], напротив, является фонемой среднего уровня поднятия языка, последнего ряда, лабиализованная, так что ей присущи черты консерватизма и сексуальности (надутые губы). Акустическая картина этой гласной указывает на твердое окружение – [ó] находится в русском языке после твердых согласных. В позиции перед [ó] Д стоит [d], т. е. «твердым».

Наиболее значимые акустические характеристики согласного [d] следующие: при образовании перегородки речевого прохода он завершается и закрывает проход воздушному потоку, который после открытия перегородки внезапно вылетает наружу – это взрывной согласный с низким резонан-

⁸ Белобровцева утверждает, что персонаж R-13 относится к первому поэту революции, Маяковскому. Хотя она достаточно убедительно доказывает этот факт, на уровне поэтики и семантики романа это не важно [1], тоже не имеет особенного влияния на наименование персонажа.

сом. Это согласуется с характером персонажа, который живет в перегородке (стеклянной комнате, камере), а после встречи с I-330 неудержимо, взрывообразно перестает контролировать свои чувства и поступки.

R уникален тем, что это единственная графема, которая в особых ситуациях может относиться как к гласным, так и к согласным. Гласный [r], в отличие от согласного [r], имеет более высокий звон (звонкость) и длится дольше. Это соответствует характеру поэта и его профессии. Профессия поэта на самом деле является формой исследования выразительных, акустических и других возможностей языка. Именно поэтому губы являются именно той частью тела, которая его определяет, что выражается и на уровне акустических свойств звука [r].

Мы видим, что все персонажи разные – на что указывают и наименования, и внешность персонажей. Именно столкновение *я – мы* производит действие романа. Момент, когда *я = мы*, противостояние исчезает, нет сопоставления, нет различий – нет революции, возникает энтропия (роман заканчивается).

Революция, счастье и старение

Интересно, что Замятин в романе по-разному относится к лексемам (идеологемам) *революция*, *счастье* и *старение*.

Лексема *революция* встречается только в одном отрывке, но ясно и недвусмысленно говорящем о том, что каждая революция всего лишь одна в ряду многих [6, с. 255]. Замятину не нужно доказывать этот очевидный факт.

В отличие от лексемы *революция*, лексема *счастье* употребляется очень часто, не менее 30 раз. Это существенное отличие от других мотивов в романе, которые мы анализировали в других своих работах (еда, старение⁹). Можно сделать вывод, что именно счастье является центральным мотивом в романе. Это очень важно для характеристики Д-503, т. е. можно задать вопрос: почему это так важно для Д-503? Почему такой рациональный персонаж, как Д-503, постоянно думает о счастье? И, конечно же, почему это так важно для Замятина?

Роберт Эллиот спрашивает: «Как можно свести счастье к математике?» [15, с. 71]. Однако математика – это язык, на котором можно выразить всю вселенную, и, возможно, единственный универсальный язык различных (пока еще неподтвержденных) космических цивилизаций. Возможности математики могут показаться ограниченными тем, кто не знает ее языка. Математика включает даже иррациональные величины, которые так беспокоят Д-503. Возможно, проблема не в математике, а в ограниченном понимании математики и языка математики. На деле язык математики может быть не менее способен к выражению многих аспектов человека, чем наши

⁹ В книгах и статьях [2], [12], [13] и др.

«обычные» языки, но его уровень настолько высок, что слишком мало людей говорят на нем и могут его понять. В любом случае он не предназначен для разговора об эмоциях. Однако язык математики, о котором (и на котором) говорит Д-503, находится в зачаточном состоянии (что опять же в «замятинском» минималистском стиле характеризует и Д-503, и общество, которое он так восхваляет).

Математическое выражение счастья Единого Государства реализуется в дроби, в которой знаменатель сводится к нулю, и дробь превращается в красивую бесконечность. Конечно, проблема с дробью не в математике, а в упрощении упомянутого уравнения, из которого удалены многие величины, а любовь ошибочно отождествляется с сексуальным уровнем, составляющим лишь одну ее часть.

Что это уравнение неверно и, следовательно, не обеспечивает счастья, видно в самом конце романа, когда сидящий рядом с Д-503 мужчина говорит, что он математически вычислил, что бесконечности не существует: «Если мир бесконечен – то средняя плотность материи в нем должна быть равна нулю. А так как она не нуль – это мы знаем, – то, следовательно, вселенная – конечна...» [6, с. 292].

Интересно, что Д-503 на основе математики с самого начала романа смог понять, что I-330 манипулирует событиями. Она советует ему прийти в аудиториум 112. К своему удивлению, он действительно получает расписание именно в этот аудиториум. Наивный Д-503 не понимает, что это не случайность, хотя математика явно указывает ему на манипуляцию.

Также уже в первом упоминании о счастье мы видим основные элементы концепции счастья Единого Государства – это отношение между счастьем и свободой. Соотношение между свободой и несвободой Д-503 связывает с таким ключевым текстом, как «Библия» и история первых людей Адама и Евы.

Для Д-503 Часовая Скрижаль, определяющая ритм жизни каждого жителя Единого Государства, является высшим выражением несвободы, а значит, и счастья. Цель (идеал) Единого Государства – это общество, в котором больше ничего не происходит. Таким образом, идеал означает повторение одного и того же дня.

Джоанна Расс в своей рецензии на книгу Р. Ц. Эллиотта «Форма утопии» (*The Shape of Utopia*) подчеркивает, что банальное представление о том, что свобода всегда приносит несчастье, просто неверно [16, с. 118]. Однако дело не в том, что Замятин верит в эту банальную концепцию, как раз наоборот. В эту банальную концепцию верит Д-503, который довольно ограниченный рассказчик. И все же мысли Д-503 часто вводятся в теоретические работы, как мысли Замятина.

Вопреки всему, во что он верит, Д-503 влюбляется в женщину, которая символизирует свободу, непредсказуемость, стихию. Д-503 говорит о люб-

ви, но он не знает, что это такое любовь. Он не различает любовь, страсть и влюблённость. Воспитание Д-503 не могло подготовить его ко всему, что с ним происходит во время дневника-романа. Кроме страсти, он не понимает ложь. Отрицать, что что-то существует – это не значит, что этого нет (о манипуляции реальностью языком писал Джордж Оруэлл в его знаменитом романе «1984», но Замятин об этом писал гораздо раньше, хотя минималистически, но ясно показал, что такая манипуляция на продолжительное время невозможна).

О-90 в контакте со своими чувствами и понимает их [2, с. 319]. Эта простая, скучная и предсказуемая О-90, как она кажется Д-503, приносит в мир новую и свободную жизнь. В этом ей помогают революционерка I-330 и Д-503 в моменте своего высшего несчастья(!). Хотя О-90 и I-330 на первый взгляд очень различаются, на самом деле они «имеют схожие идеологические установки» [2, с. 320]. О-90 так же храбра, как и I-330 – она полностью осознает, что для неё беременность означает смерть, но все-таки решается на ребёнка от любимого человека. Разница между I и О в том, что О интуитивна, в то время как I революционно рациональна. В конце О-90 уходит в дикий мир за стеной – значит, она готова встретить новое и неизвестное. О-90 не революционерка, но живёт в мире, в котором ре/эволюция продолжается, неизбежно и без активной роли человека. Природа производит ре/эволюцию все время и всегда, а то, что происходит в обществе Единого Государства, ограничено и обречено на неудачу [2, с. 320].

Несмотря на удовлетворение своих сексуальных и гедонистических влечений (спиртное, сигареты), I-330 не нуждается в счастье через реализацию эмоциональной любви. Её счастье реализуется в революционном действии. О-90 в этом смысле противоположность I-330. Её счастье проистекает из индивидуального, частного, эмоционального [2, с. 320]. О-90 глубоко понимает жизнь, она понимает, что суть жизни – это просто жить, пережить все счастье и несчастье, которые жизнь может принести [2, с. 320].

Можем поставить вопрос и об отношении счастья и интеллекта или представления о самом себе. Как мы видели, Д-503 не понимает самого себя. Может ли такой человек быть счастливым? Д-503 публично прокламирует свои знания обо всем на свете, но он обнаруживает полное непонимание самого себя, а человек, который не постиг себя, вряд ли что-то знает о чем-то другом [2, с. 320]. Жить так, чтобы один и тот же день всегда повторялся, что является его идеалом, на самом деле означает жить не своей жизнью. Чтобы жизнь прожить, надо столкнуться со страхами, с несчастьем – только тогда можно по-настоящему осознать счастье. В романе мы замечаем, что Д считает, что он счастлив – до начала своего дневника и, возможно, после дневника, после операции. Наверное – он доволен. Это не совсем одно и то же. Интересно, что его дневник, т. е. его поэма

и его творчество, на самом деле продукт несчастья, в период счастья он бесплоден. [2, с. 321].

Даже мотив старения можно осмыслить на более глубоком уровне [13]. Обратим внимание на старуху, которая появляется в начале романа, и отношение I-330 к ее возрасту и атрибутам старости. В соответствии с замятинской поэтикой минимализма старение здесь не разрабатывается, но может трактоваться как символ свободы. Вопреки тому, как обычно воспринимается старение, т. е. как нечто, чего мы хотели бы избежать, в регулируемом обществе Единого Государства старость есть нечто личное, почти как акт бунта, образ мудрости и времени, особая форма красоты – и вот почему I-330 любит и старуху, и сам Древний Дом. Замятин принимает временный характер жизни так же, как он принимает и факт, что не может быть последней революции. Старение и умирание – удел каждой революционной идеи (как и человека) – все мы лишь часть существования, которое всегда движется вперед – и мы эту участь должны принять с достоинством [13, с. 249].

Хотя в своих очерках об искусстве Замятин оставил нам ключ к прочтению своего романа «Мы», все же можно заметить, что рецепция романа во многом ограничивается только интерпретацией сюжетной линии. Героев называют плоскими, сюжет неизобретательным. Однако роман реализуется на многих уровнях, многие из которых находятся в «пробелах» (показанных здесь на примере орфографического знака тире – его употреблении и ритмичности его употребления), на уровне именованной персонажей, на первый взгляд, немотивированном, лишенном коннотативных значений, тем не менее, глубоко мотивированном и в службе характеристике персонажей романа. Их мотивация обнаруживается как на визуальном уровне языка (графика, буквы), так и на речевом уровне (акустические свойства отдельных фонем), на уровне идеологем и мотивов. Такое назначение требует иного подхода к чтению и представляет собой важное новшество.

Замятин дает нам роман, являющийся в то же время загадкой, которую нельзя «разгадать», веря рассказчику. Уже на уровне выбора жанра рассказчик демонстрирует свою ненадежность, глубокое расстройство личности, которое он сам не может разрешить. Даже на операцию он идет не добровольно.

И сам конец романа часто трактуется упрощенно. На самом деле мы не знаем, потерпела революция поражение или нет. O-90 отправляется в будущее с ребенком любви. I-330 казнят «завтра», т. е. после окончания романа, и неизвестно, произойдет ли это вообще. Стена установлена, но не на том же месте... Конец романа остается динамичным и энтропийным одновременно. Пространство Единого Государства уменьшилось, пространство свободы увеличилось.

Список литературы

1. *Белобровцева, И.* Поэт R-13 и другие Государственные Поэты. 2002. Звезда, №3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magazines.russ.ru/zvezda/2002/3/beloc-pr.html>
2. *Божич, Р.* Свобода и счастье: литературная утопия и антиутопия раннего советского периода // Швейцарские тетради. Выпуск 11. Нижний Новгород : НГЛУ, 2021. с. 314–324.
3. *Ващенко (Анисимова) Д. Ю.* Роман-антиутопия в новом ракурсе / Славянский альманах. 2014. №2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-antiutopiya-v-novom-rakurse>
4. Грамматика русского языка. II. Москва Изд. Академии наук СССР. 1960. [Электронный ресурс]. URL: <https://sovietime.ru/russkij-yazyk/grammatika-russkogo-yazyka-toma-1-i-2-1960>
5. *Добрынина, А.* 2011. Элементы классических утопий в архитектуре СССР в 1920–30 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/print/elpub/91582>
6. *Замятин, Е.* Мы. Санкт-Петербург : Миръ. 2011. 599 с.
7. *Замятин, Е.* О синтетизме // Замятин, Е. Мы. Екатеринбург : У-фактория. 2002. с. 309–320.
8. *Лахузен Т., Максимова, Е. Эндрюс Э.* О синтетозме, математике и прочем (роман «Мы» Е. И. Замятина). Санкт-Петербург : Астра-ЛЮКС, Сударыня. 1994. 116 с.
9. *Паниотова, Т. С.* Архетип города в истории утопической мысли // Утопические проекты в истории культуры. Ростов-на-Дону–Таганрог : Издательство Южного федерального университета. 2021. С. 12–15.
10. *Томашевский, Б.* Теория литературы. Поэтика. Москва: Аспект Пресс. 2001. 331 с.
11. *Якобсон, Р.* 1985. Избранные работы, Москва : Прогресс. 460 с.
12. *Božić, R.* 2013. Distopija i jezik. Zadar: Sveučilište u Zadru. 2013. 115 s.
13. *Božić, R.* Ageing in Soviet Utopian and Dystopian literature // Gramshammer-Hohl, D. Foreign Countries of Old Age: East and Southeast European Perspectives on Aging. Bielefeld : Transcript. 2019. Pp. 235–251.
14. *Chevalier, J., Gheerbrant, A.* Rječnik simbola, Zagreb : NZMH, Mladost. 1994. 871 s.
15. *Elliott, R. C.* 2013. The Shape of Utopia. Bern: Peter Lang AG. 142 p.
16. *Russ, J.* Untitled Review // Elliott, R. C. 2013. The Shape of Utopia. Bern: Peter Lang AG. Pp. 114–118.

ФРИДРИХ РЁССЕЛЬ – ПЕРВЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ Л. Н. ТОЛСТОГО

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-36-42>

Елена Вячеславовна ПАПИЛОВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и доцент кафедры русского языка, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина. г. Москва, Российская Федерация, e-mail: llenochka@mail.ru

Аннотация: основываясь на воспоминаниях и архивных данных, автор рассказывает о первом воспитателе Льва Николаевича Толстого – немце Фридрихе Рёсселе, у кого будущий писатель обучался с 1833 по 1841 г. Рёссель появился в Ясной поляне в 1829 году и прожил там вплоть до смерти в 1848 г., исполняя должность «дядьки» – слуги-воспитателя при барских детях. В семье его звали Фридрихом Ивановичем, а в историю русской литературы он вошел под именем Карла Ивановича Мауера из автобиографического романа Толстого «Детство. Отрочество. Юность». В статье раскрывается значение иностранного воспитателя в формировании личности будущего классика. Будучи стариком, Толстой вспоминал о доброте Рёсселя – качестве, которому тот смог научить его.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Фридрих Рёссель, Ясная поляна, учитель, гувернер, воспитание.

Для цитирования: Папилова Е. В. Фридрих Рёссель – первый воспитатель Л. Н. Толстого // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 36–42. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-36-42>

FRIEDRICH RÖSSEL – LEO TOLSTOY'S FIRST HOME TUTOR

Elena V. PAPILOVA, CSc in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Associate Professor at the Department of the Russian language Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University). Moscow, Russian Federation, e-mail: llenochka@mail.ru

Abstract: based on memoirs and archive data, the author introduces and describes Leo Tolstoy's first home tutor – the German Friedrich Rössel, who educated the boy from 1833 to 1841. Rössel arrived in Yasnaya Polyana in 1829, living there until his death in 1848. He served as the children's home tutor. In Tolstoy's home he was called Friedrich Ivanovich, and he appears in Russian literature under the name of Karl Ivanich Mauer from Tolstoy's autobiographical novel "Childhood. Adolescence. Youth". In the article the author reveals the role of the first foreign home tutor in the formation of the future classicist's personality. When Tolstoy was an old man, he remembered his teacher's kindness – a quality Rössel managed to teach his young pupil.

Keywords: Leo Tolstoy, Friedrich Rössel, Yasnaya Polyana, home teacher, home tutor, upbringing.

For citation: Papilova E. V. Friedrich Rössel – Leo Tolstoy's first home tutor. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 36–42. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-36-42>

Первым иностранным воспитателем Льва Толстого был уроженец Саксонии Фридрих Рёссель (Friedrich Rössel). Он появился в Ясной поляне в начале лета 1829, и уже в письме от 16 июня 1829 мать Толстого, Мария Николаевна, писала мужу: *«Коко (старший сын Николай, – Е. П.) только что принес мне букет. Он освоился с Федором Ивановичем; Сережа и даже Митенька тоже уже привыкли к нему; Коко уже знает несколько немецких слов»* [1, с. 150]. В 1833, в возрасте пяти лет, Лев присоединился к занятиям старших братьев [2, с. 14], стал обучаться под присмотром Рёсселя. В семье его называли Федором Ивановичем, а в русскую литературу он вошел под именем Карла Иваныча Мауера – воспитателя Николеньки Иртеньева в трилогии Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

Это раннее произведение классика настолько автобиографично, что близкие писателя однозначно видели в Карле Иваныче – Рёсселя. Тетушка Толстого Татьяна Александровна Ергольская писала по прочтении «Детства» племяннику: *«Невозможно лучше описать личность Рёсселя, так правдиво и так правильно»* [3, т. 59, с. 210]. И сам Толстой не скрывал, что списал образ со своего настоящего воспитателя: *«Немца нашего учителя Федора Ивановича Рёсселя я описал, как умел подробно, в «Детстве» под именем Карла Ивановича. И его история, и его фигуры, и его наивные счеты – все это действительно так было»* [3, т. 34, с. 370]. Красноречиво свидетельствуют об этом и рукописи романа, где вместо «К. И.» автор называет героя «Ф. И.», и письмо 1865 года к А. А. Толстой с оговоркой: *«Я помню, как передо мной покраснел раз Карл Иваныч»* [3, т. 61, с. 122].

Фридрих Рёссель был взят в качестве воспитателя. Считать его гувернером или учителем неверно: эти звания предполагали наличие довольно высокого уровня образования, подтвержденного экзаменом, и право на полноценную педагогическую деятельность (таким был впоследствии сменивший немца гувернер-француз Сен-Тома [4, с. 329-347]). Рёссель же, бывший солдат, не обладал такими знаниями. Недаром в романе бабушка детей зовет Карла Иваныча «немецким мужиком», «дядькой». Так же обозначено занятие Рёсселя в официальных документах. «Дядькой» в старину называли воспитателя, старого солдата сверхсрочной службы или даже слугу при мальчике в дворянской семье [5, с. 235].

Помимо воспитательной работы, Рёссель должен был обучать детей немецкому языку. В дворянской семье владение несколькими европейскими языками было общераспространено. Немецкий знала мать Толстого, в том же письме к мужу от 16 июня 1829 она пишет: *«Я тоже упражняюсь в этом языке и замечаю, что много позабыла, часто не нахожу выражений»* [1, с. 150]. Немецкий знал отец Толстого, в своих «Воспоминаниях» Лев Николаевич упоминает: *«Иногда приходит отец, говорит с Федором Ивановичем по-немецки, удивляя нас своим выговором. Он говорит пра-*

вильно: *Sie – zi, ganz – ганц, а мы по-саксонски, как Федор Иваныч – си и янц, и с недоверием слушаем выговор отца*» [3, т. 34, с. 377]. В Казанском университете, где, как известно, Толстой не отличался усердием, по немецкому языку он все же получил пятерку, чем обязан хорошей домашней подготовке, полученной под руководством Рёсселя [3, т. 46, с. 472]. Знание немецкого языка Толстой пронес через всю жизнь, хотя, как известно, французским он владел лучше – в такой мере, что думал на этом языке.

До нас дошло крайне мало сведений о Рёсселе. В основном это воспоминания Толстого и близких ему людей и скудные данные из архива Тульской области (ГАТО). Мы не знаем точную дату его рождения. Из анализа ряда сохранившихся билетов на жительство в России (паспортов) [6] можно сделать вывод, что он родился между 16 апреля и 13 мая 1785, но есть данные, указывающие и на 1787–1788 гг. Те же источники и именной список иностранных подданных, которым были выданы паспорта на жительство в Тульской губернии на 1832–1837 гг. [7], указывают на разные даты его прибытия в Россию – 1818 и 1828 гг. В Тульскую губернию он въехал из Москвы для проживания в Крапивенском уезде, к которому относилось сельцо Ясная поляна. Сведения о жизни Рёсселя до приезда в Россию приходится черпать из текста романа.

Судьба Карла Иваныча незавидна. Он одинок. Николенька Иртеньев считает его единственным знакомым ему несчастным человеком. В отношении его к Карлу Иванычу и в самом образе старого воспитателя много сентиментального. Мальчику часто жалко старика, он сочувствует его одиночеству и постоянно зовет его «добрым». Эпитет «добрый» – самый частый в отношении немца, и главное, чему он научил детей, – доброта.

В неопубликованном очерке «Моя жизнь» Толстой называет Федора Ивановича своим первым впечатлением, самым первым человеком, кого он помнил [3, т. 23, с. 472]. Перевод от няни на воспитание к Федору Иванычу был началом взросления мальчика, шагом во взрослую жизнь. В романе Карл Иваныч, наряду с татан и няней Натальей Савишной, принадлежит к числу самых близких Николеньке людей. Этот «немецкий мужик» исполнен доброты, порядочности, искренне привязан к детям [8, с. 27]. В отличие от гувернера-француза, он никогда не наказывает детей физически и любое наказание исполняет с неохотой, как необходимость.

Из рассказов Карла Иваныча детям (главы VIII–X «Отрочества») ясно, что он в 1796 году (начало войн с наполеоновской Францией) был забран в рекруты. Со слов героя, забирали всех в возрасте от 18 до 21 года (в романе Карл Иваныч 1775–1778 года рождения, т. е. на 10 лет старше Рёсселя). Рекрутский жребий выпал его сводному брату Йохану, но отчиму было жаль расставаться с единственным родным сыном, и Карл Иваныч пошел вместо брата. Он был под Ульмом, под Аустерлицем, ему случалось проявить жалость к французскому солдату. Он попал в плен к французам,

бежал, прожил полтора года рабочим на канатной фабрике, а когда жена хозяина призналась ему в любви, бежал, чтобы не быть неблагодарным по отношению к ее мужу. Через девять лет после ухода в армию он, наконец, попал на родину. Сцена встречи с матерью исполнена сентиментальности. Но дома он прожил только три месяца: был заподозрен в дезертирстве и вынужден бежать. Через какое-то время русский генерал позвал его с собой в Россию учить детей, так он очутился в имении Толстых, обреченный доживать вдаль от родины и родных людей.

Портрет Карла Иваныча таков: длинная фигура, седые волосы и лысина, светлые глаза, «доброе немецкое лицо», «добрый немецкий голос». Вот как он вспоминает себя в молодости: «Я был тогда красивый мужчина, я был молодой, высокий рост, голубые глаза, римский нос». Архивные данные дают возможность сравнить портрет персонажа с прототипом. Билеты на жительство [6] содержат словесное описание внешности Рёсселя: в 48–51 год его волосы и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – острый, лицо – белое, рост – средний, особых примет нет. В возрасте 56 лет волосы и брови Рёсселя – седые, подбородок – круглый. В целом внешность персонажа и прототипа совпадают: светлые серые/голубые глаза, рост же немца мог показаться мальчику бóльшим, чем был на самом деле.

В романе русская речь Карла Иваныча ломаная, изобилует множеством ошибок, что придает трогательности его образу и часто рождает комический эффект. Без сомнений, так же говорил Рёссель в жизни: немногие сохранившиеся письменные документы свидетельствуют об этом. Вместе с тем следует отметить аккуратность и красоту его почерка.

В 1837 г. было решено заменить Рёсселя гувернером. «С осени расстались с Федором Ивановичем и был взят Сен-Тома. Тяжелое, грустное впечатление расставания с Федором Ивановичем» [3, т. 34, с. 401], – записал молодой Лев. Уязвленный Карл Иванович («За свою двадцатилетнюю службу я должен теперь на старости лет идти на улицу искать свой черствый кусок хлеба» (глава X «Отрочества»)) выставил отцу детей счет, куда включил даже стоимость подарков, сделанных когда-то детям, но в итоге расплакался и просил разрешения остаться при детях, так как сильно привязался к ним. Ему было это разрешено, он продолжил обучать младших мальчиков.

В 1840 г. за «неблагополучное поведение» Рёссель был удален из Ясной поляны [9, с. 328]. Причиной послужило, по всей видимости, пьянство. В первой и второй редакциях романа в главе 22 «В постели» он изображен возвращающимся из гостей нетрезвым: «Карл Иванович с сальной свечой, которую он держал не за подсвечник, а за середину, с нахмуренными бровями, но которые беспрестанно дергались, и с ртом набок и из которого текли слюни, взошел в дверь. <...> Карл Иванович казался

на четверть меньше ростом, чем обыкновенно, и ужасно постарел и похудел. Видно было, что он употреблял все усилия, чтобы держать лицо спокойно и идти прямо. <...> Карл Иванович взошел в пустое пространство между нашими постелями, сначала грозно посмотрел на нас; от него пахло какой-то гарью с уксусом и табаком <...> и выговорил с милым сердечным выражением: 'liebe Kinder', но в это самое время я с ужасом услышал, как забурчало у него в животе, потом в горле; он стал вытягивать шею, подаваться вперед и как будто хотел бодать стену <...> Николай с Савелием унесли его и вычистили следы его присутствия» [10, т. 1, с. 110-111].

Толстой, по многу раз правивший свои тексты, во второй редакции этой сцены смягчил краски в описании проступка воспитателя [10, т. 1, с. 218-219], а в итоговом варианте, ставшем каноническим текстом, вовсе изъясил эту сцену. Судя по всему, ему не хотелось чернить доброго Карла Ивановича, дорогого его сердцу.

В 1841 г., после переезда детей в Казань, Рёссель остался в Ясной поляне. Он не получал жалования, но по милости Толстых имел свой угол и общий стол. Стареющий и больной, до конца его жизни оставалось семь лет.

В документах ГАТО за 1845 г. имеется дело о просрочке Рёсселем билета (паспорта на проживание в России, который иностранцы должны были продлять). Просрочка составила 19 дней, и за каждый день с немца потребовали уплаты штрафа по 60 копеек серебром (т. е. суммарно 11 руб. 40 коп.) [11, л. 1–8]. В своем объяснении полицейским чиновникам Рёссель писал: «По старости лет моих и по всегдашнему нездоровью я нахожусь жительством в имении малолетних графов Толстых сельце Ясной поляне, по неимению сил без всякого занятия, а единственно по милости их имею угол и пропитание; в начале сего года в особенности был подвергнут сильному болезненному состоянию и припадкам, от чего самого имеющийся при мне всегда билет не мог быть в свое время представлен для перемены». Прошение подписано самим Рёсселем (орфография сохранена): «К сему сведению саксонской поданно Фридрихъ Рессель руку приложилъ». Невозможность уплатить штраф немец объяснил так: «ни денег, ни имущества, через продажу коего мог бы быть уплочен означенный штраф, не имею, а потому и прошу вас представить куда следует для сведения о таком бедственном положении моем до сведения его сиятельства начальника губернии». На вопрос полицейских, почему не было проведено освидетельствование здоровья, он отвечал: «по преклонности моих лет и теперь по бедному моему состоянию не мог пригласить медицинского чиновника в пользование меня» (для лечения меня, – Е. П.). Дело было решено в пользу Рёсселя, его освободили от уплаты штрафа.

Рёссель прожил у Толстых почти 20 лет и умер в Ясной поляне 17 сентября 1848 года [12, л. 1]. Похоронен был на кладбище села Кочаки, Ни-

кольская церковь которого была приходским храмом Ясной поляны. Дневниковых записей Толстого за сентябрь 1848 не сохранилось, был ли он в это время в Ясной поляне – неизвестно. Метрическая книга с. Кочаки за 1848 год [13, л. 1175–1286] не содержит записи о смерти Рёсселя. Это свидетельствует о том, что немец не принял православие. На то же косвенно указывают архивные данные: в 1842 в Крапивенском уезде числились четверо лютеран – 2 женщины и 2 мужчины [14, л. 40].

Могила Рёсселя не сохранилась, но о ней есть свидетельства. В сентябре 1894 Ясную поляну посетил словак Д. П. Маковицкий. С дочерью Толстого Марией Львовной он совершил прогулку по окрестностям усадьбы, посетили они и кладбище: *«Довольно далеко за деревней находится кладбище. Мария Львовна указала на один крест с зеленым венком: «Посмотрите, это могила Карла Ивановича». (Смешного доброго немца, домашнего учителя Льва Николаевича в его детские годы, которого он с таким чувством и тонким юмором описал в своем «Детстве»)»* [15, с. 75]. И. М. Ивакин, домашний учитель старших сыновей Л. Н. Толстого, вспоминал: *«За деревней шли нивы до Кочаков и Телятинок, двух ближайших деревень, лежавших в 2–3 верстах. В Кочаках была церковь и кладбище. <...> При входе на кладбище виднелся убогий, ветхий-ветхий навес... Я сначала думал, что это часовенка. Оказалось – нет. Навес осенял, как я слышал, могилу Федора Ивановича, который когда-то был гувернером самого Льва Николаевича, и жил, учил и скончался в Ясной поляне. Карл Иванович Мейер в «Детстве» есть воспроизведение схороненного под навесом Федора Ивановича»* [16].

После Рёсселя осталось его «носильное платье» стоимостью 15 руб. 38 коп. серебром, а также деньги – 150 руб. серебром и 200 руб. ассигнациями. Духовного завещания он не оставил, но устно завещал раздать часть своего имущества ухаживавшим за ним людям, а остальное – переслать брату в Саксонию [17, л. 1–4], куда именно – неизвестно. Но главным его наследством стала память о нем его воспитанника и доброта, которой он сумел научить мальчика. Во многом благодаря Рёсселю Толстой полюбил немецкий язык, Германию и ее культуру. Путешествуя по Германии, так хорошо говорил по-немецки, что его принимали за немца [9, с. 329]. Большую жену Софью Андреевну хотел взять только в Германию, на озера под Мюнхеном. Незадолго до своей смерти, слушая симфонию Гайдна, сказал близким: *«Симфония эта напомнила мне, во-первых, деда и мать, которые играли это, и я это также играл; во-вторых, Германию хорошую, истинную, с маленькими княжествами, вроде Гольштейна, с центрами образованности, тонкости, а не соединенную, грубую Германию; в-третьих, Федора Ивановича Рёсселя с его добротой»* [18, с. 375].

Список литературы

1. Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. Москва : Федерация, 1928. 152 с.
2. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: 1828–1890. Москва : Гослитиздат, 1958. 837 с.
3. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 100 т. Москва : Наука, 1992.
4. Полосина А. Н. Гувернеры в жизни и произведениях Л. Н. Толстого // Французский ежегодник: 2011. Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. Москва. 2011. С. 329–347.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва : ОНИКС 21 век, 2004. 1200 с.
6. ГАТО Ф.90 Оп.1 Т.16 Д.13223 Л.58, 431; Ф.90 Оп.1 Т.25 Д.19274 Л.69; Ф.90 Оп.1 Т.15 Д.12202 Л.43; Ф.90 Оп.1 Т.17 Д.14036 Л.93.
7. ГАТО Ф.90 Оп.1 Т.13 Д.10766.
8. Папилова Е. В. Образы иностранцев (немцы и французы) в трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» // Русская словесность. 2012. №1. С. 25–29.
9. Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. Москва : Парад, 2008. 504 с.
10. Толстой Л. Н. ПСС в 100 т. Редакции и варианты художественных произведений: в 17 т. Т. 1. Москва : Наука, 2000.
11. ГАТО Ф.90 Оп.1 Т.47 Д.40611.
12. ГАТО Ф.278 Оп.1 Д.97.
13. ГАТО Ф.3 Оп.15 Д.945.
14. ГАТО Ф.90 Оп.1 Т.23 Д.16939.
15. Маковицкий Д. П. У Л. Н. Толстого // Ясная поляна: неизвестные страницы. Санкт-Петербург : Росток, 2013. 319 с.
16. Ивакин И. М. Записки. Глава III. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-092-.htm>
17. ГАТО Ф.278 Оп.1 Д.97.
18. Литературное наследство. Т.90. У Толстого. Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. В 4 книгах. Кн. 1. Москва : Наука, 1979. 544 с.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ПО ТЕОРИИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'25

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-43-49>

Светлана Владимировна ГРИБАЧ,

доцент кафедры теории и практики перевода,
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: svet1601@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается психолингвистический аспект перевода на примере текстов по теории массовой коммуникации, как одних из сложных теоретических текстов для перевода вследствие их терминологической насыщенности и синтаксической громоздкости. Одна из задач данной статьи – указание на сходство психолингвистических моделей восприятия и производства речи с тем, какую работу выполняет человеческий мозг при переводе текста повышенной сложности до окончательной устной или письменной его реализации. Кроме того, в статье проведены параллели психолингвистических моделей производства и восприятия речи с моделью перевода Зубановой И. В., в которой переводчик на начальных ступенях перевода мысленно сводит текст к ядерному предложению, что повышает уровень понимания текста, в ключевых образах. Это дает возможность многовариантности перевода исходного текста на иностранном или родном языке.

Ключевые слова: психолингвистика, восприятие и производство речи, ключевые образы, перевод текстов, теория массовой коммуникации, ядерные предложения.

Для цитирования: Грибач С. В. Психолингвистический аспект перевода на примере текстов по теории массовой коммуникации // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 43–49. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-43-49>

TRANSLATION AND ITS PSYCHOLINGUISTIC ASPECT (ILLUSTRATED BY TEXTS ON MASS COMMUNICATION THEORY)

Svetlana V. GRIBACH, Associate Professor at the Department
of Translation Theory and Practice Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, e-mail: svet1601@yandex.ru

Abstract: The article shifts focus to the psycholinguistic aspect of translations as illustrated by texts on theory of mass communication since such texts on theory are known to be packed with respective terminology and cumbersome syntax. One of the primary goals the article pursues is to enhance the likelihood between the psycholinguistic speech production or speech perception and the exertions a human brain undertakes to translate a text of elevated complication until the text takes ultimate shape in writing or orally. Furthermore, in the article the abovementioned speech production and perception models are analogized with that of Zubanova I. V., whereunder a translator mentally

reduces a text to its nuclear sentence, in key images, what results in elevated text comprehension and enables to propose a few variants of translation of the original text in a foreign language or in a native language.

Keywords: psycholinguistics, speech production, speech perception, key images, translation, translation of texts, theory of mass communication, nuclear sentences.

For citation: Gribach S. V. Translation and its psycholinguistic aspect (illustrated by texts on mass communication theory). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 43–49. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-43-49>

Целью настоящей статьи ни в коей мере не является презентация и обоснование революционного метода перевода с родного языка на иностранный и наоборот. Цель – продемонстрировать психолингвистический подход, или видение, а также психолингвистическое обоснование процесса перевода с одного языка на другой в рамках парадигмы, принятой в российской психолингвистической школе.

Ключ к универсальной модели перевода с одного языка на другой, вернее, его поиск – сродни поиску философского камня. Многолетняя практика подготовки переводчиков к профессиональной деятельности вынуждает искать наиболее универсальные способы перевода с родного языка на иностранный или наоборот, с иностранного языка на русский, однако до настоящего момента способ, полностью удовлетворяющий требованиям адекватности и эквивалентности перевода с одного языка на другой, пока сложно обозначить. В противном случае уже бы создали специальную компьютерную программу, которая полностью бы заменила человека в этом нелегком умственном процессе, а переводчики не испытывали бы трудностей в своей деятельности: поиск нужного слова, соответствия идиоме, преобразования грамматической и синтаксической конструкций и так далее.

Справедливости ради следует отметить, что в арсенале и на вооружении преподавателя по переводу – как устному, так и письменному – находятся разнообразные методические приемы и подручные материалы и средства в виде программ и словарей. Сложно отрицать и преуменьшить ценность традиционных приемов перевода, равно как и различного рода переводческих трансформаций. Не секрет, что нередко переводчик испытывает опасения, что, упустив какое-либо слово, трансформировав синтаксическую конструкцию, он не сможет передать полностью смысл и суть текста, предложения, более того, исказит смысл исходного текста. Однако, что очевидно, если переводчик все-таки решается придерживаться принципа буквализма, опасаясь упустить нечто важное при переводе, то это скорее напоминает простое механическое переложение с одного языка на другой, как будто бы личность переводчика при этом сводится к минимуму или даже растворяется в этом процессе. Уже не говоря о том, что игнори-

руется принцип узуса переводного языка и неудобства восприятия переведенного текста реципиентом.

Однако, как справедливо замечает И. В. Зубанова в своей статье «Ке-фер? Фер-то ке?», переводчик тогда выступает в качестве медиума, «через которого вещает чужой голос, а он сам как мыслящая личность в этом процессе как будто не участвует» [1, с. 47]. Отметим, что это относится по большей части к устному переводу, хотя в письменном переводе такую тенденцию также можно проследить. Тем не менее, по большей части мы будем иметь в виду устный последовательный перевод.

Разумеется, будет совершенно несправедливо приписывать переводчику отсутствие в нем мыслящей личности в процессе перевода. Однако степень включенности и осмысления исходного текста у переводчика может быть разной. Если не брать объективные факторы, то в психологический процесс восприятия поступающей информации могут вмешаться так называемые субъективные, и среди них – желание или умение студента – переводчика (в большей степени это может относиться к студентам, осваивающим науку перевода, нежели к профессиональному переводчику) применить способность вникать в суть текста. Под текстом мы будем понимать информацию различного объема – от односложного высказывания до нескольких предложений.

Таким образом, восприятие текста как многокомпонентного психологического процесса, как мы уже отметили, подразумевает высокую степень включенности в процесс перевода. Как же это видится с точки зрения психолингвистического подхода к восприятию и производству речи.

Для начала стоит упомянуть, что психолингвистический подход к изучению восприятию и порождению высказывания базируется в основном на моделях разного типа, поскольку изученность особенностей функционирования головного мозга до сих пор оставляет желать лучшего вследствие ограниченности до настоящего момента инструментов для исследования мозга человека. Несмотря на отсутствие полноты данных о мозге человека, ученые-психологи при поддержке лингвистов не оставляют попыток разработки моделей восприятия и порождения речи на основе данных экспериментов, тестов, опросов испытуемых.

Одной из наиболее востребованных моделей среди российских психолингвистов можно считать модель порождения речи А. А. Леонтьева, в основе которой лежат идеи А. Р. Лурии и Л. С. Выготского. Основные этапы порождения речи: мотив-замысел (внутреннее программирование), порождение первичных образов (ключевые образы), грамматико-семантическая реализация, моторное программирование. Однако нельзя утверждать, что восприятие речи происходит в обратном порядке, это было бы слишком просто и в принципе не совсем верно. Для нас основным моментом в восприятии речи может стать возникновение ключевых образов у реципиен-

та, при этом такие ключевые образы могут возникнуть только при наличии универсально-предметного кода (Жинкин Н. И.), позволяющего нам понимать не только речь говорящего на родном вам языке, но и иностранный язык при наличии должного уровня овладения.

Как мы можем видеть, ключевые образы, которые возникают на начальном этапе порождения речи у человека с оформившимися навыками говорения, являются фундаментом будущего высказывания, облеченного в фонетическую форму, а у реципиента при восприятии. Равно как и ключевые слова становятся прообразом будущего текста. Это отчетливо заметно на примере психолингвистической методики выделения ключевых слов текста, предложенной Л. В. Сахарным. Экспериментальное исследование текста посредством такой методики предполагает выделение ключевых понятий, связанных с текстом. Например, испытуемым предложено в десяти словах передать содержание произведения. Так, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского в основном свелось у испытуемых к таким ключевым словам, как *Раскольников. Идея. Старуха. Топор. Преступление. Порфирий. Соня. Сомнения. Муки. Вера*. Сходным образом, если попросить человека пересказать сюжет фильма, то вполне очевидно, что зритель вчерашней премьеры не будет полтора часа в подробностях пересказывать фильм с воспроизведением всех диалогов, поскольку для этого нет ни когнитивного потенциала, ни прагматической потребности. Поэтому, если мы дадим студенту при устно-последовательном переводе перевести отрывок текста даже в два-три предложения, то студент передаст вам содержание ключевыми словами, избегая повторяющихся эпитетов, служебных слов и прочей менее релевантной информации, что согласуется с моделью Зубановой И. В., предложенной ею для различения поверхностного уровня восприятия текста и смыслового уровня.

При этом понимание исходного текста на уровне смысла представлено в виде корня и ствола дерева (ключевые образы), а поверхностный уровень восприятия текста, по мнению Зубановой И. В., крона дерева с обильной листвой – «служебные слова, повторы, грамматические конструкции и стилистические приемы, паралингвистические элементы» [1, с. 50]. На поверхностном уровне много ненужного, избыточного, легко заменяемого и удаляемого. Поверхность текста выстраивается в линию, в то время как уровень смысла – более хаотичен (как и ключевые образы будущего высказывания могут быть в любом порядке и последовательности).

Как же модель ключевых образов при порождении и восприятии речи согласуется, переключается с переводом и функционирует при переводе сложных текстов как предварительный этап обработки информации, предназначенной для перевода? Например, возьмем текст тематики, связанной с теорией массовой коммуникации, характеризующийся обилием специальных терминов и синтаксической тяжеловесностью.

*Research in this tradition emphasizes the **shaping of media content** and therefore of potential **effects**, by the nature of the medium in respect of the technology and the social relations of **reception** and **production** that are implicated by this [3, с. 20].*

Как работать с таким текстом, держа в уме и на вооружении методику вычленения ключевых слов и модель смысловых уровней Зубановой И. В.? Довольно очевидно, что для мозга человека легче всего создавать осязаемые ключевые образы, имеющие материальную оболочку или образ действия; тут образ действия, «облеченный» в существительные – **research, shaping, content, effects, reception, production**. Поэтому в основном упор и опора идет на те ключевые слова, которые могут формировать образы в сознании реципиента или хотя бы ассоциативные картины.

Выше приведен пример из работы Д. МакКвила по теории массовой коммуникации [3]. Если выделить ключевые слова, то, выстраивая смысловую цепочку или так называемые семантические точки, можно понять, что речь идет об исследовании содержания и его воздействия при восприятии и производстве. Разложив данный текст на ключевые опорные слова, мы можем провести параллели с моделью порождения речи Леонтьева А. А., в той части, когда у человека возникают ключевые семантические образы – прообразы будущего высказывания, и только потом эти ключевые образы выстраиваются в стройную цепочку, наполняясь лексическим содержанием. Затем только к цепочке добавляются второстепенные элементы и верные грамматические структуры уже непосредственно перед фонетическим оформлением этого высказывания. Если мы говорим о восприятии речи (текста), то у воспринимающего текст на иностранном языке также возникают ключевые образы при условии осведомленности о тематике текста и достаточного уровня языка.

Аналогичным образом мы поступаем и при переводе с русского на английский: фиксируем ключевые образы, затем их соединяем в семантическую цепочку, наполняем лексическим содержанием и грамматическими формами.

Воздействие средств массовой информации на общественное сознание происходит опосредованно, через «первичные группы» людей, другими словами, через «**лидеров мнений**», то есть людей, являющихся **экспертами** в данной области для определенного сообщества.

Ключевые образы-слова: воздействие, общественное сознание, лидеры мнений, эксперты. Для перевода, таким образом, нам нужны ключевые слова: impact, public consciousness, social media influencer, experts.

Следуя принципу «дерева», предложенного И. В. Зубановой, мы видим, как в стороне временно остается масса служебных слов и менее значимой лексики для понимания текста. И только потом, добившись понимания сути предложенного текста, можно приступать к его полнотекстовому переводу,

уже при этом применяя предписываемые учебниками по переводу трансформации и задействуя второстепенные лексические единицы в исходном тексте. Второстепенные именно с точки зрения понимания глубинной сути высказывания.

В текстах, изобилующих специальной терминологией, сложными синтаксическими конструкциями, в частности, текстах по теории любой дисциплины, понимание сути, как ни в каких других текстах, чрезвычайно важно, иначе можно столкнуться с проблемой понимания лексических и синтаксических нагромождений текста научного характера.

При переводе с родного языка на иностранный (в нашем случае – на английский язык) может происходить немного иной процесс перевода. Например, нам необходимо перевести простое на первый взгляд предложение: «Идет сильный дождь». Психология восприятия психически здорового индивидуума характеризуется тем, что его мыслительный процесс не может не выдать ключевые образы ранее перцептивно пережитого явления под названием «дождь». Конечно, образ дождя будет у всех индивидуален: у кого-то это вид из окна, у другого – попытка спрятаться от дождя под козырьком подъезда, у третьего – дождь с грозой. И так – бесконечное множество. Очевидно, что ключевые образы дождя связаны с личным опытом и переживанием, эмоциональной реакцией на дождь, недавними событиями, связанными с дождем и прочими факторами. Переводчик также может по-разному перевести это, в общем-то, простое нераспространенное предложение, хотя выбор лексических единиц реально ограничен.

Если спроецировать концепцию «дерева» Зубановой И. В. на способы перевода предложения «*Лидеры общественного мнения влияют на общественное сознание*», то корнем можно считать исходное предложение. А вот ветками и листвой – то, что предлагают студенты-переводчики на занятиях по практике английского языка. Какие варианты были бы в конечном итоге предложены:

- Social media influencers impact public opinion / Public opinion is impacted by social media influencers.
- Public opinion leaders influence public consciousness. Public consciousness is influenced by public opinion leaders.

Этот список не является исчерпывающим, также возможны вариации. Кроме того, пассивный залог нельзя исключать из вариантов перевода, так как именно пассивные конструкции сравнительно чаще используются в текстах научного толка. Хотя стоит отметить, изучение психолингвистами восприятия пассивных конструкций показало, что страдательный залог с трудом воспринимается мозгом человека, поэтому он стремится перевести страдательный залог в активный для адекватного понимания высказывания. По схеме: субъект – предикат – объект.

Таким образом, на один ключевой образ формирования общественного сознания лидерами общественного мнения – четыре, по меньшей мере, варианта перевода с русского языка на английский язык, и вариант также зависит от ряда объективных и субъективных факторов. Например, психологическим фактором может послужить следующее: студент не может вспомнить лексическое сочетание вследствие редкого его употребления или элементарной усталости, не желает включиться в деятельность. Также немаловажно наличие опыта и продолжительность изучения иностранного языка.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы заметить, что взгляд на переводческую деятельность с точки зрения психолингвистики и процессов, происходящих при восприятии и порождении речи, как устной, так и письменной, кладет еще один кирпичик в понимание того, как может выглядеть или должен происходить переводческий акт. Создание ключевых образов по аналогии с порождением и восприятием речи на начальном этапе переводческого процесса – основной момент с точки зрения психолингвистической науки. И при этом не столь важно, какой язык является исходным, а какой переводящим.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Москва : Лабиринт, 2005. 352 с.
2. *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. Учебное пособие. Третье, переработанное и дополненное издание. Москва : Лабиринт, 2001. 304 с.
3. *Жинкин Н. И.* Психолингвистика: избранные труды/ сост. К. Ф. Седов. Москва : Лабиринт, 2009. 287 с.
4. *Зубанова И. В.* Ке фер? Фер-то кер? // Мосты. 2015. №2 (6). С. 45–57.
5. *Комиссаров В. Н.* Лингвистика перевода. Изд. 2-е допол. Москва : ЛКИ, 2007. 165 с.
6. *Леонтьев А. А.* Методологические основы психологии. Москва : Смысл, 2019. 549 с.
7. *Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 319 с.
8. *Фитч У. Т.* Эволюция языка. Москва : Языки славянской культуры, 2013. 767 с.
9. *McQuail Denis.* Mass Communication Theory. London : Sage Publication Ltd, 2010. 50 p.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

УДК 378 : 37.034

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-50-67>

Татьяна Евгеньевна БАДИКОВА,

магистрант специальности «Социально-культурная деятельность»,
Кемеровский государственный институт культуры,
г. Кемерово, Российская Федерация, e-mail: t.tamilina99@mail.ru

Маргарита Ивановна ВАСИЛЬКОВСКАЯ,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной
деятельности, Кемеровский государственный институт культуры,
г. Кемерово, Российская Федерация, e-mail: margo197411@rambler.ru

Аннотация: Анализ исследований в практической деятельности специальной подготовки учащихся вузов выявило то, что в их деятельности применяются способы духовно-нравственного воздействия в ходе профессиональной подготовки юношей и девушек. Авторами статьи представлены результаты исследования по развитию духовно-нравственной культуры студенческой молодежи в высшем учебном заведении в досуговой деятельности студенческой молодежи. Критериями для определения уровня духовно-нравственной культуры студентов вуза избраны: когнитивный, направленный на определение уровня наличия системных знаний о базовых духовно-нравственных качествах молодежи; поведенческий, определяющий умение студента воплощать базовые духовно-нравственные качества в практическую деятельность; рефлексивный, позволяющий выявить способность анализа действий духовно-нравственного характера.

В статье проанализированы результаты опроса среди студентов факультета социально-культурных технологий ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», на основе анализа которого представлена программа развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи.

Авторы уверены в том, что перспективными направлениями по исследованию данной проблемы можно считать:

- создание единой методологической базы по изучению проблем развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи в вузе;
- создание базы диагностических методик по выявлению уровня развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи;
- создание материально-технической базы, учебно-методического и научно-методического обеспечения, организационно-педагогических и психолого-педагогических условий для результативного развития духовно-нравственной культуры студентов в культурно-досуговой деятельности учреждения высшего образования.

Ключевые слова: культура, нравственность, духовность, воспитание, духовно-нравственная культура, студенческая молодежь, развитие духовно-нравственной культуры.

Для цитирования: Бадикова Т. Е., Васильковская М. И. Духовно-нравственное развитие студенческой молодежи // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 50–67. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-50-67>

SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF STUDENTS

Tatiana E. BADIKOVA, Undergraduate student in the field of Social and Cultural Activities, Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation, e-mail: t.tamilina99@mail.ru

Margarita I. VASILKOVSKAYA, CSc in Pedagogy, Associate Professor, Department of Social and Cultural Activities, Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation, e-mail: margo197411@rambler.ru

Abstract: The analysis of research in the practical activities of special training of university students revealed that methods of spiritual and moral influence are used in their activities during the professional training of boys and girls. The authors of the article present the results of a study on the development of the spiritual and moral culture of students in higher education institutions in the leisure activities of students. The criteria for determining the level of spiritual and moral culture of university students are: cognitive, aimed at determining the level of systemic knowledge about the basic spiritual and moral qualities of youth; behavioral, determining the student's ability to embody basic spiritual and moral qualities in practical activity; reflexive, allowing to identify the ability to analyze actions of a spiritual and moral nature.

The article analyzes the results of a survey among students of the Faculty of Socio-Cultural Technologies of the Kemerovo State Institute of Culture, based on the analysis of which a program for the development of spiritual and moral culture of students is presented.

The authors are confident that promising directions for the study of this problem can be considered:

- creation of a unified methodological base for the study of the problems of the development of spiritual and moral culture of students at the university;
- creation of a database of diagnostic techniques to identify the level of development of spiritual and moral culture of students;
- creation of a material and technical base, educational, methodological and scientific-methodological support, organizational, pedagogical and psychological-pedagogical conditions for the effective development of spiritual and moral culture of students in the cultural and leisure activities of higher education institutions.

Keywords: culture, morality, spirituality, upbringing, spiritual and moral culture, student youth, development of spiritual and moral culture.

For citation: Badikova T. E., Vasilkovskaya M. I. Spiritual and moral development of students. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 50–67. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-50-67>

В современной России повышение общей культуры молодежи, в том числе и духовно-нравственной культуры студентов вуза, становится одной из наиболее приоритетных установок в политике государства. Это выражено в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8]. Необходимо искать формы и виды социально-культурной деятельности,

которая будет значимой и способной развивать духовно богатую, высоконравственную личность (с сформированной нравственной позицией и поведением), а также создавать условия для самоутверждения и самовыражения студенческой молодежи.

Студенческая молодежь и её направленность на духовно-нравственное развитие ставит своей целью саморазвитие личности студента. Это обеспечивается реализацией социальных проектов, проведением культурно-досуговых мероприятий, организацией различных форм работы со студенческой молодежью. Ориентация вузов на развитие духовно-нравственной культуры студенческой молодежи также способствует развитию образовательной среды, функцией которой является мотивация молодежи на самостоятельное получение знаний и стимулирование ориентаций на осознание своего уровня духовно-нравственного воспитания [6].

Проблемы духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи изложены в научных трудах Х. А. Алижановой, М. И. Гореликова, О. А. Зотовой, Е. В. Востроиловой, Е. В. Мирошниченко, И. И. Николаевой, Н. В. Посоховой, И. П. Рязанцева, М. А. Подлесной, А. А. Петровой, И. И. Козлова, А. М. Пахарь и др. Несмотря на наличие разнонаправленных научных исследований, понятие «духовно-нравственная культура» в социогуманитарной литературе недостаточно широко исследовано. Поэтому целью исследования, организованного на кафедре социально-культурной деятельности Кемеровского государственного института культуры, является теоретическое обоснование, разработка и реализация педагогической программы развития духовно-нравственной культуры студентов вуза, результаты которой будут использованы в работе высших учебных заведений, а также на лекционных и практических курсах, включенных в программы профессиональной подготовки для студенческой молодежи.

Молодежь – одно из основных звеньев общества, на которую не оказывает давление многолетний опыт, а, следовательно, она интегрирована во все современные инновационные процессы, в какой бы сфере общества они ни происходили [6]. С другой стороны, молодое поколение смотрит на мир как данность, молодые люди, в отличие от более старшего поколения, менее связаны с фиксированными, принятыми в обществе нормами и ценностями [3].

Возрастные рамки студенчества гуманитарными науками изучаются относительно недавно, они рассматривались в контексте окончания, завершения процессов психосоматического развития; этот возраст определялся как наиболее важный и критический, по-другому его называют этапом интенсивного развития личностных отличительных черт, особенностей молодого человека. Именно поэтому является столь важным направить всевозможные усилия университетов и институтов в русло успешного воспитания у молодежи духовно-нравственной культуры [2].

Исследование в практической деятельности специальной подготовки учащихся вузов выявило, что в их деятельности обширно применяются разноплановые способы духовно-нравственного воздействия в ходе профессиональной подготовки юношей и девушек. Вместе с тем данная нацеленность, которая применяется в образовательной деятельности, недостаточно развита. В основном это связано с малой разработанностью научно-методических средств, нацеленных на выявление элементов и способов развития духовных и нравственных достоинств у студенческой молодёжи в течение их обучения. В специализированных научных разработках, приуроченных проблемам духовно-нравственной реализации студенческой молодёжи вуза, развитию их духовно-нравственной культуры, духовных потребностей и ценностей отводится недостаточно внимания, хотя они и являются важными и актуальными в контексте теоретической и методологической разработанности [5].

Исходя из этого практической частью нашего исследования стало проведение анкетирования среди студентов с последующим анализом с целью выявления их уровня развития духовно-нравственной культуры.

Критериями для оценки уровня духовно-нравственной культуры студентов вуза были избраны следующие:

- Когнитивный критерий направлен на определение уровня наличия системных знаний о базовых духовно-нравственных качествах.
- Поведенческий критерий определяет умение студента воплощать базовые духовно-нравственные качества в практическую деятельность.
- Рефлексивный критерий позволяет выявить способность анализировать совершенные действия духовно-нравственного характера в практической и теоретической деятельности [7].

В анкетировании приняли участие 53 студента факультета социально-культурных технологий Кемеровского государственного института культуры.

Изначально важно понимать, правильно ли студенты определяют для себя ключевое понятие исследования. Для этого был использован открытый вопрос анкеты: «Духовно-нравственная культура, на Ваш взгляд, это?» Если форма вопроса открытая, то есть без предоставления респонденту определённых вариантов ответа, то, следовательно, их обработка гораздо более трудоемкая. Исходя из этого, молодые люди вынуждены проявить самостоятельность в формулировке ответов, следовательно, открытые вопросы более эффективны.

Исходя из ответов респондентов, следует вывод о том, что в большинстве случаев под духовно-нравственной культурой среди студентов понимается система ценностей человека. В более чем 70 % ответов респондентов речь идёт именно о ценностях. Действительно, духовно-нравственная культура и отношение к ней студентов в основном определяется культур-

ными ценностями, сформировавшимися в общественном сознании. На втором месте, по мнению остальных респондентов, значение понятия духовно-нравственной культуры складывается из моральных установок. Моральные установки – это незыблемые жизненные принципы, подсознательно осуществляемые нравственные выборы, которые также относятся к духовно-нравственной культуре.

Важнейшей характеристикой духовно-нравственной личности является понимание необходимости своего культурного развития. Для этого был использован закрытый вопрос анкеты: «Укажите признаки духовно-нравственной культуры студента» (рисунок 1).

Укажите признаки духовно-нравственной культуры студента (не менее 3-х)

53 ответа

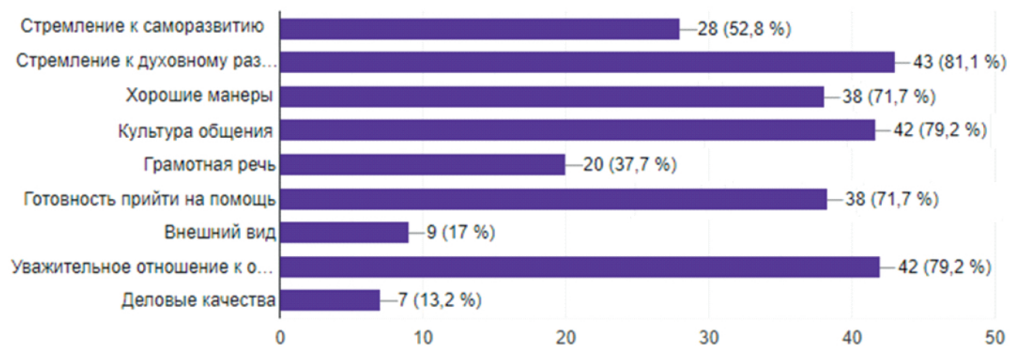

Рисунок 1. Анализ ответов респондентов «Признаки духовно-нравственной культуры студента» (%)

Полученные результаты вполне ожидаемы. Наиболее распространённым ответом выступает «Стремление к духовному развитию». Такой ответ акцентирует внимание на культурных ценностях, патриотическом воспитании, а также знании истории своей страны. Последующими, согласно распространённости ответов, – «Уважительное отношение к окружающим» и «Культура общения», в основе таких ответов лежат элементы доброжелательности и приветливости к окружающим, что также относится к духовно-нравственной культуре. Следующие по распространению ответы – «Хорошие манеры» и «Готовность прийти на помощь» – также, несомненно, важные аспекты в развитии духовно-нравственной культуры студента вуза.

Следующим вопросом анкеты стал: «Укажите, на Ваш взгляд, признаки некультурного поведения окружающих» (рисунок 2).

Признаки некультурного поведения окружающих. Укажите наиболее подходящие, по вашему мнению (не менее 3-х)

53 ответа

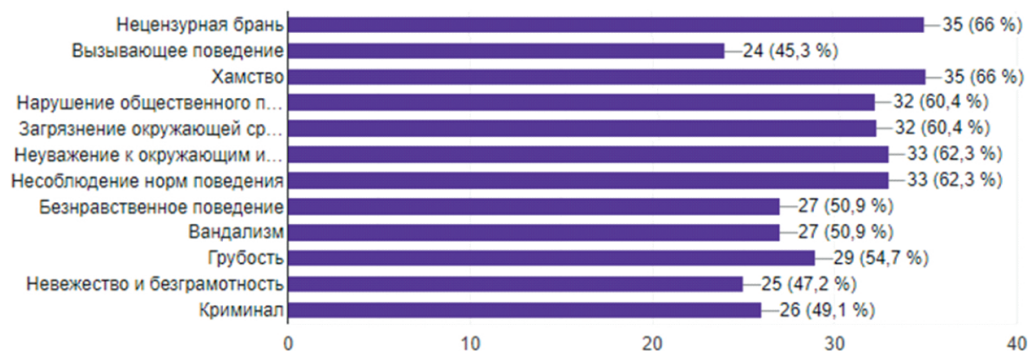

Рисунок 2. Анализ ответов респондентов «Признаки некультурного поведения окружающих» (%)

Этот вопрос важен для понимания представления студентов о ключевых характеристиках, противоречащих положительному развитию духовно-нравственной культуры. Лидирующую позицию в оценке некультурного поведения занимают «Нецензурная брань» и «Хамство». Ненормативная лексика зачастую присутствует в речи людей, и всё больше населения принимает такую речь и не видит смысла избавиться от неё. Многие студенты также не акцентируют внимание на культуре речи и всё чаще прибегают к сквернословью в повседневном обиходе. Зачастую виновна в этом массовая экранная культура. Опасно, что с течением времени всё большее число взрослых не стараются контролировать свою речь в присутствии детей, что оказывает на них пагубное влияние. Стоит отметить, что нецензурные слова употребляются в конфликтах и связаны с неуважением, унижением и проявлением агрессии.

Вторыми по частоте встречаемости являются ответы «Несоблюдение норм поведения» и «Неуважение к окружающим». Зачастую неуважение к окружающим проявляется в несоблюдении норм поведения. Отсутствие вежливости, этикета в поведении людей делает общение конфликтным, а то, что в человеке проявляется такое поведение, говорит о конфликте его интересов и общепринятых норм, о низком уровне духовно-нравственного воспитания.

Среди положительных тенденций оценки признаков некультурного поведения можно отнести то, что достаточно высок процент респондентов, которые к некультурному поведению относят «загрязнение окружающей среды», ставя его на один уровень с «нарушением общественного порядка».

Для оценки препятствий, ограничивающих саморазвитие, в анкету был включен вопрос: «Назовите основные препятствия на пути вашего культурного развития и раскрытия вашего творческого потенциала». В вопросе студентам предлагалось указать отдельно внешние и внутренние препятствия (рисунок 3).

Внешние препятствия на пути вашего культурного развития и раскрытия вашего творческого потенциала?

53 ответа

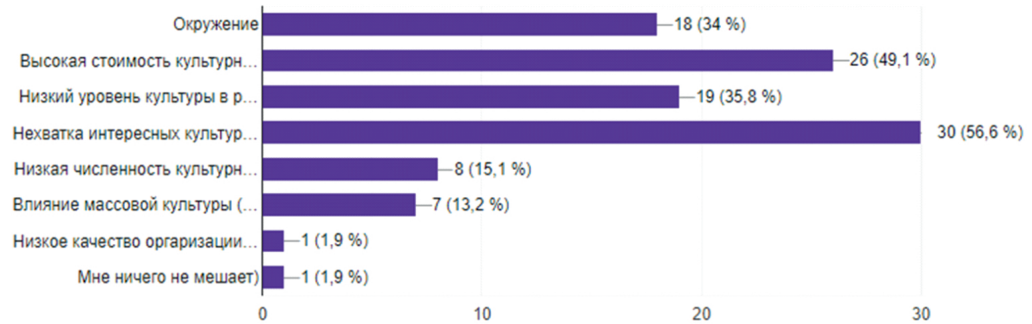

Рисунок 3. Анализ ответов респондентов «Внешние препятствия культурного развития» (%)

К внешним препятствиям на пути культурного развития студенты отнеси в первую очередь нехватку интересных культурных мероприятий. Студентам сложно найти культурные мероприятия, которые были бы интересными и отвечали их потребностям.

На втором по популярности месте стал ответ «высокая стоимость культурных мероприятий». В эту группу ответов относятся также высокие цены на посещение развивающих курсов и кружков, которые студенты хотели бы посещать с целью повышения своего культурного уровня.

Третьим по популярности стал ответ «окружение». При анализе ответов видно, что студенты отмечали влияние окружающих на приобретение к культурным ценностям. Из-за отсутствия единомышленников студенты отмечают непонимание окружающими их целей и устремлений (рисунок 4).

Среди внутренних препятствий культурного развития на первое место выносятся нехватка времени. Это можно оправдать тем, что многие студенты вынуждены совмещать работу и учёбу.

На втором месте – нехватка денежных средств. В современном обществе, действительно, интересные культурные мероприятия имеют высокую стоимость, которая студентам зачастую не по карману.

Третье препятствие на пути культурного развития студенты – это лень. Лень связана с низким уровнем мотивации, низкой заинтересованностью в какой-либо сфере деятельности. Заинтересованность в культурном развитии также важна для полноценного и правильного развития духовно-нравственной культуры студента.

Внутренние препятствия на пути вашего культурного развития и раскрытия вашего творческого потенциала?

53 ответа

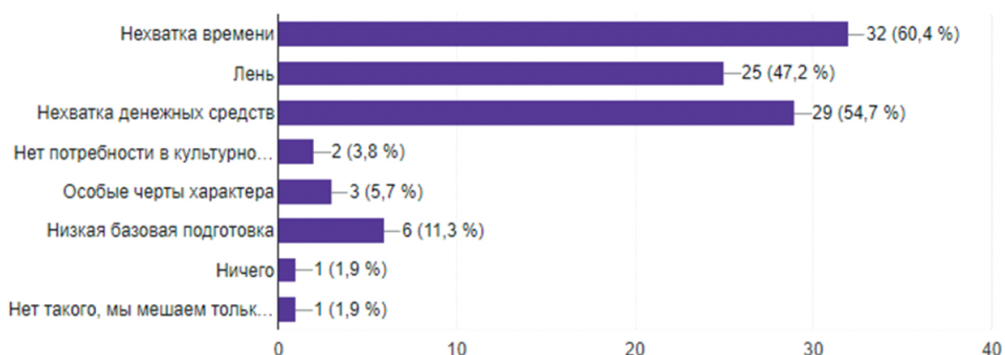

Рисунок 4. Анализ ответов респондентов «Внутренние препятствия культурного развития» (%)

В одном из вопросов мы выяснили, как респонденты оценивают уровень духовно-нравственной культуры студенческой молодежи Кузбасса по шкале от 1 до 5 (где 1 – низкий уровень, 5 – высокий уровень)» (рисунок 5).

Оцените, на ваш взгляд, уровень развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи Кузбасса.

53 ответа

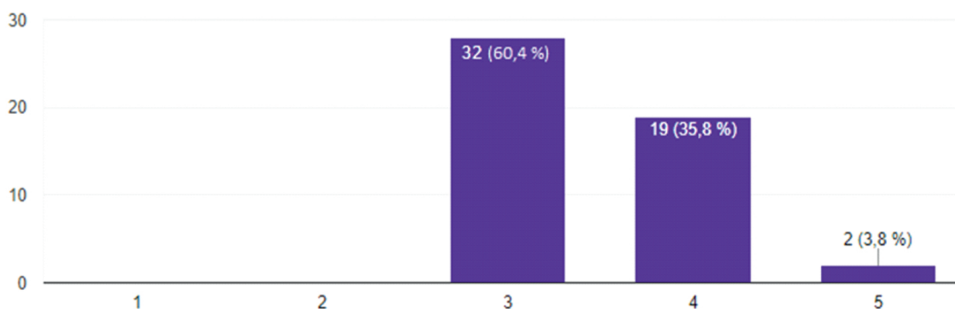

Рисунок 5. Анализ оценки уровня развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи Кузбасса» (%)

Более 50 % респондентов оценили уровень развития духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи Кузбасса на «3». Это говорит о том, что большее число студентов уровень развития духовно-нравственной культуры в Кузбассе не устраивает. 35 % опрошенных оценили уровень развития духовно-нравственной культуры на «4», и лишь 2 % респондентов – на «5».

В связи с активным культурным развитием страны, 1 сентября 2021 года Министерство культуры Российской Федерации запустило проект «Пушкинская карта». В связи с этим в анкету был введён вопрос: «Считаете ли вы, что наличие “Пушкинской карты” способствует развитию духовно-нравственной культуры?» (рисунок 6).

Считаете ли вы, что наличие Пушкинской карты способствует развитию духовно-нравственной культуры вуза?

53 ответа

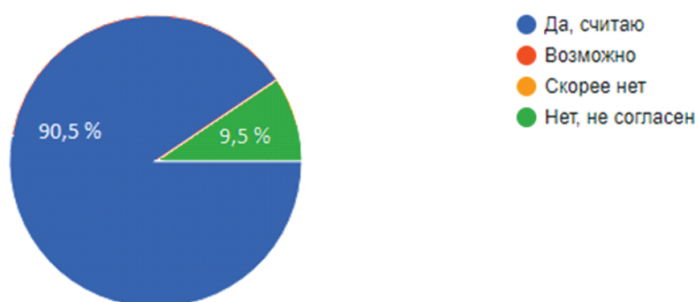

Рисунок 6. Анализ оценки содействия наличия «Пушкинской карты» на развитие духовно-нравственной культуры студента» (%)

90 % опрошенных ответили: «Да, несомненно», и лишь 10 % ответили, что не согласны с этим. Действительно, с появлением «Пушкинской карты» не только у студентов, но и у школьников появилась замечательная возможность посетить множество культурных мероприятий, и как следствие, одно из препятствий на пути культурного развития преодолено.

Для более детального понимания проблемы развития духовно-нравственной культуры студентов в анкету был включен вопрос: «Согласны ли вы с выражением: “Культурный кластер Кузбасса – это уникальная возможность изменить качество жизни, обеспечить доступ к культурным ценностям, развивать духовно-нравственную культуру жителей региона?”». Ответы были неоднозначны. 30 % опрошенных абсолютно согласны с данным выражением, 50 % не вполне уверены и не могут полностью согласиться с высказыванием, 10 % опрошенных затруднились ответить на поставлен-

ный вопрос. На наш взгляд, это связано с малой информированностью о культурном кластере и его влиянии на развитие региона (рисунок 7).

Согласны ли вы с выражением: «Культурный кластер Кузбасса – это уникальная возможность изменить качество жизни, обеспечить доступ к культурным ценностям, развивать духовно-нравственную культуру жителей региона?»

53 ответа

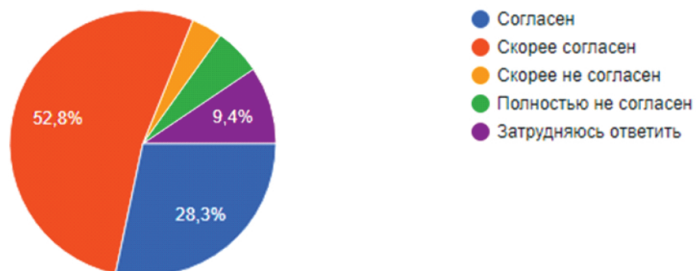

Рисунок 7. Анализ ответов респондентов «Значение культурного кластера Кузбасса в развитии духовно-нравственной культуры жителей региона» (%)

Ключевой вопрос анкетирования: «На Ваш взгляд, есть ли необходимость в создании программы, направленной на увеличение уровня духовно-нравственной культуры студентов вуза?» (рисунок 8).

На Ваш взгляд, есть ли необходимость в создании программы, направленной на увеличение уровня духовно-нравственной культуры студентов вуза?

53 ответа

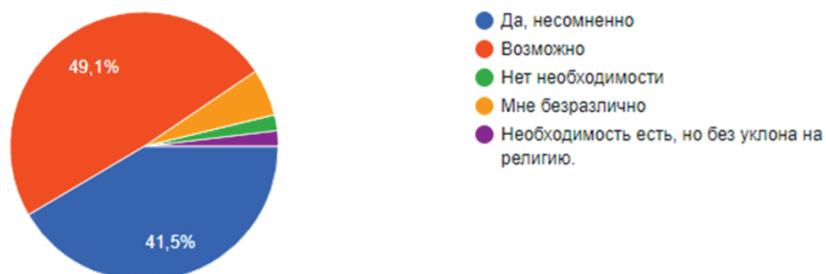

Рисунок 8. Анализ ответов респондентов о создании программы развития духовно-нравственной культуры студентов

Суть вопроса заключалась в оценке студентами своих потребностей в культурном развитии, в их желании обогатиться духовно-нравственной культурой. Как итог: 92 % студентов ответили – да, несомненно и возможно, 7 % от числа опрошенных – что им безразлично, и лишь 1 % – в этом нет необходимости.

Вследствие рассмотрения ответов респондентов можно сделать заключение касательно того, что студенты достаточно хорошо понимают значение и назначение духовно-нравственной культуры личности студента, однако в жизни не всегда они им следуют, зачастую понятия духовности и нравственности не соответствуют студенческой жизни.

Проведение диагностики уровня развития духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи являлось необходимым условием разработки программы развития духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи в вузе.

Понятие «программа» является многозначным, содержит ряд смыслов: 1) небольшой рассказ, указание, описание предприняемого издания, журнала либо книги, описание взглядов какой-либо партии; 2) план намеченной деятельности, работы исследования; 3) список сценических, концертных, цирковых, эстрадных номеров, радио- и телепередач, а кроме того типографский курсор выполняемых ролей, номеров, докладов, а также артистов.

В нашем исследовании мы используем понятие «программа» в двух его смыслах, во втором и в третьем значении. Разработка программы исследования развития духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи в культурно-досуговой деятельности учреждения высшего учебного заведения обусловлено недостаточным уровнем развития духовно нравственной культуры студентов, выявленным в ходе диагностики.

Нормативно-правовой основой в процессе создания программы, направленной на развитие духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи, явились следующие документы:

- Государственная программа «Развитие культуры» (от 15.04.2021 № 314) [1].
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [7].
- Модельный закон «О социально-культурной деятельности» Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (от 25 ноября 2016 года № 45-15) [3].

В основу программы формирования духовно-нравственной культуры положены следующие принципы:

- доступности – предполагает оптимальный для усвоения объем информации и подачу материала в формах культурно-досуговой деятельности с учетом возрастных потребностей студентов;

- системности – подразумевает четко спланированную систему занятий, бесед, культурно-досуговых программ, объединенных общей целью;
- гуманизма – предполагает умение организатора встать на позицию студента, учесть его точку зрения, не игнорировать его чувства, эмоции, видеть в студенте полноценного партнера;
- дифференциации – создание оптимальных условий для самореализации каждого студента в процессе освоения знаний, умений и навыков о духовно-нравственной культуре с учетом возраста и уровня развития познавательной сферы;
- добровольности участия – обязательная добровольность участия каждого участника процесса;
- обратной связи – получение ответной реакции студенческой молодёжи в процессе работы исследователя.

В программе учитываются следующие методологические подходы к развитию духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи в высшем учебном заведении:

- лично-ориентированный подход – ставит в центр образовательной системы личность студента, развитие его индивидуальных духовно-нравственных качеств;
- системно-деятельностный подход – предполагает, что в основе развития студента лежит не пассивное отношение к развитию своей духовно-нравственной культуры, а активное и непрерывное её совершенствование в ходе культурно-досуговой деятельности.

Целью программы является повышение уровня духовно-нравственной культуры студентов вуза средствами культурно-досуговой деятельности, а задачи программы следующие:

1. Разработать план и сценарии культурно-досуговых программ для развития духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи с учётом проведённой входящей диагностики.
2. Апробировать культурно-досуговые программы в практической деятельности.
3. Проанализировать результаты вторичной диагностики уровня развития духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи в культурно-досуговой деятельности.

В реализации программы используются методы социально-культурной деятельности:

- культурно-досуговые: иллюстрирование, театрализация, игра;
- воспитательные: поощрение, приучение, личный пример, разъяснение;
- обучающие: демонстрация, упражнение, работа с книгой.

К исследовательским методам разработки программы отнесем включённое наблюдение, диагностику, анализ социогуманитарной литературы.

В реализации используются виды культурно-досуговых программ: концерт, викторина, художественно-публицистическая программа, конкурс, олимпиада.

Мы определили средства реализации программы, к которым относятся:

- материально-технические (концертный зал, мультимедийный проектор, учебные аудитории, музыкально-техническое оборудование: микрофоны, микшер, стойки для микрофонов, колонки и др.);
- информационно-методические (научно-методическая, психолого-педагогическая литература и др.);
- кадровые (кураторы студенческих групп, преподаватели специальных дисциплин вуза).

Разработка программы развития духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи средствами культурно-досуговой деятельности, а также организация всей работы по её реализации построены на основе научной обоснованности, последовательности, возрастной и социокультурной адекватности, информационной безопасности и практической целесообразности и содержат несколько этапов (таблица 1).

Таблица 1. Этапы реализации программы по развитию духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи

Название этапа	Содержание работы	Ожидаемые результаты
Констатирующий	1. Изучение темы исследования в социогуманитарной литературе. 2. Разработка и проведение анкетирования уровня развития духовно-нравственной культуры студентов учреждения среднего профессионального образования.	1. Анализ результатов анкетирования по выявлению уровня духовно-нравственной культуры студентов высшего учебного заведения. 2. Определение уровня развития духовно-нравственной культуры студентов высшего учебного заведения.
Организационно-практический	1. Организация и проведение культурно-досуговых мероприятий по развитию духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи. 2. Коррекционно-регулирующая работа по возникающим проблемам в ходе эксперимента.	Разработка сценариев культурно-досуговых мероприятий для реализации в учреждении высшего образования.

Оценочно-диагностический	<ol style="list-style-type: none"> 1. Итоговая диагностика развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи с целью выявления динамики результатов работы. 2. Обработка полученных результатов. 3. Анализ и оценка результативности разработанной программы развития духовно-нравственной культуры студентов. 	Подготовка дидактических материалов к использованию и распространению.
--------------------------	--	--

Первый этап нашей программы исследования мы описали, сделали выводы по полученным результатам. Целью второго, организационно-практического этапа программы, является разработка и реализация культурно-досуговой деятельности по развитию музыкальной культуры студенческой молодежи учреждения среднего профессионального образования.

Нами были поставлены задачи:

1. Разработать план и сценарии мероприятий по развитию духовно-нравственной культуры студентов (таблица 2).
2. Организовать и провести запланированные культурно-досуговые программы в условиях вуза.

Таблица 2. План культурно-досуговых программ по развитию духовно-нравственной культуры студенческой молодежи

№	Вид культурно-досуговой программы	Название программы	Дата, время и место проведения
1.	Викторины	«Родной свой край люби и знай»	18.01.2022, 12:20 Учебная аудитория КемГИК
2.	Художественно-публицистическая программа	«Дневник времени... герои станут реальными»	27.01.2022, 12:20 Концертный зал МБОУ СОШ №49
3.	Интеллектуальная игра	«Духовно-нравственная культура»	14.03.2022, 12:20 Учебная аудитория КемГИК
4.	Художественно-публицистическая программа	«Культура – наша жизнь»	17.05.2022, 12:20 Учебная аудитория КемГИК
5.	Викторина	«Что? Где? Когда?»	05.09.2022, 12:20 Учебная аудитория КемГИК
6.	Концертная программа	«Посвящение в студенты»	22.11.2022, 13:00 Концертный зал КемГИК

В каждой разработанной нами программе средства и методы направлены на развитие мотивационного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного критериев. Мы предлагаем рассмотреть некоторые культурно-досуговые программы с целью показа динамики развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи в условиях высшего образования.

В ходе формирующего эксперимента было важно показать, как изменялся уровень духовно-нравственной культуры студентов в соответствии с выделенными нами критериями и показателями при реализации различных по виду культурно-досуговых программ (таблица 3).

Таблица 3. Соответствие вида культурно-досуговой программы критериям и показателям развития духовно-нравственной культуры студенческой молодёжи

№	Вид культурно-досуговой программы	Критерии развития духовно-нравственной культуры	Показатели развития духовно-нравственной культуры
1.	Викторина «Родной свой край люби и знай»	<ul style="list-style-type: none"> • когнитивный; • мотивационный. 	<ul style="list-style-type: none"> - знания в области истории культуры родного края; - развитие запаса знаний в области духовно-нравственной культуры; - развитие интереса к духовно-нравственной культуре; - развитие способности к духовно-нравственному самообразованию; - формирование потребности в развитии личностных качеств.
2.	Художественно-публицистическая программа	<ul style="list-style-type: none"> • когнитивный; • мотивационный; • деятельностный. 	<ul style="list-style-type: none"> - знания в области развития патриотического воспитания; - развитие запаса знаний в области духовно-нравственной культуры; - развитие интереса к духовно-нравственной культуре; - формирование потребности в развитии духовно-нравственных качеств; - формирование способностей в культурно-досуговой деятельности.

3.	Интеллектуальная игра «Духовно-нравственная культура»	<ul style="list-style-type: none"> • когнитивный; • мотивационный. 	<ul style="list-style-type: none"> - знания в области истории культуры родного края; - развитие запаса знаний в области духовно-нравственной культуры; - развитие интереса к духовно-нравственной культуре; - развитие способности к духовно-нравственному самообразованию; - формирование потребности в развитии личностных качеств.
4.	Художественно-публицистическая программа «Культура – наша жизнь»	<ul style="list-style-type: none"> • когнитивный; • мотивационный; • деятельностный; • рефлексивный. 	<ul style="list-style-type: none"> - формирование потребности участия в различных культурно-досуговых мероприятиях, направленных на развитие духовно-нравственной культуры; - знания в области развития патриотического воспитания; - развитие запаса знаний в области духовно-нравственной культуры; - развитие интереса к духовно-нравственной культуре.
5.	Викторина «Что? Где? Когда?»	<ul style="list-style-type: none"> • когнитивный; • мотивационный. 	<ul style="list-style-type: none"> - знания в области истории культуры родного края; - развитие запаса знаний в области духовно-нравственной культуры; - развитие интереса к духовно-нравственной культуре; - развитие способности к духовно-нравственному самообразованию; - формирование потребности в развитии личностных качеств.
6.	Концертная программа	<ul style="list-style-type: none"> • когнитивный; • мотивационный; • деятельностный; • рефлексивный. 	<ul style="list-style-type: none"> - формирование потребности участия в культурно-досуговых мероприятиях, направленных на развитие духовно-нравственной культуры; - развитие запаса знаний в области духовно-нравственной культуры; - развитие интереса к духовно-нравственной культуре; - формирование потребности в развитии духовно-нравственных качеств; - формирование способностей в культурно-досуговой деятельности.

Данная программа по развитию духовно-нравственной культуры студенческой молодежи была разработана и реализована в течение года на кафедре социально-культурной деятельности в Кемеровском государственном институте культуры, однако учитывая возрастные особенности студентов, мы можем предположить, что этого времени не вполне достаточно для результативного ее развития. Следовательно, данная работа должна быть пролонгирована. Тем не менее, наша работа дала определённые положительные результаты. Результаты оценочно-диагностического этапа эксперимента, сравнительного анализа показали, что после проведения специальной культурно-досуговой работы наблюдается положительная динамика в изменении уровня духовно-нравственной культуры у участников эксперимента.

Таким образом, проведенное исследование доказало, что цели и задачи, поставленные перед исследованием, в целом решены. Полученные результаты имеют теоретическую и практическую значимость. Перспективными направлениями дальнейшего научно-практического поиска по исследованию данной проблемы можно считать:

- создание единой методологической базы по изучению проблем развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи в вузе;
- создание базы диагностических методик по выявлению уровня развития духовно-нравственной культуры студенческой молодежи;
- создание материально-технической базы, учебно-методического и научно-методического обеспечения, организационно-педагогических и психолого-педагогических условий для результативного развития духовно-нравственной культуры студентов в культурно-досуговой деятельности учреждения высшего образования.

Список литературы

1. Государственная программа «Развитие культуры» от 15 апреля 2014 года N 317 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091763>
2. Культура России, основанная на знаниях: традиции и инновации подготовки кадров в сфере культуры и искусства / О. Ю. Астахов, О. Г. Басалаева [и др.]. Кемерово : Кемеровский государственный институт культуры, 2019. 312 с. Текст: непосредственный.
3. Локова, М. Ю. Молодежь как социальная реальность: три вопроса из исследовательской практики / М Ю. Локова // Научная мысль Кавказа. № 11. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. С. 98–102.
4. Модельный закон «О социально-культурной деятельности». Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2016 года № 45-15 // Официальный ин-

тернет-портал правовой информации. URL: <https://nra.espot.by/documents/N21600187>

5. Николаева И. И. Содержание формирования духовно-нравственной культуры студента // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. Адыгея : 2015. С. 70–76.
6. Педагогика волонтерства: феноменология и социально-культурная практика : кол. монография / под науч. ред. В. Д. Пономарева, М. И. Васильковской, Л. И. Лазаревой. Кемеровский государственный институт культуры. Кемерово : КемГИК, 2021. 312 с. Текст: непосредственный.
7. Пяшкур Ю. С. Исходный уровень когнитивного компонента нравственного развития студентов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. Шадринск : 2016. С. 71–74.
8. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации <https://yandex.ru/search/?text=Официальный+интернет-портал+правовой+информации&clid=2270455&banerid=0724004839%3ASW-da674365f5e6&win=417&lr=64>
9. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

МУДРЫЕ ПРОЗРЕНИЯ ФИЛОСОФОВ НА СЛУЖБЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ФИЛОСОФИИ

УДК 1174:740

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-68-79>

Максим Сергеевич ФОМИН,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Новосибирское высшее командное ордена Жукова училище; доцент кафедры языковой подготовки и межкультурных коммуникаций, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: fomax@ngs.ru

Аннотация: На протяжении жизни человеку приходится сталкиваться с различными явлениями, в том числе с философией, отношение к которой неоднозначно: она видится или панацеей от всех злободневных интеллектуальных вызовов, или абстракцией, совершенно удаленной от практической жизни. В такой ситуации задачей современного преподавателя философии – как связующего звена современника с философией – оказывается обеспечение стабильности жизни человека и общества. В настоящее время она существенно осложняется закреплением в современности тенденции упрощения и профанации концептуальных аспектов бытия, о чем как раз и говорит философия и как учебная дисциплина, и как явление жизни человека.

Конструктивным решением проблемы предстаёт грамотная и глубокая работа субъекта образовательной деятельности с т. н. вспомогательным знанием, каковым предстают уже сформулированные идеи мыслителей прошлого и настоящего, которые ему необходимо уметь тонко и мудро встроить в собственный нарратив образовательного и, что наиболее важно, воспитательного характера.

Настоящая статья как раз и посвящена осмыслению тонкостей такой работы, которые не всегда очевидны и понятны профессионалу, не говоря уже об обыкновенном обывателе, посредственно относящимся к сформулированным философией закономерностям.

Ключевые слова: сегрегация знания, упрощение и профанация сознания, вспомогательное знание, удивление философией, концептуальная недостаточность, воспитание образа Человека в человеке.

Для цитирования: Фомин М. С. Мудрые прозрения философов на службе преподавателю философии // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 68–79. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-68-79>

WISE PHILOSOPHERS' INSIGHTS IN THE SERVICE OF A PHILOSOPHY LECTURER

Maxim S. FOMIN, CSc in Pedagogy, Senior lecturer at the Department of Military-political Work in the Military (forces), Novosibirsk Higher Military Command Order Zhukov School; Associate Professor at the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: fomax@ngs.ru

Abstract: The course of life of every man makes him face different phenomena & philosophy is among them. The thing is that his attitude towards it is very different. In his opinion it is a panacea for all topical intellectual challenges, & an abstraction, which is absolutely far from the real life as well. So in this atmosphere the task of the lecturer of philosophy is to link the discipline with a contemporary's everyday life which is really difficult, but important because it is connected & supports the stability of social being. This time the aim is being made more difficult by the tendency of simplification and profanation of the conceptual aspects of human's life which are highlighted by philosophy which is taken & seen as the study discipline & phenomenon.

A constructive solution to the problem is the competent and deep work of the subject of educational activity with the so called «support knowledge» which is philosophers' ideas & meditations written & published long ago & this time as well.

So the lecturers' task is to use them wisely & embed into personal philosophic narrative & study practice (lectures, seminars) which are to be of educational character & upbringing issue. The article is devoted to understanding the subtleties of such work, which are not always obvious and understandable even to a professional deeply involved into the problem. Obviously, here is nothing to say about an ordinary philistine who mediocre looks at patters & regularities pointed out & formulated by philosophy.

Keywords: Segregation of the knowledge, simplification & profanation of consciousness, auxiliary knowledge, astonishment by philosophy, conceptual failure, upbringing of the image the Human being in a man.

For citation: Fomin M. S. Wise philosophers' insights in the service of a philosophy lecturer. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 68–79. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-68-79>

На протяжении жизни человеку приходится сталкиваться с различными явлениями. Одно из них – философия, с которой ему доводится встречаться либо как с проявлением человеческой мысли, либо как с наукой (учебной дисциплиной). Одни рассматривают её как средство избавления от всех злободневных интеллектуальных вызовов, другие считают, что это сугубо теоретическая область знания, бесполезная для реальной практической жизни. Очевидно, что каждый случай, особенно доведённый до предела, есть крайность, не сулящая ничего позитивного и конструктивного, а потому и требующая разъяснения и корректировки. Это, в частности, возможно в случае и процессе получения человеком образования (в колледже или вузе), ибо под образованием подразумевается не только «школьное обучение, но формирование образа Человека в человеке» [5, с. 156].

Современные студенты российских колледжей и вузов сегодня зачастую относятся ко второй группе, и именно по этой причине оказываются не готовыми (не горят желанием) изучать философию-предмет, не входящий, по их мнению, в число дисциплин, значимых для осваиваемой ими специальности. Однако вне зависимости от их желаний философия пока остается обязательной, а по итогу освоения курса студент обязывается сдать экзамен или получить зачёт с оценкой.

Такого рода диалектика, которая в большей мере объясняется вседозволенностью, а также злоупотреблениями в понимании и реализации сво-

боды со стороны обучающихся, являющимися следствием укоренения в современность т. н. «либерального» тренда, только дополнительно отягощает работу преподавателя-философа: помимо основной задачи – доведения материала дисциплины, ему приходится прилагать усилия для преодоления возникшего у молодых людей непонимания важности данного предмета, отчуждения от него, равно как от всего того, что заставляет напрягаться интеллектуально и духовно. Данная тенденция не нова и подчеркнута давно. Так, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова А. С. Панарин ещё в начале 2000-х годов отмечал, что «в сфере специализированного образования и повышения квалификации мы непрерывно слышим жалобы со стороны обучаемых, сетующих на то, что им дают «слишком много теории», слишком много непрофильных знаний, которые вряд ли им пригодятся на конкретном рабочем месте» [6, с. 30]. Сформулированная позиция подтверждается личной практикой автора данной статьи: с 2014 года и по настоящий момент, начиная курс предмета «Основы философии» (СПО) или «Философия» (ВО), на первом же занятии проводя опрос новых групп и потоков студентов, задавая им вопрос: «Какой вопрос сразу же возник в вашем сознании, когда в расписании вы увидели предмет «Основы философии» (СПО) или «Философия» (ВО)?», первым и наиболее эмоционально окрашенным ответом (от скромной робости формулировки до самой грубой и жесткой конструкции) был вопрос «Зачем?», который появляется у 63 % опрашиваемой аудитории (каждый раз это отдельная группа потока и набора). Очевидно, и это важно подчеркнуть, что это совсем не говорит о морально-нравственных и интеллектуальных отклонениях или даже ущербности аудитории. Такое видение и восприятие, естественно, недопустимы. Положение дел обуславливается, как это видится исследователю, недостаточностью (объём, время) смыслообразующей работы и слабостью подготовленности (мудрость, глубина профессионализма ответственных) за то деятелей на предыдущих этапах процесса формирования «образа Человека в человеке», следствием чего появляется и является фиксируемая на 1-2 курсе колледжа/вуза *концептуальная недостаточность*, понимать которую вполне допустимо и следует в духе и смысле медицинского понятия «сердечная недостаточность».

Задачей обучающего в такой ситуации становится не только прояснение студентам смысла и предназначения философии, но и помощь в преодолении искушения сегрегацией знания, т. е. его деления на «нужное» и «ненужное», сталкиваясь и впадая в которое в их сознании возникает вопрос: «Зачем мне, будущему экономисту (строителю/врачу/военному), философия?» Предельное обострение и утяжеление указанной задачи-проблемы состоит в том, что сформулированный выше вопрос «Зачем?» разрастается и в конечном итоге охватывает *всё*, что не относится к теме и плоскости материального существования и благополучия современника,

обретая новую формулировку типа: «Зачем мне всё это, если оно не про благосостояние и деньги?» Его последствия, что очевидно, носят гораздо более серьёзный деструктивный характер уже хотя бы тем и потому, что заключают человека в плоскости исключительно посястороннего, долънего и краткосрочного. Преодоление и предотвращение указанных случаев и будет практическим преодолением концептуальной недостаточности, бичующей многих и многих современников, в особенности молодых.

Важность такого рода работы становится понятной из суждения уже процитированного ранее профессора А. С. Панарина, который так развил своё воззрение насчёт знания, кажущегося кому-то излишним: «Всё дело как раз в том, что этот «излишек знаний» и является источником социально-экономической и промышленной динамики современных обществ. Благодаря этому излишку возникает «зазор» между личностью и производственной ситуацией, между культурой и промышленностью, между теорией и практикой. Этот зазор становится источником перманентного творческого беспокойства, резервом иначе-возможного. Подобно тому, как неизрасходованная в личном потреблении часть прибыли становится источником мировой динамики капитала, постоянно ищущего новые точки своего приложения, «неизрасходованные на рабочем месте знания становятся источником научно-технических революций и общей социокультурной динамики модерна, ни в чём не находящего окончательного успокоения» [6, с. 30].

Как показала личная педагогическая практика, данное воззрение авторитетного учёного, предлагаемое обучающимся цитатой в рамках самых первых занятий по философии как аргумент к заявленной позиции и как повод для размышлений в данной связи, вполне адекватно и серьёзно воспринимается аудиторией, которая, как выясняется, *действительно жаждет подлинно трудного текста, серьёзного смысла и такого же обращения к себе*. Особый колорит его использованию (воззрения в цитате) сегодня придаёт тот факт, что оно было сформулировано в далёком 2003 году, – году, когда родились многие сегодняшние студенты, в том числе и те, кому выпало осваивать философию под руководством автора данного исследования: прошедшие годы и события в них уже красноречиво доказали и продолжают подтверждать его справедливость, а проведение личных параллелей (сопоставление годов, а через то видение себя в моментном и историческом ракурсе) только подкрепляет возникающее видение.

Закономерно возникает вопрос о том, *что и как* должно делать и поступать преподавателю философии в *так* развивающейся обстановке, но при этом в ключе указанной выше руководящей концептуальной установки, морально и формально довлеющей над ним. Данный вопрос для него действительно стоит остро, ибо в силу профессиональной подготовленности он оказывается тем, кто острее других видит и ощущает практику.

Дополнительная острота проблемы заключается в том, что по своей сути она совсем не нова. Более того, некогда она уже была ярко и убедительно обозначена, однако уроки и выводы, как показывает актуальная действительность, не были сделаны. Об этом говорит происходящее в современной России и мире вообще. То, случившееся сейчас, разительно описал (а в чём-то, что становится очевидным при рассмотрении из сейчас, именно предсказал) в далёком XIX веке великий Ф. М. Достоевский, в уста одного из своих героев вложивший такие слова: «...Учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен пузырь с желчью; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Русский бог уже спасовал пред «дешовкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро». О, дайте возрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьянее стали! <...> Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!» [3, с. 378–384]. Это и есть результат воплощения в практику того самого вопроса «Зачем?», причём той его формулировки, которая поступательно дошла до предела.

Многолетний опыт работы показывает, что изменению ситуации способствуют доводы преподавателя, подкрепляемые лаконичными и ёмкими идеями известных философов, имена которых навсегда вписались в историю человеческой мысли, мудрости. Это очевидное на первый взгляд решение оказывается не таким простым и лёгким в плане реализации.

Сложность обуславливается прежде всего характером отношения к используемому материалу самим преподавателем. В идеале он должен рассматриваться в качестве вспомогательного знания, а не просто средства создания специфического (философического) антуража, а во-вторых, он непременно обязан иметь отношение к актуальной действительности, т. е. касаться и отражать настоящую жизнь, а не способствовать убегающему мысли от неё в заоблачную высь теоретического построения, ибо, что в равной мере важно для каждого из указанных обстоятельств, философия, «лишённая выходов к живой жизни, из которой и для которой она возникает, философская теория может предстать и порой предстаёт в виде схоластической игры в непонятные слова» [7, с. 13]). Указанные

условия, несмотря на их очевидность и ясность при прочтении, т. е. в случае *намеренного* акцентирования внимания на них преподавателя, а через него, естественно, и обучающегося, далеко не всегда воплощаются на практике, что не способствует снятию ранее обозначенного вопроса-вызова.

Следовательно, первым шагом на пути к достижению, реализации двух указанных выше целей, является работа над самим собой. Речь в данном случае идёт о непрестанном самоличном напряжении и концентрации субъектом образовательно-воспитательного процесса собственного ума, пресечении и недопущении им себе возможности подчиниться (а точнее – соскользнуть) обволакивающему сознание модусу привычности, обыденности и шаблонности делания/выполнения своей работы. Это, опять же, очевидно в теоретическом плане, однако умозрительная ясность не искореняет порочную практику, что и обуславливает необходимость инициации и составления разговора на сей счёт – как средства если не полного преодоления, то хотя бы корректировки расхождения позиций, а также нивелирования отрицательных последствий такого стечения обстоятельств.

Что может и должно стать ингибитором деструктивной тенденции?

Выработанным, лично проверенным, подлинно отрезвляющим сознание средством является мысль, которая должна стать позицией преподавателя (равно как и всякого человека вообще, если экстраполировать рассматриваемую проблематику на все прочие уровни и аспекты жизнедеятельности), о том, что всё совершаемое в аудитории – это прямой эфир. Речь идёт не об образном, но непосредственном понимании использованного словосочетания, причём в том его смысле и содержании, которые вкладываются работниками медийной сферы: прямой эфир – это open air, прямая трансляция. Технологизация жизни, непосредственное, но не профессиональное, ибо для причастных специалистов-деятели эта тема много более явственна и очевидна, пересечение современника с медийной сферой лишь способствует личному практическому развертыванию понятия и образа, стоящего за ним, в плоскость личного делания, а именно дух и тело образовательно-воспитательного процесса в колледже/вузе в данном случае. Здесь важно отметить и подчеркнуть, что сама по себе данная идея не является открытием, однако она должна сделаться таковым – открытием – в личном плане, став результатом активной работы человека над самим собой в профессиональном и человеческом отношении. Для этого, прежде всего в целях оптимизации и сбережения временного ресурса, человеку необходимо услышать об этом. Стало быть, кому-то ему о том необходимо сказать, ибо далеко не каждый способен выйти на уровень чётких и ясных формулировок, даже при появлении и наличии внутренних ощущений и чувствований чего-то большого и важного по данному, ставшему актуальным, вопросу, проблеме.

Речь идёт о том, что именно лёгкость припоминания и сравнения *в моменте* чего-то (учебной пары, семинарского занятия, например) с прямым эфиром способно тут же оказать мощное каталитическое воздействие на генерирование или же поддержание в сознании сосредоточенной ответственности за воплощение теории в практику, задуманного – в реальность. Важным условием является достаточно простое обстоятельство: такую параллель, такой образ необходимо когда-то узнать или выработать, то есть, как сказано выше, услышать. Кто-то дойдет до такого заключения-сравнения личным эмпирическим путём, кто-то обнаружит пример, обращаясь к книге, а кто-то от появившегося на горизонте другого человека, каковым в случае с образованием является преподаватель. Последнее дополнительно подчеркивает необходимость и важность вспомогательного знания, которое оказывается таковым сначала для самого субъекта образовательной-воспитательной деятельности, а затем и для всех тех, кто оказывается в орбите его влияния.

Связывая в единое целое сказанное ранее, важно отметить следующее. Самостоятельно узнавая-вырабатывая нечто концептуализирующее себя сейчас, в последствии это нечто оказывается транслируемым далее кому-то: передача происходит на обыденном уровне (повседневная жизнь) или же уровне профессиональном (учебный процесс). Условием и средством оптимизации и повышения эффективности такой работы может и должно быть подкрепление вспомогательным знанием – цитатами из первоисточников, – т. е. того, что некогда было сформулировано видными (и не очень) мыслителями, и что оказалось лично найденным, осмысленным-пережитым когда-то, а потому и применяемым в концептуальной деятельности того или иного уровня сейчас, каковой в данном случае предстаёт проработка и проведения занятий по философии-предмету. В последнем случае это приобретает особо важное значение, т. к. охвату, а потому убеждению, форматированию и переформатированию подлежит множество студенческих умов, поставленных и пребывающих в положении объекта профессиональной деятельности, т. е. подвластных и подчинённых сознанию, мысли и воле того, кто её осуществляет – преподавателя-философа, – что, очевидно, порождает и накладывает не него колоссальную ответственность. Именно так – в такой логике и фактуре – может и должно реализовываться использование и встраивание в собственную работу преподавателя лаконичных и ёмких идей известных философов, имена которых навсегда вписались в историю человеческой мысли, мудрости: пропущенные через призму своего сознания, прочувствованные (даже выстраданные) и связанные с действительностью, они предстанут тем триггером, что включает понимание и памятование о происходящем-делаемом как прямом эфире, а совокупность указанных факторов обеспечит тот результат, что и всё совершаемое преподавателем

дело, и сам вспомогательный материал, используемый в его рамках, точно не окажутся красивой игрой в непонятные слова, а потому не случится отрыва философии от реальной жизни, а потому родится интерес к ней, что собственно будет решением, преодолением трудных целей и задач, стоящих перед преподавателем философии-дисциплины сегодня, обозначенных выше. В качестве иллюстрации сказанному целесообразно привести мысль австрийского психиатра В. Франкла, суть которой способна подсвечивать, разъяснить и обосновать все его аспекты. Речь идёт о следующем размышлении учёного насчёт ответственности человека, а именно о её сущности: «Что же такое ответственность? Ответственность – то, к чему человек «склонен» и от чего он пытается «уклониться». Сам язык указывает нам на присутствие в человеке сил, которые пытаются его удержать от его же собственной ответственности. Ответственность разверзается перед нами, словно бездна, и чем дольше и глубже размышляем мы о ее природе, тем более опасаемся, покуда не охватят дурнота и головокружение. Ведь стоит углубиться в суть человеческой ответственности – и устрашишься: что-то ужасающее есть в этом понятии, но есть и ободряющее. Пугает – знать, что в любой момент жизни я несу ответственность за следующий миг, что каждое мое решение, самое малое, как и самое крупное, свершается «на все времена»: в каждый момент я воплощаю или упускаю какую-то возможность, возможность этого момента. Каждое мгновение приносит тысячи возможностей, а я могу избрать и осуществить только одну, а все остальные таким образом обрекаю на небытие – и опять-таки «на все времена», навеки! Но вот что ободряет: знать, что будущее, мое собственное и разных вещей, людей вокруг меня, каким-то образом, пусть даже в малой мере, каждый миг зависит от моего решения. То, что я сейчас осуществляю, что «свершу в мире», то спасу в реальности и сохраню в убежище прошлого» [9, с. 62].

Продолжая работу, важно отметить следующее. Сформулированная позиция и преподавательская работа в её духе в скором времени сталкивается с появлением в сознании субъекта образовательно-воспитательной деятельности обескураживающего его видения ситуации как чего-то, что уже придумано и известно людям. Это обстоятельство может оказаться столь же эффективным *выключателем* ранее родившегося ясного и ответственного (прямой эфир) видения и отношения происходящему к нему.

Спасительным средством в такой ситуации, как ни странно, но снова оказывается вспомогательное знание, т. е. всё те же формулировки великих, которыми, естественно, важно мудро воспользоваться, а для того хотя бы их знать и хотя бы раз искренне и глубоко, т. е. не формально, обдумать.

Одной из таких вспомогательно-спасительных максим являются слова древнегреческого философа Аристотеля о том, что «чуть ли не всё уже

давным-давно придумано, но одно не слажено, другое, хотя и известно людям, не находит применения» [4, с. 476]. Таковой её можно считать в силу следующего.

Во-первых, будучи прежде (т. е. некогда ранее) обнаруженной, т. е. вычитанной, что не просто в море идей великого мыслителя, не говоря уже о мысли вообще, это становится примером тонкой и вдумчивой работы субъекта с интеллектуальными артефактами – философским наследием прошлого, в котором сегодня, подобно археологам, приходится в прямом смысле слова вести раскопки и сортировку исторических философских напластований. Очевидно, что дух и смысл данного наблюдения в большей мере касается профессионала, т. е. в данном случае преподавателя философии колледжа или вуза, однако, в принципе, касается каждого: всякое обнаружение чего-то, что трогает и приводит в движение душу, есть открытие для данного человека, которое при этом вполне может и не быть таковым для другого, который в свою очередь может воспринимать реакцию первого как странность в виду очевидной для него банальности обнаруженного тем. Вполне очевидно, что данный факт, являющийся объективной закономерностью, в определённой мере способен снять обескураживающее напряжение, обозначенное выше.

Во-вторых, будучи процитированной преподавателем-профессионалом в рамках занятия, т. е. выданной, представленной в качестве вспомогательного материала планового занятия по философии-предмету, она (максима Аристотеля) также оказывается терапевтическим средством для снятия непременно возникающего в таком случае психологического напряжения и дискомфорта, обуславливающегося открытием некогда уже открытого. Без выдачи (преподаватель) и соответственно приёма (студент) такого «обезболивающего» риск разрастания первоначального вопроса «Зачем?» и последующего его перерождения в патологический максимум естественно-закономерно увеличивается. Психологический терапевтический эффект, как это видится автору исследования, заключается и обуславливается следующим.

Ссылка в контексте рассмотрения данной (плановой) проблематики на древнего и мудрого Аристотеля и факт личного осознания или ознакомления с некоторой закономерностью, открывающейся внутри неё, о которой, как выясняется, давным-давно известно, в определённой мере уравнивает сделавшего открытие с фигурой Аристотеля. Успокаивающее сближение состоит и работает тем и так, что, оказывается, восхождение к фундаментальным смыслам, понимание в широком ракурсе концептуальных текстов, возможно и доступно не только великим мыслителям; что, как выясняется, и они мучились всё теми и такими же вопросами, что актуальны сейчас. Очевидно, что при таком рассмотрении и подходе чья-то ёмкая и яркая формулировка (максима) действительно предстаёт инструментом,

средством вспомоществования, а не фрустрирующим и обескураживающим явлением.

Должно подчеркнуть, что всё это оказывается принципиально и много более важным, что в случае с неподготовленным человеком (аудиторией), где и когда простая констатация, высыпание фактов (цитат) навалом может стать дополнительным источником и причиной разочарования неопита в философии и ещё большего закрепления его сознания в первоначально имеющемся модусе вопроса «Зачем?» Действительно, что говорить о его эмоциональном состоянии, если смятение и ропот появляются и преодолевают ум преподавателя, однозначно, много больше и глубже погружённого в глубины и коллизии философской реальности? Следовательно, неточное, а точнее, не тонкое, т. е. только для колорита и авторитетности повествования, проведение доводов и параллелей, снабженное фактурой вспомогательного знания, может породить и вызывает отторжение обучающейся аудитории, ибо она изначально воспринимает философию поверхностно и без вдохновения, которое ещё только должно быть сгенерировано на занятиях, причём занятиях самых первых. Задачей первых занятий, как и всякой инициации вообще, оказывается покорение, очарование и увлечение ума новоначального или, как полагал всё тот же Аристотель, удивление его. Философия, как, опять же, говорил тот самый Аристотель, должна начаться с удивления. Так, древнегреческий мудрец утверждал: «и теперь, и прежде удивление побуждает людей философствовать, причём вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например, о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также и о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы. Сам ход вещей подтверждает это; а именно: когда оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода разумение. Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя» [1, с. 11–12].

Именно этому и должны поспособствовать используемые, некогда найденные и пропущенные через призму собственного сознания преподавателя формулировки известных мыслителей прошлого и настоящего: именно так философия преодолевает искушение, не делается или же перестаёт быть игрой в непонятные слова.

Подводя итог проделанной работе, важно сделать выводы, учёт которых может поспособствовать оптимизации образовательно-воспитательной деятельности преподавателя-философа, в случае их принятия им.

Первое. Описанный способ обращения с философской фактурой (мысль в тексте вообще), дошедшей до нас и оказывающейся легко доступной нам сегодня, есть пример того, как философия помогает сама себе. Это, однако, возможно при соблюдении важного условия: всё излагаемое преподавателем-предметником от лица субъекта образовательно-воспитательной деятельности (позиция преподавателя-предметника), от первого лица (своя личная позиция), от лица известных философов (позиция какой-то исторической личности) должно быть так передано аудитории обучающихся, чтобы их сознание начало приходить в движение и от факта осознания известности, и факта личной причастности сути и духу как уже предъявленных преподавателем проблем, так и только пунктирно обозначаемых им вопросов, ещё подлежащих персональному осмыслению далее, позднее.

Фактором, естественно облегчающим задачу преподавателя-философа, является то, что, в принципе, все поднимаемые темы являются вопросами и вызовами, знакомыми обучающемуся (да и человеку вообще), просто до *данного* момента – акцентирования на занятии по философии (или же какими-то жизненными обстоятельствами, если говорить об обывателе в целом) – оказавшимися в смысловом пассиве студента (личности), которые, стало быть, нужно активизировать и подкрепить. Показательный пример-сравнение этому, одновременно являющийся и научным фактом, обнаруживается в деле и методике изучения иностранного языка. Известно, что лексические единицы неродного языка, хотя и некогда семантизированные (введенные в оборот, ставшие известными), но долго не употребляющиеся в актуальных условиях, постепенно уходят в пассив. Иными словами, оставаясь знакомыми, они больше не способны раскрывать в данный, нужный момент смыслы текстов, в которых употребляются. Чтобы понять их лексическое значение, требуется некоторое время, нужен инструмент (словарь), которые могут отсутствовать. Из-за этого возникает нечеткость перевода, порождающая искажение аутентичности текста. Похожая ситуация имеет место и в философии: «затуманенные» или выпадающие из поля зрения категории и проблемы оборачиваются концептуальной недостаточностью, вследствие чего обучающийся (в широком смысле – человек) теряется и начинает совершать ошибки. Это в свою очередь отражается на безопасности всех аспектов и его бытия, и бытия общества в целом, т. е. экономической, политической, информационной, но главное, духовной сфер жизни.

Второе. Активизации интереса к философии способствует удивление, логика и механика которого предложены и описаны Аристотелем более

двух тысяч лет назад, что самом по себе предстаёт существенным аргументом их действенности. Схематично этот процесс можно изобразить так: удивляющийся считает себя незнающим → начинает философствовать, чтобы избавиться от незнания → приобретает знания → восходит к пониманию, а не просто пользе узнанного.

Так он продвигается от вопроса «**Зачем** мне необходима философия?», возникающего на первом этапе изучения дисциплины, к вопросу «**Почему** мне нужна философия?», обретающего такую форму на последующей стадии инициации и обучения, в случае их грамотной организации преподавателем-философом.

Так образование, понимаемое как «формирование образа Человека в человеке», постепенно наполняется духом гейзенберговского понимания и отношения к нему, а именно: «Образование – это то, что остается, когда забыли все, чему учились. Образование, если угодно, – это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным» [2, с. 15].

Так преодолевается концептуальная недостаточность современника, бичующая все аспекты его бытия в настоящее время.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика. Москва : Эксмо, 2019.
2. *Гейзенберг В.* Избранные философские работы (Шаги за горизонт. Часть и целое (Беседы вокруг атомной физики)). Санкт-Петербург : Наука, 2006.
3. *Достоевский Ф. М.* Бесы. Москва : Эксмо-пресс, 1998.
4. Мыслители Греции. От мифа к логике : сочинения. Москва : Эксмо-пресс, 1998.
5. *Осипов А. И.* Что такое счастье? Москва : АСТ, 2020.
6. *Панарин А. С.* Правда железного занавеса. Москва : Алгоритм, 2006.
7. Проблемное преподавание философии в вузе: сборник научных трудов. Свердловск : УрГУ, 1988.
8. Сердечная недостаточность // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-predstavlenie-o-hronicheskoj-serdechnou-nedostatochnosti/viewer>, свободный, дата обращения 08.02.2023
9. *Франкл В.* Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ. Москва : Альпина нон-фикшн, 2018.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

УДК 316.3

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-80-86>

Евгения Вячеславовна КЛИМКОВИЧ,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: klimkovich.ev@mail.ru

Елизавета Станиславовна КОВАЛЕВА,

студентка направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: kovalevae2002@yandex.ru

Аннотация: В статье социально-культурная среда рассматривается как важнейший фактор формирования человеческого и социального капитала, одновременно анализируются концепции, выражающие подходы к ее созданию с участием человека, его возможностей, взглядов, развития, целей, а также качества жизни и условий существования. Расширение возможности человека совершенствовать себя и свои внутренние качества, такие как креативность, инициативность, ответственность, авторы рассматривают как существенный фактор развития различных сфер деятельности. С позиции проектирования социально-культурной среды авторы обращают внимание на значимость вовлечения человека в социально-значимые виды деятельности. Среди методов, в наибольшей степени способствующих созданию условий для развития человеческого и социального капитала, особое внимание уделяется соучастному проектированию как наиболее актуальной современным условиям и тенденциям развития общества социокультурной практики. Сделанные выводы подтверждаются результатами собственной практической и исследовательской деятельности в сфере социально-культурного проектирования в условиях вуза.

Ключевые слова: социально-культурная среда, развитие человеческого и социального капитала, вовлечение, соучастующее проектирование, социально значимая деятельность общество, молодежь.

Для цитирования: Климкович Е. В., Ковалева Е. С. Современные социокультурные практики развития человеческого и социального капитала // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 80–86. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-80-86>

MORDERN SOCIOCULTURAL PRACTICES FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN AND SOCIAL CAPITAL

Evgeniya V. KLIMKOVICH, CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines and the History of Law, Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University, Moscow, Russian Federation, e-mail: klimkovich.ev@mail.ru

Elizaveta S. KOVALEVA, Student in the field of "State and Municipal Administration", Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University, Moscow, Russian Federation, e-mail: kovalevaES2002@yandex.ru

Abstract: The article considers socio-cultural environment as the most important factor in the formation of human and social capital, at the same time, analyzes the concepts expressing approaches to its creation with the participation of man, his capabilities, views, development, goals, as well as quality of life and conditions of existence. The authors consider the expansion of the possibility of a person to improve himself and his inner qualities, such as creativity, initiative, responsibility, as an essential factor in the development of various spheres of activity. From the position of designing the socio-cultural environment, the authors draw attention to the importance of involving people in socially significant activities. Among the methods most conducive to the creation of conditions for the development of human and social capital, special attention is paid to participatory design as the most relevant modern conditions and trends of socio-cultural practice. The conclusions are confirmed by the results of our own practical and research activities in the sphere of socio-cultural design in the conditions of higher education institution.

Keywords: socio-cultural environment, development of human and social capital, involvement, participatory design, socially significant activity society, youth.

For citation: Klimkovich E. V., Kovaleva E. S. Modern sociocultural practices for the development of human and social capital. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 80–86. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-80-86>

Одной из важных составляющих социума является социально-культурная среда и ее уникальность, так как от нее зависит социализация индивида и его способность к усвоению общекультурных ценностей. Однако любые общественные изменения (смена ценностей, идеалов, традиций, правил) влекут изменения в окружающих общество средах, пространствах и сферах, то есть, подвергаясь воздействию идейного, нового аппарата социума, социально-культурная среда также будет изменяться и подстраиваться под новые потребности, желания и принципы людей. Рассматривая общество как один из важных механизмов развития города или государства, необходимо опираться на культурные аспекты, которые играют одну из главных ролей в формировании мышления, социализации и развитии людей. Анализируя социально-культурную среду, необходимо отталкиваться от основания социума – людей, их возможностей, идей и подходов.

Существует несколько концепций, выражающих различные подходы к созданию структур, сообществ и окружающей среды с помощью человека, его возможностей, взглядов, развития, целей, а также качества жизни и условий существования. Наиболее актуальными в контексте рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, являются следующие: концепция человеческого капитала, концепция базовых нужд, концепция качества жизни, концепция развития человеческого потенциала и концепция устойчивого развития [1].

Первая рассматривает человеческий капитал как основной фактор экономического роста и развития, которые достигаются за счет совершенствования и увеличения таких сфер в жизни человека, как наука, культура, образование, здравоохранение и т. п. Сами понятия человеческого и социального капитала довольно схожи, так как относятся к одной большой направленности развития общества. Т. Шульц и Г. Беккер определяют человеческий капитал как совокупность знаний и навыков, которые повышают производительность и доход индивида [8].

Социальный капитал в соответствии с концепцией Дж. Коулмана представляет собой нормы взаимоотношений индивидов; он также необходим для повышения экономических показателей [6].

В. Корнаи в своих работах преподносит человеческий капитал как качества человека, а социальный – как фактор, характеризующий взаимосвязи отношения людей – социальные сети и нормы взаимности и доверия, которые возникают на их основе [5].

Таким образом, человеческий капитал является фундаментом для создания социального капитала, следовательно, основное развитие общества, его потенциала и ценностей всегда будет начинаться с индивида и переходить в общую групповую ответственность и сплоченность.

Концепция базовых нужд рассматривает вовлечение людей в решение различных вопросов города или государства путем удовлетворения базовых нужд жителей определенной территории. Предполагается, что чем больше будет взаимодействие сферы управления с обществом, тем больше будет возможностей для улучшения территориального и общественного (социального) развития, так как возникающие потребности людей, как физиологические, так и социально-культурные, формируют у человека варианты решения проблемы.

Концепция качества жизни основывается на благосостоянии человека как социального, а не только экономического фактора. Под благосостоянием понимается способность индивида использовать различные ресурсы (денежные, здоровье, образование, семейные и социальные связи, гражданские права и др.) для управления собственной жизнью, расширения возможностей выбора и действий. Концепция человеческого потенциала, под которым понимаются качества человека, принципиально влияющие на результаты активности, в которую он вовлечен в той или иной сфере деятельности, предполагает использование и развитие таких человеческих качеств как самостоятельность, инициативность, креативность, чувство долга, ответственности, а также создание условий для участия в подготовке и принятии управленческих решений, разработке проектов по развитию территории и социума внутри нее [1]. А. Маслоу уравнивал человеческий потенциал с самоактуализацией. Под ней понимается желание человека реализовывать свои цели, способности, развивать себя как личность [4].

С точки зрения развития общества человеческий потенциал можно рассматривать с позиции расширения человеческих возможностей. Самореализация личности в самом упрощенном рассмотрении зависит не только от двух внешних факторов – востребованности личности и условий для ее развития, но и двух внутренних – природной предназначенности человека и той части его личностных свойств, которые формируются и развиваются в процессе социализации. Следовательно, увеличение возможности человека совершенствовать себя и свои внутренние качества позволяет обществу развивать различные сферы деятельности, основываясь на креативности, ответственности и инициативности людей. Если давать обществу возможность реализовывать свои навыки, качества и умения в сфере культуры, то развитие ценностей и идейных ориентиров будет увеличиваться за счет рассмотрения всех вариантов решений того или иного вопроса, связанного как с материальными объектами культуры, так и с духовными, а также просвещением в этой сфере.

В современной Культурной политике Российской Федерации прослеживается очевидная ориентация на развитие человеческого и социального капитала общества и необходимость реализации человеческого потенциала. Государственная культурная политика России охватывает большое количество сфер государственной и общественной жизни. Это и культурная деятельность, гуманитарные науки, образование, международные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны. То есть данная политика оказывает влияние на общество не только как культурная сфера, но и как механизм социального прогресса, который реализуется благодаря развитию и продвижению инициативы граждан, увеличению возможности самоактуализации и саморазвития, а также повышению потенциала с помощью дополнительных инструментов, таких как информационная среда и т. д. Государственная культурная политика направлена на повышение гражданского самосознания, готовности и способности людей к активному участию в процессах общественного развития [7].

Целями культурной политики выступают не только укрепление культурной идентичности, сохранение исторического наследия и передача ценностей и традиций из поколения в поколение, но и создание условий для реализации творческого потенциала людей, поддержка и формирование творческих сообществ. Культурная политика стремится вырабатывать потенциал районов и городов путем привлечения жителей к созданию культурной, природной, социальной и территориальной сред. Каждый город стремится действовать по схеме: творческая инициатива

граждан – культурная самоидентификация сообществ, районов, округов, города, страны – место в глобальном диалоге стран и культур всего мира.

Опираясь на вышесказанное, необходимо рассмотреть возможности реализации концепций в социально-культурной среде общества. Существует множество способов привлечения внимания общества к социально важным вопросам, которые требуют комплексного решения, одним из таких является вовлечение. Вовлечение – это состояние людей, при котором человек эмоционально и физически погружен в создание и развитие определенной сферы его жизни (экономической, социальной, экологической и т. д.). То есть индивид рассматривается как личность, стремящаяся к переживанию чего-то большего и отходящего от обыденного состояния. Данный способ опирается на три важных понятия: отношение, доверие, смысл, благодаря которым человек понимает, с кем он будет реализовывать свои идеи, в какой обстановке он будет находиться и зачем он будет это делать. Данный способ позволяет раскрыть потенциал местных сообществ и общества в целом, давая возможность решать различные вопросы вместе с административными структурами и руководством, что помогает рассмотреть проблему с разных сторон.

Среди форм вовлечения граждан особенную популярность приобретает соучаствующее проектирование, которое становится эффективным методом выявления не только активных социальных структур, но и проблематики существующих отношений и процессов общества. Это процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта. Основной целью соучаствующего проектирования является не только создание места, инфраструктуры или просто проекта, которые люди будут любить и развивать, но и развитие социальных связей, укрепление человеческого капитала и развитие в обществе тех трех составляющих, на которых опирается успешное вовлечение граждан в общественную деятельность. Важным аспектом метода является разделение ответственности между всеми заинтересованными сторонами [8].

В настоящее время соучаствующее проектирование уже активно применяется в сфере территориального развития: дизайне городской среды, нахождении планировочных решений, градостроительном планировании. Например, в Москве реализован ряд успешных проектов на основе метода: Активный гражданин, Общественные обсуждения, Наш город – Москва. С 2020 года в Москве успешно реализуется проект проектирования разработки концепций дворов и придомовых территорий.

Однако, на наш взгляд, метод может использоваться для проектирования не только городских ландшафтов и пространств, но и для любых социальных сред. Примером использования метода является практика центра социально-культурного проектирования Университета Правительства Москвы. Где преподаватели и студенты разделяют ответственность за создание и реализацию социально-культурного продукта различной направленности. Таким образом, студенты становятся субъектами развития образовательной среды вуза, с одной стороны, удовлетворяя свои потребности в самореализации, общении, самопродвижении и повышении своих навыков, и с другой, продвигая в молодежную среду новые культурные модели поведения [2, 3].

Реализация метода дает возможность формирования ряда значимых в современных условиях профессиональных и личностных качеств участников проектов. Так, интервьюирование 11 выпускников университета – участников проекта «Лаборатория квеста», основой которого является метод соучастного проектирования, показало, что работа в команде проекта в студенческие годы дала им возможность сформировать понимание о сущности проектной и организационной деятельности, позволила овладеть навыками командной работы и работы в условиях многозадачности, развить коммуникабельность, быстроту реагирования на изменения. Это позволило еще на этапе обучения позиционировать себя как полноценного проектного менеджера и содействовало трудоустройству. Работодатели рассматривали опыт участия в проектах как реальный практический опыт. Многие отметили, что участие в проекте позволило увидеть город другими глазами, помогло осознать перспективы своего профессионального и личностного развития в нем. Следует отметить, что ответы всех без исключения участников носили позитивную эмоциональную окраску.

Каждый человек становится личностью не только благодаря процессам социализации и его окружению, но и посредством приобретения ценностей, культурных идеалов, моральных устоев, параллельно приобретением знаний и навыков. Вовлечение человека в социально-культурные практики будет способствовать накоплению человеческого и социального капитала, а следовательно, способствовать позитивному развитию как самого человека, так и всего общества в целом, через развитие креативности, сплоченности, социальной ответственности, вовлеченности, благодаря обмену ценностями, интересами и взглядами. Такое вовлечение может усиливать готовность людей к переменам и изменениям, благодаря накопленному историческому и моральному опыту, концентрирует и собирает отдельные группы в единую социальную структуру, улучшает жизненные навыки и повышает самооценку отдельных индивидов, позволяя выражаться и быть личностью.

Список литературы

1. Глухова М. Ф. Управление социальной сферой города : учебное пособие. Москва : Московский гор. ун-т упр. Правительства Москвы, 2016. 191 с.
2. Климкович Е. В. Геймификация в социально-культурном проектировании // Социально-культурное проектирование в городе Москве: ведущие тенденции и актуальные практики : материалы IV городской научно-практической конференции (21 октября 2020 года) / под ред. проф. К. И. Вайсеро; сост. М. В. Селеменова; Москва : Университет Правительства Москвы, 2021. С. 103–106.
3. Климкович Е. В. Развитие геймификации образования в процессе реализации программ высшего и дополнительного образования // Современное педагогическое образование: научный журнал. Москва : КноРус, 2021. № 8. С. 23–26.
4. Концепция самоактуализации А. Маслоу // «Школа жизни» : официальный веб-сайт. URL: <https://potencial-school.ru/koncepciya-samoaktualizacii-a-maslou.html> (26.04.2022).
5. Корнаи, Я. Честность и доверие в переходной экономике // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 4–17.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
7. Основы государственной культурной политики // Министерство Культуры Российской Федерации: официальный веб-сайт. URL: <https://culture.gov.ru/documents/project-document-public-discussions-1205140/> (26.04.2022).
8. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / Генри Санофф; пер. с англ.; [ред.: Н. Снигирева, Д. Смирнов]. Вологда : Проектная группа 8, 2015. 170 с.
9. Хайкин М. М. Эволюция теории человеческого капитала // Российская национальная библиотека: официальный веб-сайт. URL: <https://nlr.ru/news/20170427/haikin.pdf> (26.04.2022).

СОБЫТИЙНЫЙ МАРКЕТИНГ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

УДК 304

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-87-94>

Марина Вячеславовна КЕРНЕРМАН,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры, арт-директор ООО «Агентство Виват», г. Химки, Московская область, Российская Федерация, e-mail: vivat_co@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема организации событийного маркетинга для молодежи как особой социально-культурной деятельности. Событийный маркетинг анализируется как фактор, влияющий на культурное, духовно-нравственное развитие молодежи. Представлены основные направления продвижения мероприятий, совместная деятельность организаторов событий и специалистов по связям с общественностью (PR). Рассматривается влияние музыкальной культуры на молодежь, раскрывается понятие и роль музыкальной индустрии в молодежной среде. Определена значимость целевой аудитории, представлена ее классификация. Выявлена основная структура рекламной стратегии при организации событийного маркетинга. Определены основные эффективные организаторские способности руководителей событийного маркетинга для молодежи.

Ключевые слова: событие, маркетинг, событийный маркетинг, культура, культурная среда молодежи, организаторы мероприятий, связи с общественностью, молодежь, мероприятия для молодежи, творчество, целевая аудитория.

Для цитирования: Кернерман М. В. Событийный маркетинг в молодежной среде // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 87–94. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-87-94>

EVENT MARKETING IN THE YOUTH ENVIRONMENT

Marina V. KERNERMAN, CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture, Art Director of Vivat Agency LLC, Khimki, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: vivat_co@mail.ru

Abstract: And correctly, this article deals with the problem of organizing event marketing for young people as a special socio-cultural activity. Event marketing is analyzed as a factor influencing the cultural, spiritual and moral development of young people. The main directions of promotion of events, joint activities of event organizers and public relations (PR) specialists are presented. The influence of musical culture on youth is considered, the concept and role of the music industry in the youth environment is revealed. The significance of the target audience is determined, its classification is presented. The basic structure of the advertising strategy in the organization of event marketing is revealed. The main effective organizational abilities of event marketing managers for young people are determined.

Keywords: event, marketing, event marketing, culture, youth cultural environment, event organizers, public relations, youth, events for youth, creativity, target audience.

For citation: Kernerman M. V. Event marketing in the youth environment. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 87–94. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-87-94>

Практика событийного маркетинга в нашей стране имеет длительную историю. Царская Россия славилась своими яркими культурными событиями, которые создавались и приурочивались к праздникам – государственным, сезонным, церковным. «Из года в год городская площадь впитывала, отбирала, перерабатывала весь разнообразный материал, выплескивающийся сюда в праздничные дни, приспособливая его к требованиям основного посетителя, и в то же время формировала его вкусы и запросы» [3]. Сегодня, как и наши предки, организаторы социально-культурной деятельности создают мероприятия в соответствии с богатыми культурными традициями нашего государства – политическими, культурными, духовно-нравственными.

С появлением электронных коммуникаций, впоследствии – Интернета, и распространением информации в разных сферах, процесс влияния на массовую аудиторию, с одной стороны, стал более доступным, с другой стороны, многообразие источников информации не всегда может сориентировать по заданному социальному вектору молодёжную аудиторию. Такое противоречие требует совершенствования информирования, продвижения и планирования событий для молодежи.

В молодежной среде проблемы организации мероприятий, культурных событий для молодежи изучали видные ученые: А. Д. Жарков, Л. С. Жаркова, Т. К. Солодухина, Ю. А. Стрельцова, В. М. Чижиков, В. В. Чижиков, Н. Н. Ярошенко и др.

В философии событием «может быть названо любое явление, которое, совершаясь, отменяет прежние принципы наблюдения, т. е. индивидуализируется в своей уникальной и неповторимой сущности» [6]. Тот, с кем произошло событие, полностью или частично под влиянием этого события меняет свою жизнь [8].

«Маркетинг» с английского языка переводится как рыночная деятельность, основной функцией которой является продвижение продукта или услуги на рынке с целью извлечения прибыли, а также удовлетворение культурных, социальных, духовно-нравственных потребностей. В сфере некоммерческих организаций маркетинговая деятельность направлена на повышение эффективности функционирования организации, увеличение лояльной целевой аудитории, которая принимала бы активное участие в мероприятиях организации.

Событийный маркетинг включает в себя ряд условий для успешной реализации коммуникационной кампании: знание целевой аудитории, креативная идея, структурированный план ее реализации и возможность корректировки в случае необходимости, изучение эффективности проведенных событий и критическое осмысление нереализованных задач. Событийный маркетинг – комплекс ярких запоминающихся креативных мероприятий, направленных на продвижение компании или значимой

темы для социума (в некоммерческой деятельности), в рамках какого-либо события.

Событийный маркетинг для молодых людей в сфере культуры основывается на согласованных между собой мероприятиях, объединенных единой тематической идеей, привлекающей к участию молодежь. При этом каждое мероприятие имеет свои цели и задачи, направленные на культурное, духовно-нравственное развитие молодежной аудитории. Сегодня популярные молодежные события создаются организаторами учреждений культуры, учитывая интересы молодых людей и формируя их ценностные ориентиры. Комплекс мероприятий организовывается в едином пространстве и времени, что позволяет собрать массовую целевую аудиторию в короткие сроки.

При этом важно соучастие приглашенных зрителей и выступающих – ведущих, аниматоров и других участников события. Уже на этапе выбора темы предстоящего мероприятия необходимо привлекать свою аудиторию, предлагая различные конкурсы, викторины, опросы в социальных сетях для предложения значимых тем молодежной аудитории.

В условиях социально-культурной деятельности реализуется комплекс мероприятий с актуальными проблемами для разных целевых аудиторий. Это инновационный подход к популяризации и продвижению компании, услуги, идеи. Молодежь всегда требует пристального внимания и постоянного изучения, поскольку является динамической, любопытной и критически настроенной ко многим происходящим процессам в обществе.

Сегодня государство остро ставит вопрос решения привлечения молодежи к участию в вопросах молодежной политики, определяя им цели, задачи в соответствии с интересами общества и создавая условия для их реализации.

Согласно Федеральному Закону РФ «О молодежной политике Российской Федерации», молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации... Целями молодежной политики являются обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи..., создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества» [7].

В настоящее время реализуются социальные проекты, в которых принимает участие молодежь, что стимулирует развитие общества и демократизацию государства. Но при этом, как показывает статистика опросов россиян, «общественную активность молодежи замечают 47 %, и почти

столько же – 43 % – придерживаются обратной точки зрения». «Молодежь, по мнению россиян, занимает первое место среди возрастных групп, интересы которых поддерживает государство, – 27 %; при этом сами молодые люди чаще видят пользу в своей активности, – 47 %» [7].

Результаты опроса демонстрируют государственную заинтересованность в создании и продвижении событий для молодежи, но невысокую активность вовлеченности в нее. Вероятно, есть необходимость более глубокого изучения специфических особенностей психофизиологических закономерностей развития молодежи для большего привлечения к участию в событийном маркетинге. Молодых людей отличает впечатлительность, способность активно эмоционально сопереживать, обладание эстетической отзывчивостью к явлениям действительности и искусства, формирование гуманистических отношений.

Тяготение к искусству молодых людей, к декоративности (предпочтению ритмов, симметрии, цветности и т. д.), возрастная особенность целостного восприятия молодежью [3], их быстрая обучаемость и стремление к новым знаниям дает, с одной стороны, создание разнообразных программ, с другой стороны – необходимость постоянного изучения интересов молодежной целевой аудитории.

Целевая аудитория – достаточно сложное понятие. Данная совокупность людей обладает важными признаками и характеристиками. Так как цели событийного маркетинга могут быть разными, а выявление целевой аудитории – трудоемкий процесс, в котором легко ошибиться, маркетологи выделили несколько классификаций целевой аудитории.

Самая базовая и распространенная классификация целевой аудитории включает в себя следующие виды:

- основная (первичная);
- косвенная (вторичная);
- широкая;
- узкая.

Основная (или первичная) целевая аудитория – приоритетная для коммуникации – является инициатором покупки и лицом, принимающим решение о покупке. Именно на данный тип аудитории рассчитана коммуникационная кампания.

При этом возрастной диапазон социально-демографической группы лиц в возрасте от 14 до 35 лет обширный, следовательно, в рамках целевой аудитории – молодежи – может происходить ее сегментирование по уровню развития: на нижней возрастной границе – молодые люди еще учатся в школе, взгляды на мир развиваются, происходит становление личности; на верхней границе – сформировавшаяся личность с активной общественной позицией. Актуальные темы могут отличаться даже в пределах близких возрастных категорий молодежи. Эти социально-психоло-

гические особенности различных категорий молодежи следует учитывать при создании мероприятий.

«Special events» – специальные массовые мероприятия (фестивали, шествия, концерты, посвященные событию) – популярные мероприятия для молодежи. В настоящее время активно проводятся специальные мероприятия, в рамках которых поднимается тема России – история, развитие, переломные события и др.

Косвенная (или вторичная) целевая аудитория обладает низким приоритетом для коммуникации, играет более пассивную роль, даже если самостоятельно принимают решение.

Широкая аудитория – те пользователи, кто интересуется товарной категорией в целом. Целевая аудитория, имеющая конкретные запросы относительно товара или услуги, называется «узкая». При создании каждого мероприятия организаторы стараются расширить лояльную целевую аудиторию, привлекая новых участников. Для этого организаторы разных событий сотрудничают друг с другом и выступают с коротким заявлением или номером для привлечения молодых людей.

Профессионализм организаторов событийного маркетинга заключается и в «умении привлечь людей, оказании им помощи в самоорганизации, самоопределении, самовоспитании и самообразовании. Важно объединить их всех в целостный педагогический процесс, который представляет собой не механическое соединение процессов воспитания, обучения и развития, а новое качественное образование – целостность, общность и единство – главные характеристики педагогического процесса» [3].

Формирование у молодежи потребности в событийном маркетинге на первых этапах происходит через создание осведомленности о преимуществах культурного проекта, возможности удовлетворения своих культурных потребностей, привлечение молодежи к предстоящему событию.

Создавая события для молодежи, организаторы формируют культурную среду и условия для развития культурного потенциала. «Культурный потенциал молодого поколения – сформированные во взаимодействии с социально-культурной средой потребность и способность индивида и (или) группы взаимодействовать с миром материальных и духовных ценностей, способность понимать и критически оценивать разные типы и формы культуры, способность приобщаться к миру культуры в течение всей жизни, а также способность создавать культурные ценности» [7], что способствует культурному, духовно-нравственному развитию молодых людей.

Быстрое и масштабное распространение информации возможно получить только с помощью затратной массовой рекламы или при разработке креативного сценария рекламного видео в социальных сетях, который распространится между участниками целевой аудитории, т. е. информация будет передаваться при помощи «вируса».

Вирусный маркетинг события – креативная демонстрация информации, которая повышает осведомленность о предстоящем комплексе мероприятий посредством распространения запоминающего сообщения без прямого призыва участвовать в событии. Оно основано на доверии и интересе к предлагаемой теме, а также на эмоциональном восприятии информации.

При этом необходимо помнить основную стратегию рекламы – коммуникационную. Теория коммуникации дает два термина – push (в переводе с английского – толкать) и pull (в переводе с английского – тянуть), которые обозначают инициаторов рекламного обращения. При создании комплекса мероприятий для молодежи – стратегия «от себя» сосредоточена на молодых людях, которым организаторы предлагают событие. Все традиционные медиа, например, радиоканалы, которые начинают коммуникацию продвижения через различные технологии показа рекламного сообщения, относятся к термину push-медиа.

Во время использования стратегии «втягивания» (стратегии завлечения потребителей) реклама создает устойчивый спрос на товары или услуги у конечных потребителей. При успешной реализации данной стратегии молодежь проявит интерес к событию.

Событийный маркетинг для молодежи в учреждениях культуры имеет свою специфику, т. к. они имеют большое количество направлений и объединяют профессионалов разных специализаций. В целях формирования и поддержки имиджа, лидерских позиций необходимо популяризировать каждое из направлений работы учреждения, а также их совокупность.

«Собственно говоря, педагогическая направленность, т. е. направленность на воспитание человека в процессе приобщения к культуре, отражает сущность современной социально-культурной деятельности... Поскольку воспитательный процесс, осуществляемый в ситуациях социально-культурной деятельности, обладает чертами гуманистичности и культуросообразности, целенаправленности и управляемости и др...» [9]. Таким образом проектируют современную действительность в рамках развития культурного общества.

Одно из наиболее популярных и востребованных направлений в событийном маркетинге – музыкальная культура, которая включает множество музыкальных направлений и произведений, влияющих на эмоциональный, духовный уровень молодых людей. В связи с этим музыкальная индустрия имеет обширный охват молодых людей.

Музыкальная индустрия – динамически развивающаяся сфера, приносящая музыкальным лейблам и дистрибуторам колоссальный доход. Музыкальная индустрия – уникальный актер общекультурного поля, способный объединять молодежную аудиторию на основе новых цифровых форм звукозаписи. Она реконфигурирует культурное пространство, расширяя его границы, создавая новые мифы и стереотипы, воздействуя на

потребителя посредством новых аудиовизуальных каналов. Музыкальная индустрия создаёт коммуникативное пространство, определяемое особенностями функционирования цифрового формата музыки.

Музыкальные потребности, которые формирует индустрия музыки, создают новое восприятие мира, нередко превосходящие другие каналы воздействия на мировоззрение людей. Каждый раз организаторы событийного маркетинга для молодежи стараются использовать новые технические направления в музыке для наибольшего охвата аудитории: песочная анимация под музыку, виртуальная реальность на концертах (с использованием VR-устройства и видеокамеры).

Для эффективного привлечения массовой молодежной аудитории к участию в мероприятиях необходимо сотрудничество творческих организаторов и специалистов связей с общественностью. Это будет способствовать продвижению и популяризации события и правильному выбору наиболее эффективных каналов распространения информации. Для этого PR-специалисты учреждения должны поддерживать контакты как с общетематическими, так и специализированными журналистами, лидерами общественного мнения и т. д.

Компиляция события и связей с общественностью представляет собой не разрозненные кратковременные мероприятия, а постоянную, ежедневную и кропотливую работу, требующую внимания и развития. Основные эффективные организаторские способности руководителей событийного маркетинга для молодежи включают: создание повода для мероприятия, изучение интересов и тенденций молодежи, внедрение их в созданные креативные события, мониторинг и анкетирование фокус-групп, которые дают положительный результат при подготовке и реализации события. В процессе организации событий необходимо взаимодействие с PR-специалистами для продвижения комплекса мероприятий в социальных сетях, что способствует эффективному взаимодействию и максимальному охвату лояльной аудитории. После проведения каждого мероприятия также рекомендуется изучить интерес к реализованному событию, проанализировать эффективность проведенных программ, при необходимости внести корректировку в событийный маркетинг для увеличения охвата молодежной аудитории, объединенной общими идеями, что является ведущим педагогическим условием развития их культурного, нравственного, образовательного уровня в обществе.

Список литературы

1. *Бернейс, Э.* Кристаллизация общественного мнения. Москва : Вильямс, 2016. 272 с.
2. *Григорян Л.* Ядро и виды целевой аудитории. [Электронный ресурс] URL: <https://medium.com/@levogrin/> (дата обращения: 07.10.2022)

3. Кернерман М. В. Развитие художественных умений и навыков молодежи в учреждениях культуры : монография. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2021. 116 с.
4. Лошкарева М. В. Виды целевой аудитории. [Электронный ресурс] URL:https://spravochnick.ru/marketing/vidy_celevoy_auditorii/?ysclid=18xkkp4k8
5. Руднев В. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. Москва : Аграф, 1997.
6. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Ленинград : Искусство, Ленинградское отделение, 1988. 213 с.
7. Социально-культурная деятельность в современном гуманитарном дискурсе. Коллективная монография, Москва, МГИК, 2021. 280 с.
8. Социология молодежи: учебник для вузов / Р. В. Леньков [и др.]; под редакцией Р. В. Ленькова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. 357 с.
9. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».
10. Философия: Энциклопедический словарь. Под редакцией А. А. Ивина. Москва : Гардарики. 2004.
11. Ярошенко Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности. Учебник, Издание осуществлено в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010 гг.)», 2007. 179 с.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ-ХОРЕОГРАФОВ СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО ТАНЦА

УДК 37.035.6 : 378 : 793.3

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-95-102>

Елена Владимировна СМОЛЬЯНИНА,

доцент кафедры современной хореографии,
Московский государственный институт культуры, г. Химки,
Московская область, Российская Федерация, e-mail: esmola75@gmail.com

Сергей Николаевич СМОЛЬЯНИН,

доцент кафедры современной хореографии,
Московский государственный институт культуры, г. Химки,
Московская область, Российская Федерация, e-mail: smola73@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению вопроса патриотического воспитания студентов хореографических факультетов вузов и колледжей культуры, изучающих современную хореографию. В ней поднимаются теоретические вопросы воспитания современного поколения в духе традиций великой русской культуры. Рассматриваются практические приемы для работы со студентами-хореографами, профиль Хореографическое искусство, направление подготовки «Педагогика современного танца», и профиль Народная художественная культура, направление подготовки «Руководитель хореографического коллектива (современный танец)». Авторами проводится параллель между современным российским и зарубежным театрами. В статье рассматриваются различные музыкально-танцевальные формы современной хореографии как средство сохранения русского культурного кода в реалиях прозападной отмены российского исторического наследия. Также в статье содержатся рекомендации по работе с хореографическим произведением современной хореографии на основе летописных источников.

Ключевые слова: патриотизм, современная хореография, культура, танец, студенты, балетмейстер, традиции, театр, постановка, хореографический номер, история, Россия, преемственность, наследие.

Для цитирования: Смольянина Е. В., Смольянин С. Н. Патриотическое воспитание студентов-хореографов средствами современного танца // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 95–102. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-95-102>

PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS-CHOREOGRAPHERS BY MEANS OF MODERN DANCE

Elena V. SMOLYANINA, Associate Professor at the Department of Modern Choreography, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: esmola75@gmail.com

Sergey N. SMOLYANIN, Associate Professor at the Department of Modern Choreography, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: smola73@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the issue of patriotic education of students of choreographic faculties of universities and colleges of culture studying modern choreography. It raises theoretical issues of educating the modern generation in the spirit of the traditions of the great Russian culture. Practical techniques for working with students choreographers profile Choreographic Art direction of training "Pedagogy of modern dance" and profile Folk art culture training profile The head of the choreographic team (modern dance) are considered. The author draws a parallel between modern Russian and foreign theaters. The article examines various musical and dance forms of modern choreography as a means of preserving the Russian cultural code in the realities of the pro-Western cancellation of the Russian historical heritage. The article also contains recommendations for working with a choreographic work of modern choreography based on chronicles sources.

Keywords: patriotism, modern choreography, culture, dance, students, choreographer, traditions, theatre, staging, choreographic number, history, Russia, continuity, heritage.

For citation: Smolyanina E. V., Smolyanin S. N. Patriotic education of students-choreographers by means of modern dance. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 95–102. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-95-102>

Вопрос патриотического воспитания молодежи как никогда остро стоит на повестке дня. В сложившейся политической ситуации назрела потребность в комплексной работе всех структур общества над данной проблемой. Воспитание студентов в рамках любви к своему отечеству становится новой важной задачей наравне с образовательным процессом.

Для понимания проблемы следует отметить, что патриотическое воспитание – это сложный процесс, требующий к себе комплексного подхода. В свете чего необходимо выделить несколько важных составляющих его аспектов.

1. Общая образованность. Знание истории своего народа и его достижения. Не зная своих корней, невозможно идентифицировать себя как часть большого и сильного народа, имеющего богатое и героическое прошлое.

2. Преемственность. Поступательная передача опыта и знаний от одного поколения к другому. Признание себя продолжением славного прошлого и передача этих знаний последующим поколениям.

3. Социальная востребованность. Признание всеми институтами государства необходимости патриотического воспитания молодежи как средства самоопределения и выживания нации.

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты патриотического воспитания студентов вузов и колледжей культуры и искусств отделений современной хореографии.

Ни для кого не секрет, что современная хореография зародилась не так давно. Величайшая танцовщица и балетмейстер Айседора Дункан, отрицая в своем творчестве классические направления хореографии, создала новое течение, которое сейчас принято считать началом рождения современного танца. Айседора Дункан родилась в Америке, но волей случая ее

судьба неотрывно связана с Россией. В 1904 году она впервые выступает в России, и именно в России она знакомится со своим будущим мужем С. Есениным. Глядя на эти события, не перестаешь удивляться капризам судьбы. Вдумайтесь только – американская танцовщица и великий русский поэт. Не это ли пример лучшего творческого сотрудничества, которое только может быть в мире искусства.

В наше время современный танец претерпел значительные изменения. Из увеселительного направления искусства, призванного развлекать и шокировать, он стал глубокомысленным и непредсказуемым. Балетмейстерам потребовалось почти полвека, чтобы понять всю полноту и мощь возможностей современной хореографии. Сейчас уже никого не удивишь ни философскими идеями, ни диалектическими подходами, ни глубочайшей мировоззренческой позицией, воплощенными на сценических площадках в современной хореографии. Она имеет большой круг почитателей и завоевала зрительское признание. Поэтому именно современная хореография имеет все возможности для наиболее полного и глубокого проникновения в сердца и ума зрителей.

На занятиях по предмету «Композиция и постановка танца» студенты-хореографы приобретают теоретические и практические навыки постановки хореографических номеров. Работа по их патриотическому воспитанию начинается ещё до начала постановки хореографического номера. Находясь в тесном контакте с другими видами искусства, современная хореография вбирает в себя все лучшее, что есть в русской национально-традиции. И здесь нельзя преуменьшать роли педагога. Именно в его власти направить внимание студентов в нужное русло и обратить его к творчеству российских деятелей искусства: композиторов, писателей, живописцев... Попробуем погрузиться в эту проблему на примере работы одного из курсов над постановкой балета Андрей Рублев. Показ спектакля прошёл на сцене учебно-творческого центра Московского государственного института культуры, был тепло принят зрителями и высоко оценён членами экзаменационные комиссии.

Нужно отметить, что фигура иконописца Андрея Рублева является плохо изученной. И это неудивительно, ведь времена, когда он жил, нельзя назвать эпохой Просвещения. Россия переживала времена многочисленных набегов кочевников и междоусобных войн. Грамоте крестьян никто не обучал, читать и писать могли только монахи и представители высшего сословия. Исторические события записывали на берестяных свитках. Основные очаги культуры находились в монастырях и обителях православных церквей. Поэтому вся информация об Рублеве сохранилась в церковных записях и являет собой обрывочные сведения о его жизни и творчестве. Несмотря на это, творческое наследие, оставленное иконописцем, просто колоссально. Тем интереснее оказалась работа по сбору информации для

студентов. Для того, чтобы приступить к написанию либретто, пришлось погрузиться в исторические записи и досконально их изучить. Время, проведённое в читальном зале библиотеки, помогло студентам погрузиться в эпоху Древней Руси, изучить нравы и обычаи людей, проникнуться духом эпохи. Открывая для себя подробности жизни русичей, студенты смогли более тщательно персонифицировать героев будущего балета. Наделить их личностными чертами характера, стилизовать лексический материал под конкретную эпоху.

Вторым этапом работы над балетом стала работа над подбором музыкального материала. Это было ещё сложнее сделать, так как не сохранилось никаких музыкальных произведений в нотной записи. Одним из мероприятий по разработке музыки стало посещение группой краеведческого музея г. Москвы. В нем представлена широкая коллекция инструментов, найденных археологами на раскопках древнего Кремля. Отдельно нужно отметить работу реконструкторов, которые восстанавливают и сохраняют древние инструменты. Благодаря их усилиям можно услышать, как звучала Древняя Русь. Современные композиторы часто обращаются к истокам. Ознакомившись с образцами древних инструментов и услышав их оригинальное звучание, будущие балетмейстеры смогли составить плейлист будущего балетного спектакля. Интересной оказалась и работа по изучению прикладного творчества народов России.

Мы не просто так подробно останавливаемся на этапах работы над спектаклем «Андрей Рублев». Дело в том, что первоначально идея взять за основу выпускного спектакля жизнь и творчество древнерусского иконописца не вызвала у студентов восторга. Современная хореография пестрит иностранными именами зарубежных танцовщиков и импортных балетмейстеров. Мы заучиваем наизусть основателей основных техник модерна: Х. Лимон, М. Грехем, М. Канингем, Л. Хортон – как видите, ни одного русского имени. И такая же закономерность прослеживается во всех других направлениях современной хореографии. В этом нет ничего удивительного, ведь исторически сложилось так, что из-за изоляции страны и длящихся годами санкций развитие современной хореографии в Советском союзе было естественным образом заторможено. Русская культура существовала долгое время обособлено, и поэтому сложилось мнение, что современная хореография и российское танцевальное искусство несовместимы. Но чем больше мы со студентами изучали культуру, нравы и традиции Древней Руси, тем больше было понятно, насколько современная хореография близка её духу, как много схожего в этих двух разделённых веками явлениях общего: Древняя Русь и её вольнодумные города с вечерними сборами и зачатками древней демократии и органика современной хореографии, естественная потребность в правдивости буквально во всем – и нравах, и обычаях, и образе жизни, с одной стороны,

и практически полном отсутствии постулатов и свободы самовыражения с другой стороны. Все это естественным образом слилось в единую картину, поражающую своей гармонией и полнотой.

Проведя творческий анализ собранного материала, приняли решение выбрать за основу хореографического текста стилизованный народный танец и модерн. Диффузия двух данных стилей создала основу для рождения оригинального хореографического текста балетного спектакля.

Первый акт спектакля был посвящен жизни А. Рублева в миру. Здесь можно увидеть различные деревенские сцены, бытовые и обрядовые танцы русского народа в стилизованной обработке. В разработке первого акта было принято решение отталкиваться от региональных особенностей русского народного танца Москвы и Московской области. Сначала чрезвычайно важно было освоить азбуку народно-сценического танца. Имеется в виду техника исполнения танцевальных элементов. Для того, чтобы переработать народную хореографию и пропустить ее сквозь призму современного танца, требовалось досконально изучить сам образчик. Познать логику построения движений. Их соединения между собой и традиционные формы. Научиться связывать народные танцевальные элементы и выражать с их помощью идею хореографического произведения. Особое внимание было отведено изучению рисунка русского народного танца и способам его применения на сценической площадке. Рисунок русского фольклорного танца всегда несет в себе глубочайшую образность. Он связан с сознанием народа и его мировоззрением. Возьмем, к примеру, круг. Его историзм имеет глубочайшие корни. Это образ солнца, дарящего свет и тепло всему живущему на земле. Но это еще и круг жизни, череда рождения и смерти. Символ преемственности традиций, опыта и памяти народа. Как бы ни была долга зима, наступит момент, и придет весна. Тепло обогреет землю и растопит снега. Побегут ручьи, и земля проснется. Так же происходит и с людьми: после черной полосы всегда наступает светлая. Круг как символ является сакральным для славян, он имеет особенное значение. Именно поэтому он чаще всего применяется как в танцевальной культуре, так и прикладном мастерстве, и в художественном творчестве русского народа.

Второй акт полностью посвящен творческой деятельности иконописца. Его попыткам самореализоваться, найти свое место в искусстве. По одному из сохранившихся исторических источников, есть версия, что свою фамилию Рублев получил потому, что еще мальчиком его продали в монастырь за рубль. Надо отметить, что детей продавали в монастыри и церкви не от того, что хотели от них избавиться, а как раз наоборот. Церковь была местом средоточия знаний. Если ребенок попадал туда, это было гарантией получения образования. Детей кормили и одевали за счет обители, и это было неслыханной удачей в те времена. Отдать ребенка в церковь

означало обеспечить ему хорошее будущее. Маленький Андрей проявил в себе задатки иконописца, и это было развито и востребовано в монастыре.

Церковная жизнь полна установок, догм и правил, изучение которых помогает понять течение жизни послушников и монахов того времени. Монастыри были не только центром духовной жизни, но и вели активную экономическую политику. Трудники заготавливали пушнину и вели подсобное хозяйство. Также часто имелось большое гончарное производство. Внутри монастыря производилось все, что было необходимо для жизни, а излишки продавались мирянам. Таким образом закрытая жизнь монастырской обители становилась известна крестьянам, проживающим вокруг.

Духовные переживания героя становятся благотворной почвой для работы над второй частью спектакля. Он ищет себя и Бога в себе. Пытается достучаться до ему одному известных небес. Известен такой факт, что послушники и монахи часто подвергаются накладыванию определенных ограничений в своем образе жизни, это называется «епитимья». Например, лишают себя пищи или подвергаются добровольному затворничеству. Это делается для того, чтобы усмирить плоть и разум в безумстве погони за наслаждениями мира. Во второй части спектакля Андрей Рублев удаляется в келью (художественный вымысел). Здесь он проводит время в молитвах и посте. Но он не остается одинок, так как его воображение рисует ему все новые и новые картины. Он много работает и, оставаясь в одиночестве, полностью погружается в творчество. Им руководит только вдохновение и вера в Бога.

Одним из приемов художественной выразительности во второй части спектакля был применен белый кабинет – олицетворение чистоты помыслов великого художника. В выборе белого цвета прослеживается глубочайший символизм. Это, прежде всего, стены кельи – их белили и поддерживали в чистоте. Аскетичность обстановки помогает зрителю все внимание сосредоточить на мыслях и переживаниях героя. Современная хореография помогает обнажить его чувства, выразить в движениях и позах борьбу разума и поиск себя. В келью то и дело входят образы встречавшихся когда-то Андрею людей. Он переосмысливает их поступки и снова и снова переживает события своей жизни. Борьба, происходящая внутри иконописца, приводит его к глубокому пониманию места Бога в судьбе людей. Его судьбе. Он примиряется сам с собой и находит покой в молитвах. В момент примирения на него снисходит вдохновение. Как апофеоз всего спектакля, на белом заднике прорисовывается икона святой Троицы. Появление иконы сопровождается праздничным звоном колоколов. Образ Святой Троицы является средоточием православных мировоззренческих позиций. Троица Андрея Рублева является образцом культурного наследия русского народа и является объединяющим символом православной веры.

Очень интересным оказалось применение современной хореографии в решении творческих задач, поставленных в спектакле. Основным хореографическим стилем здесь стал контемпорари. Именно его возможности дали толчок для поиска лексических составляющих всего второго акта. Внутренний поиск героя отразился в характерных позах и движениях, свободном использовании различных плоскостей. Расслабление и напряжение определенных групп мышц, а также движения от центра корпуса помогли найти специфические положения рук и головы. Использование спиральных вращений и падения в партер добавили лексике героя свободы, выразительности и позволили добиться специфической пластики.

За основу работы над драматургией спектакля была принята система Станиславского. Именно ее принципы легли в основу проработки сцен народной жизни. Главная задача – правдивость и органичность. Знание подробностей и характерных нюансов сельской жизни добавили хореографическому спектаклю достоверности. Основная направленность сценической деятельности по системе Станиславского – оправданность и достоверность происходящих на сцене событий – отлично сочетается с основными аксиомами современного танца. Дополняя взаимно друг друга, они создают симбиоз изобразительности и органичности на сценической площадке. Уходя от надуманности и вычурности, современная хореография как нельзя лучше выражает переживания и чувства. Естественным образом передает их зрителю.

Таким образом, в работе над спектаклем ясно прослеживаются следующие аспекты патриотического воспитания студентов:

1. Повышение уровня образованности (посещение музеев, изучение исторических фактов, образцов культурного наследия). Многие из студентов до работы над спектаклем затруднялись идентифицировать фигуру А. Рублева. Знакомство с его творчеством помогло им окунуться в историю государства, понять причинно-следственные связи происходивших в те времена исторических событий. Наполниться гордостью за достижения простых людей того времени. Понять и оценить роль Русской православной церкви в истории государства Российского.

2. Показ спектакля Андрей Рублев состоялся на сцене Московского государственного института культуры, на его премьеру были приглашены студенты хореографического факультета, а также школьники старших классов общеобразовательных школ. По просьбе преподавателей спектакль был сыгран еще несколько раз, так как вызвал живой интерес со стороны учащихся.

Положительный пример использования исторических фактов жизни и деятельности неординарного иконописца можно считать прекрасным примером патриотического воспитания студентов-хореографов. Использование современных стилей и направлений хореографии сыграло иннова-

ционную роль в подходах к достижению поставленной цели. Позволило более основательно подойти к вопросу решения поставленных творческих задач. А для студентов и зрителей явилось толчком к изучению истории и традиций государства Российского.

Работа над спектаклем «Андрей Рублев» являет собой совокупность множества факторов по патриотическому воспитанию молодежи. Она является примером взаимодействия нескольких видов искусств и позволяет донести до студентов глубину и значимость понятия национальной самоидентификации. На примере великой личности рассказать о важных вехах развития родной страны. Применение современных стилей и направлений хореографии играет важную роль в процессе популяризации истории родины и повышает уровень понятности происходящих событий. Все вышперечисленное позволяет говорить о положительном опыте работы со студентами-хореографами по вопросу патриотического воспитания молодежи на примере постановки балета «Андрей Рублев».

Список литературы

1. *Баранов Н. А.* Патриотизм в системе общероссийских ценностей / Материалы межвузовской научной конференции 10 декабря 2002 г. Санкт-Петербург : БГТУ, 2003. С. 50–53.
2. *Бим-Бад, Б. М.* Педагогический энциклопедический словарь. Москва. Большая Российская энциклопедия, 2003.
3. *Вырщиков, А. Н., Кусмарцев, М. Б.* Служение Отечеству как смысл российского патриотизма. Научно-популярное издание. Волгоград : НП ИПД «Авторское перо», 2005. 119 с.
4. *Вырщиков, А. Н., Кусмарцев, М. Б.* Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Монография. Волгоград : НП ИПД «Авторское перо», 2006.
5. *Голейзовский, К. Я.* Образы русской народной хореографии. Москва : Искусство, 1964. 364 с.
6. *Иванова, С. Ю., Лутовинов, В. И.* Современный российский патриотизм. Ростов-на-Дону. ЮНЦ РАН, 2008.
7. *Кива, А.* Национальная идея – обруч нации. Москва : Ориентир, 1996. № 12. С. 32.
8. *Кольцова, В. А., Соснин, В. А.* Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе. Психологический журнал. 2005. № 4. С. 89–97.
9. *Конорова, Е.* Эстетическое воспитание средствами хореографического искусства. Москва : Просвещение, 2000. 60 с.
10. *Лутовинов, В. И.* Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления. *Studia Humanitatis*. 2013. № 2. 27 с.
11. *Нестеров, Ф.* Связь времен. Москва : Молодая Гвардия. 1987. 239 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ-ХОРЕОГРАФОВ В ВУЗАХ КАЗАХСТАНА

УДК 378:793

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-103-112>

Наталья Федоровна СПИНЖАР,

кандидат педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Московская область, Российская Федерация, e-mail: spinjar@mail.ru

Толкын Магзумовна АМРЕЕВА,

старший преподаватель кафедры хореографии и культурно-досуговой работы, Западно-Казахстанский университет имени Махамбета Утемисова; аспирант кафедры психологии и педагогики, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Московская область, Российская Федерация, e-mail: tolkin-80@mail.ru

Аннотация: Формирование профессиональных компетенций будущих специалистов хореографии рассматривается в контексте приоритета национальных традиций и этнокультурного содержания в программах обучения народным казахским танцам. Проблема формирования этнокультурной компетентности студентов исследуется автором в связи с результатами деятельности университетов Казахстана как ведущих площадок изучения, сохранения и развития этнокультурного хореографического знания и как новое научное направление развития национальной танцевальной культуры, способное решить задачи профессиональной подготовки специалистов, владеющих соответствующими компетенциями.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, казахский традиционный танец, этнокультурные компетенции, социально-культурная интеграция, этническое знание, народные танцевальные традиции.

Для цитирования: Спинжар Н. Ф., Амреева Т. М. Формирование этнокультурных компетенций у студентов-хореографов в вузах Казахстана // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 103–112. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-103-112>

FORMATION OF ETHNO-CULTURAL COMPETENCIES AMONG STUDENTS OF CHOREOGRAPHERS IN UNIVERSITIES OF KAZAKHSTAN

Natalia F. SPINZHAR, CSc in Pedagogy, Professor at the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: spinjar@mail.ru

Tolkyn M. AMREEVA, Senior lecturer at the Department of Choreography and Cultural and Leisure Work, Makhambet Utemisov West Kazakhstan University; Postgraduate student at the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: tolkin-80@mail.ru

Abstract: The formation of professional competencies of future choreography specialists is considered in the context of the priority of national traditions and ethno-cultural content in the training programs of Kazakh folk dances. The problem of the formation of ethno-cultural competence of students is investigated by the author in connection with the results of the activities of universities of Kazakhstan as the leading platforms for the study, preservation and development of ethno-cultural choreographic knowledge and as a new scientific direction of the development of national dance culture, capable of solving the tasks of professional training of specialists with relevant competencies.

Keywords: competencies, competence, Kazakh dance, ethno-cultural competencies, socio-cultural integration, ethnic knowledge, folk dance traditions.

For citation: Spinzhar N. F., Amreeva T. M. Formation of ethno-cultural competencies among students of choreographers in universities of Kazakhstan. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 103–112. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-103-112>

Система образования в Республике Казахстан, с одной стороны, ориентирована на интеграцию в мировое сообщество, а с другой – на сохранение разнообразия различных взаимосвязанных культур и традиций внутри страны. В таких условиях базовые принципы высшего образования в области культуры должны подтвердить идею, что современные педагогические реалии требуют учета традиционной хореографии как действенного фактора этнокультуры в многонациональном государстве.

В Казахстане практика подготовки студентов хореографического профиля осуществляется на базе университетов. Однако на сегодняшний день остро стоят вопросы о содержании этнокультурных компетенций и путях их формирования в процессе изучения народных танцев студентами в вузах Казахстана. Вузы не обеспечивают потребности практики в специалистах, на сегодняшний день ощущается недостаток хореографов, владеющих в комплексе знаниями в области этнокультуры и танцевального фольклора, способностями научного осмысления этнографического материала и умеющих обучать исполнению подлинных фольклорных танцев в традиционной манере. Следует отметить, что в образовательной практике большое внимание уделяется исполнительской технике в процессе обучения студентов народным танцам, и недостаточное внимание – этнокультурному содержанию.

Этнокультурная компетентность (англ. ethno-cultural competence) – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию. Этнокультурные компетенции представляются как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для развития личностных качеств, способствующих успешной работе в профессиональной хореографической деятельности.

Народный казахский танец в специальной литературе и диссертационных исследованиях рассматривается с позиций различных областей знания как развивающийся феномен национальной культуры – в культурологическом, педагогическом, искусствоведческом, историко-культурном и этнокультурном и других аспектах. Вместе с тем научная разработка проблемы формирования этнокультурной компетенции в процессе освоения студентами учебных программ традиционных казахских танцев, как самостоятельное направление исследований, имеет недолгую историю. Первые научные и научно-практические исследования в этом направлении были вызваны потребностями практики и получили своё распространение ближе к середине 2010-х годов.

До этого периода, во второй половине 90-х годов XX века, проблемы сохранения и развития казахских народных танцев рассматривались специалистами науки и практики в контексте эстетического воспитания, а также как феномен народной художественной культуры и исполнительского искусства. Предметом внимания исследователей стали многие направления, в том числе – систематизация практического опыта, выявление места традиционного народного искусства в системе подготовки кадров, а также проблемы историко-культурного казахского танцевального наследия (А. М. Есенгалиева, У. Д. Джанибеков, А. Н. Кошербаева, Г. Ю. Сайтова и др.).

Эта тематика получила глубокое осмысление и основана на широком круге трудов российских и казахстанских ученых. Среди них преимущественное большинство составляют представители специализированных подразделений, лабораторий и кафедр высших учебных заведений. Они на рубеже 2000–2010-х годов создавали основу исследуемой нами проблемы, касались её научно-методологического обеспечения – выявления роли и значения казахских народных танцев в системе этно-художественного образования, разработки их видо-жанровых классификаций. Задача сохранения и дальнейшего развития этнокультурного наследия приобрела всё более значимый научный интерес, вследствие чего возникла необходимость и начат процесс выработки образовательных технологий, в том числе авторских методических разработок и технологий преподавания казахского народного танцевального искусства в казахстанских вузах по направлениям искусства и культуры.

Среди ряда наиболее ранних и заметных публикаций этого времени отметим диссертационное исследование А. А. Жолтаевой: «Традиционный казахский танец в системе этно-художественного образования» (1997 г.), в котором автор анализирует и оценивает процесс профессионального обучения студентов в казахстанских вузах как будущих преподавателей народных танцев в контексте непрерывности и преемственности этно-художественного образования [2].

Не утратили своего методологического и практического значения исследования, которые касаются развития и современного толкования истоков возникновения танцевального искусства казахского народа. Это подтверждают, например, публикации Б. Д. Тургумбаевой, А. Б. Шанкибаевой (2020 г.), Г. Т. Жумасеитовой (2014 г.) [3], Т. В. Поштаревой [10]. Авторы трактуют историю казахского танца как символ национальной культуры и важный компонент национального самосознания. Но, с их точки зрения, национальные танцы не могут оставаться неизменными, а развитие народных танцев не должно ограничиваться описанием техники исполнения и сюжетов того опыта, что «увидели у народа». Содержание народных обычаев и традиций рассматривается ими как основное этнокультурное начало традиционной танцевальной культуры.

Динамику качественного развития специальной подготовки хореографов в вузах Казахстана можно проследить в серии многочисленных – более чем сорока – публикаций А. К. Кульбековой. Автор ярко выделяется на фоне многочисленных этнологических, исторических, искусствоведческих исследований, посвящённых анализу особенностей традиционной художественной культуры казахского народа и лишь косвенно отражающих интересующую нас тему. Выделяется именно тем, что профессиональную подготовку хореографов рассматривает как систему взаимосвязи многих элементов, объективных и субъективных факторов [6]. В исследованиях А. К. Кульбековой выделяются публикации, посвящённые вопросам формирования личности педагога-хореографа на духовно-нравственных ценностях народного танца [7, 8]. В них традиционное танцевальное искусство казахов оценивается как важнейший фактор формирования в учебно-творческом процессе национального характера и менталитета, а исполнительское мастерство и содержательные аспекты народного казахского танца представлены в тесной внутренней взаимосвязи и взаимозависимости друг от друга.

С другой стороны, традиционное народное танцевальное искусство не замыкается только в своих узких рамках, а сочетается со многими видами искусства и творчества. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Г. Т. Жумасеитовой о синтезе искусств, высказанным в отношении национального изобразительного, музыкального и театрального искусства. По словам автора, в настоящее время исследователи рассматривают искусство в совокупности разных констант, и в них трудно обнаружить «традиционное искусство в чистом виде», так как происходит «сближение различных художественных тенденций, синтез и обогащение различных культур» [3].

Казахский народный танец отличается глубиной содержания, обилием художественных образов, богатством многогранной сложной танцевальной лексики и многовековой историей развития. Традиционно казахский

танец строился на импровизации и подражании. Так, например, танцор в танце «Черный иноходец» живой и забавной импровизацией изображает мчащуюся по дикой степи лошадь. Почитаемый казахами беркут стал героем народного танца, в котором танцор должен изобразить свободное парение беркута. Знаменитое плечевое движение, исполняемое в танце «Каражорга», являющее зрителю имитацию гарцующего рысака, танец медведей с характерной походкой и танец глухаря с «распусканием крыльев» – всё это плод самобытной танцевальной культуры. Их никто этому не учил в привычном для нас сегодня смысле, не руководил их постановками.

Как отмечают многие исследователи, казахи не имели специальной танцевальной школы, всё шло от сердца и, вместе с этим, была свобода творчества и проявления своих внутренних чувств через танец. Обрядовые, трудовые, календарные, состязательные и сатирические танцы, в которых поощрялись эксперименты исполнителей, в то же время не теряли национального колорита и очарования. Особенно, если говорить о национальном фольклорном танце, то он сохранил строгий канон, выдерживая и костюм, и стиль, и музыку. Казахский стиль был и остаётся особенным и своеобразным – он тонко передал природу женской танцевальной пластики, которой присуща скромность наряду с кокетством и элегантностью, строгостью и роскошью.

У народов Казахстана сильнее всего было развито устное творчество, они экспромтом воспевали природу, события, но при этом свои внутренние качества, свой характер традиционно проявляли через танец. Духовные идеалы, социальная и этническая принадлежность кочевника были естественным выражением его характера в естественной среде обитания. Нами получен от предков уникальный, накапливаемый столетиями народный танцевальный фольклор, а также большой опыт его осмысления известными специалистами по народному танцу.

В этом аспекте нельзя не отметить вклад в развитие лексики, художественно-образного содержания, в архитектуру этнической хореографии таких известных деятелей казахской национальной культуры и науки, как Д. Т. Абилов, О. В. Голушкевич-Всеволодская, У. Д. Джанибекова, Ш. Б. Жиенкулова, А. К. Кульбекова, Л. П. Сарынов и многих других.

На такой богатейшей и перспективной основе в Казахстане создана сеть площадок развития на базах профильных музейных комплексов, историко-культурных центров, профессиональных и любительских фольклорных и этнографических ансамблей. При Казахской национальной академии хореографии начала действовать научно-методическая лаборатория казахского национального танца, призванная продвигаться к целям интеграции образования и науки в области культуры и искусства, содействовать целям становления и развития научных школ казахского танца.

Эти центры, как видно из обозначенных ими приоритетов, учитывая рост национального самосознания казахского народа, его исторические интересы и требования, осуществляют разнообразную по своим формам и содержанию работу по приобщению населения, в особенности молодёжи, к традициям этнической культуры народов страны. В этом направлении у балетмейстеров возникает задача совместить хореографию с народными элементами, привести что-то новое в бережно сохранённые разнообразные жизненные сюжеты, представленные для осмысления современными специалистами-постановщиками и исполнителями. Это задача представить традиционные темы в новых образах, раскрывающих особенности восприятия казахами окружающего мира, образ жизни отдельных народностей, племён и этнических групп, их памятные события, природные и трудовые процессы, характеры и их поступки людей.

Необходимо установить баланс между теоретической подготовкой студента, касающейся усвоения информации о национальных обычаях и традициях, и его владением специфической танцевальной техникой исполнения народных казахских танцев. Но практика показывает, что искомого баланса не удаётся достигнуть, и учебный процесс вольно или невольно концентрируется на исполнительской стороне народных танцев, оставляя вопрос этнокультурного знания на втором плане. Иными словами, этнокультурная составляющая такого знания не опирается на адекватные, научно-обоснованные подходы, которые учитывали бы особенности традиционного казахского искусства во всём их многообразии. В этом направлении научные этнокультурные исследования народной хореографии находятся в первоначальной стадии, а обращение к проблемам овладения студентами этнокультурными компетенциями требует, на наш взгляд, совершенствования разработки их (компетенций) содержательной основы.

Эти утверждения в определённой мере подтверждают и иллюстрируют результаты наших включённых наблюдений в процессе изучения студентами цикла дисциплин, посвящённых народным казахским танцам, а также – анализ мнений студентов, высказанных ими в ходе проведённого нами анкетного опроса. На вопросы анкеты, посвящённой проблемам качества освоения учебных программ казахских национальных танцев, в течение первой половины 2022-2023 учебного года ответили студенты-бакалавры, обучающиеся специальности «Хореография» в Западно-Казахстанском университете имени Махамбета Утемисова. Свои ответы предоставили 32 студента первого, второго и третьего курсов, которые изучают казахские народные танцы в рамках нескольких специальных дисциплин.

В данной статье мы коснёмся лишь некоторых результатов полученной информации. В частности, отметим, что в целом студенты оценива-

ют современные постановки казахских народно-сценических танцев как соответствующие национальным традициям и способные их сохранять и развивать, – 47 %. Но с тем, что современные хореографы-постановщики демонстрируют высокий уровень знания региональных особенностей народного танца и не требуют какого-либо дополнительного этнокультурного обучения, согласились только 26 % опрошенных. А 19 % из числа студентов старших курсов отметили эклектичность постановок, когда смешиваются традиции, фигуры, приемы, проявляется дефицит знания регионального культурного наследия. Первокурсники такой оценки не дали.

Вызывают интерес ответы на просьбу назвать основные особенности региона (местности), основываясь на которых хореограф может создать абсолютно оригинальный с этнокультурных позиций, аутентичный танцевальный номер. В пятёрку выведенного студентами «рейтинга» вошли:

- народное творчество, 19 %;
- костюмы, 19 %;
- народные промыслы, 17 %;
- черты характера, 17 %;
- традиции, 12 %.

Не нашли своего упоминания такие факторы, как правила общежития, род занятий, ритуалы, предания, семейные взаимоотношения, мифы и сказания, фольклор, климатические условия. Вместе с тем, это те особенности, на которые в ряде исследований, описаний и рекомендаций авторами обоснованно делается упор как на ведущие факторы, формирующие аутентичность танца.

С утверждением, что абсолютно каждый народный танец должен нести информацию, иметь свой смысл, значимый для понимания культуры данной конкретной местности, полностью согласились 75 % опрашиваемых студентов, 25 % согласились с этим утверждением частично. Но, вместе с тем, главным признаком аутентичности, показателем подлинности казахского национального танца они считают «устойчивые традиции движений». Такой выбор из предложенных 24 вариантов сделали 25 % студентов.

Приведённые примеры не должны рассматриваться как репрезентативные, однако иллюстрируют то, что развитие учебного процесса идёт в сторону техники исполнения. Особенно это заметно, если предметно обратиться к содержательной основе танцев. По мнению 52 % студентов, национальные этнические традиции, обряды и обычаи в известных им сценических постановках казахских народных танцев отражены путём внешней, формальной и обобщённой трактовки содержания этнокультурных традиций.

Видо-жанровая структура казахских танцев рассматривалась во множестве публикаций и представляет собой довольно пёструю картину,

которая не передаёт всего многообразия и полноты национального танцевального наследия. Изучение специальных источников, учебных программ специальных дисциплин и различных подходов к систематизации и классификации народных танцев позволяет нам обозначить вопрос классификации в качестве постановки проблемы, которую следует решать объединёнными усилиями специалистов в областях народной хореографии, истории и педагогики, искусствоведения, этнологии и этнографии. Для хореографической педагогики этот вопрос особенно важен, поскольку напрямую связан с систематизацией процесса обучения студентов, дифференциацией содержания рабочих программ учебных дисциплин и в итоге – с повышением качества образования. Чтобы эта идея стала возможной, специалисту необходимо иметь материалы, содержащие качественные описания танцев, а также профессиональные умения обращаться с ними.

Систематизирующими признаками классификации, по нашему мнению, могут стать те или иные этапы исторического развития, значимость отражаемых событий и явлений, объединяющие элементы содержания, такие как сюжет, смысл, символика, атрибутика. Основаниями классификации могут быть также жанрово-стилевые особенности танца, средства художественно-образного выражения, например, основные позиции и движения, способы перемещения исполнителей, количественные характеристики (массовые, одиночные, парные) и др. Эта задача не из лёгких уже хотя бы потому, что ослабление внимания к содержанию восполняется другими элементами-заменителями. Так, например, наметившаяся в народно-сценической практике тенденция орнаментальности не может быть самоцелью в развитии национальной танцевальной культуры. Это увлечение рано или поздно приведёт к унификации, сглаживанию и упрощению танцевального искусства, утрате его этнической основы. Поэтому дальнейшее развитие должно происходить, на наш взгляд, по линии глубины сопряжения исполнительской техники с ментальными чертами национального характера, осмысленной опорой на социально-культурную среду казахского народа.

Таким образом, формирование этнокультурных компетенций является важным условием профессиональной подготовки студентов хореографического профиля в вузах Казахстана, что влияет на качество приобретенных этнокультурных знаний, понимание природы и особенностей казахского национального танца, овладение основами профессионального мастерства и дать возможность воплощать на сцене подлинные образцы народной хореографии.

Список литературы

1. *Абиров Д. Т.* История казахского танца: Учебное пособие. Алматы : Санат, 2017. 160 с.
2. *Жолтаева А. А.* Традиционный казахский танец в системе этно-художественного образования: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.05. Москва, 1997. 248 с.
3. *Жумасеитова Г. Т.* Основные аспекты развития искусствоведения Казахстана / Г. Т. Жумасеитова. Текст: электронный // Газета.ru: [сайт]. 2018. 2 февр. URL: rusnauka.com...NPN_2013/Philosophia...138791.doc.htm (дата обращения: 19.11.2022).
4. *Зимняя И. А.* Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2–10.
5. *Клыкова Л. А.* Развитие художественно-эстетической компетенции студентов хореографических специальностей: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08. Челябинск, 2009. 212 с.
6. *Кульбекова, А. К.* Формирование профессионального мастерства хореографов в вузах и учреждениях культуры и искусств в Республике Казахстан: диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.05. Москва, 2009. 455 с.
7. *Кульбекова А. К.* Содержательные аспекты казахского народного танца // Вестник МГУКИ. 2008. № 3 (19). С. 253–257.
8. *Кульбекова А. К.* Педагогические задачи формирования профессионального мастерства у будущих специалистов по казахскому народному танцу в системе профессионального образования // Материалы республиканской научно-практической конференции, посв. 90-летию со дня рождения П. И. Токарева. Уральск : Изд.центр и СМИ ЗКГУ им. М. Утемисова, 2007. С. 54–56.
9. *Морозов И. А.* Этнокультурная компетентность и стандарты общего образования второго поколения / И. А. Морозов. Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2011 г.). Уфа : Лето, 2011. С. 49–52.
10. *Поштарева, Т. В.* Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде образования: Специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» автореф. диссертация ... доктора педагогических наук. Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2009. 40 с.
11. *Радченко, И. В.* Формирование этнокультурных компетенций студенческой молодёжи средствами хореографического искусства: специальность 13.00.05. Теория, методика и организация социально-культурной деятель-

ности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Тамбов, 2012. 27 с.

12. Спинжар Н. Ф. Педагогика в профессиональной подготовке хореографов: уч. пос. Москва : МГИК, 2014. 176 с.
13. Тургумбаева Б. Д., Шанкибаева А. Б. Возникновение и развитие казахской традиционной танцевальной культуры // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2020. № 2 (217). С. 217–225. URL:vestnik.kazmkpu.kz/jour/article/view/381 (дата обращения: 05.12.2022).

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНФОРМАЦИОННО- БИБЛИОТЕЧНОГО ПРОФИЛЯ В ВУЗЕ

УДК 37

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-113-127>

Татьяна Витальевна ХРИСТИДИС,

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и психологии, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Московская область, Российская Федерация, e-mail: tahris@mail.ru

Мадина Газизовна ЖАРДЕМОВА,

старший преподаватель кафедры хореографии и культурно-досуговой работы, Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова, г. Уральск, Республика Казахстан, e-mail: mmukanova@mail.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена этапом стремительных трансформационных процессов технологических и социальных условий, что создает в образовательном пространстве необходимость коррекции организации программы обучения библиотечных специалистов. Формируются новые требования к практической деятельности библиотекарей. Для реализации концептуальных задач профессионального образования важным компонентом выступают психолого-педагогические условия подготовки квалифицированных кадров, что предполагает использование в образовательном процессе современных подходов в обучении с применением инновационных форм, методов и средств. В статье представлены результаты, отражающие проблему подготовки библиотекарей к профессиональной деятельности в современной цифровой среде, а также пути эффективной организации учебного процесса в контексте формирования информационно-коммуникационных компетенций студентов в высшей школе. Представлены результаты внедрения и интегрирования в учебный процесс инновационных педагогических подходов обучения, эффективных образовательных концепций и программ в условиях высшего профессионального образования Казахстана.

Ключевые слова: библиотекарь, профессиональная подготовка, личность, профессиональные компетенции, педагогические условия, информационно-коммуникационные технологии, Казахстан.

Для цитирования: Христидис Т. В., Жардемова М. Г. Психолого-педагогические условия профессиональной подготовки специалистов информационно-библиотечного профиля в вузе // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 113–127. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-113-127>

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCIES OF FUTURE LIBRARIANS

Tatiana V. KHRISTIDIS, DSc in Pedagogy, Professor, Head at the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation, e-mail: tahris@mail.ru

Madina G. ZHARDEMOVA, Senior Lecturer at the Department of Choreography and Cultural and Leisure Work, Makhambet Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: mmukanova@mail.ru

Abstract: The relevance of the research is due to the stage of rapid transformation processes of technological and social conditions, which creates in the educational space the need to correct the organization of the training program of library specialists. New requirements for the practical activities of librarians are being formed. For the realization of the conceptual tasks of vocational education, an important component is the psychological and pedagogical conditions for the training of qualified personnel, which implies the use of modern approaches in teaching in the educational process using innovative forms, methods and means. The article presents the results reflecting the problem of training librarians for professional activity in the modern digital environment, as well as ways to effectively organize the educational process in the context of the formation of information and communication competencies of students in higher education. The results of implementation and integration into the educational process are presented innovative pedagogical approaches to teaching, effective educational concepts and programs in the conditions of higher professional education in Kazakhstan.

Keywords: librarian, professional training, personality, professional competencies, pedagogical conditions, information and communication technologies, Kazakhstan.

For citation: Khristidis T. V., Zhardemova M. G. Psychological and pedagogical conditions for the formation of information and communication competencies of future librarians. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 113–127. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-113-127>

На сегодняшний день подготовка будущих специалистов библиотечного дела является одним из приоритетных направлений в контексте развития социокультурного пространства, где библиотека рассматривается как полифункциональный информационный центр, который способен обеспечить широкий доступ к знаниям в удобном формате для каждого члена общества, что подразумевает формирование информационной культуры социума, создание фундаментального интереса к чтению и получению новых знаний.

Однако актуализация библиотечного дела как инструмента формирования культурного общества является противоречивой с учетом медленной трансформации образовательного процесса в контексте подготовки специалистов информационно-библиотечных специальностей, что значительно отдалается от требований реальности. При этом наибольшие трудности вызывает именно формирование навыков, умений и знаний в применении современных носителей информации, взаимодействии с новой техниче-

кой базой на пути формировании профессиональных компетенций специалиста и его профессионализма в целом.

Потребности современного социума актуализируют тенденцию модернизации библиотечных учреждений и рассматриваются в рамках академических институтов, позволяющих обмениваться информацией, направлять знания в образовательную деятельность, а также способствовать развитию человеческого потенциала общества [1]. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в современных культурно-социальных реалиях выдвигают необходимость подготовки специалистов, которые способны быстро и качественно обеспечивать выполнение информационных запросов населения.

Развитие информационного общества способствовало переходу высшего образования к новой модели учебного процесса, где информационные технологии и применение инновационных подходов к образованию позволили повысить качество предоставляемых образовательных услуг и усовершенствовать концепцию профессионального обучения в целом.

Современные ученые указывают, что совершенствование содержания образовательных программ с учетом использования эффективных методов и форм обучения в условиях применения инновационных педагогических и компьютерных технологий позволяет интегрировать в практическую библиотечную деятельность предметно-ориентированные информационные системы, что выдвигает определенные требования к профессиональным навыкам и знаниям информационно-библиотечных специалистов. Профессионализм библиотекаря видим как способность эффективно овладеть передовыми технологиями, а также реализовывать инновации в контексте личной мотивации и ценностных ориентаций.

Формирование готовности будущего библиотекаря к работе с новыми информационными технологиями предусматривает формирование у студентов необходимых информационно-коммуникационных компетенций.

Исследуя профессиональные компетенции библиотекаря, исследователи указывают на три ключевые знания, которые необходимо освоить студентам для дальнейшей продуктивной профессиональной деятельности. Автор акцентирует внимание на изучении современных и перспективных информационных технологий, освоении навыков использования информационных ресурсов (электронные каталоги, документы, съёмные носители) и овладении умениями и знаниями технологий сбора и обработки данных. К тому же, быстрота потоковой информации, ее изменение и рост выступают катализатором к созданию новых информационных систем, где скорость и точность их обработки требует от специалиста информационно-аналитических навыков [4].

Потребность соответствовать современным запросам общества в социальной, образовательной и экономической системах, по мнению С. Гоккар-

слана, обязует образовательные учреждения быстро трансформироваться и внедрять инновационные технологии и новые педагогические подходы, позволяющие студентам развивать навыки обучения на протяжении жизни, дополнять и обновлять собственные знания и опыт, а также адаптироваться к новой информации и управлять ею [6].

Учитывая совокупность факторов, которые необходимы для успешной профессиональной подготовки будущих специалистов библиотечной деятельности, прослеживается несогласованность между систематизацией информации в рамках тотальной цифровизации и скоростью модернизации предоставляемых образовательных услуг. Как следствие, возникают трудности в использовании будущими специалистами комплекса средств управления информацией, что предполагает внесение определенных изменений в психологические и педагогические условия подготовки будущих библиотечных работников.

Так, С. Жакипбекова необходимыми условиями отмечает важность формирования у студентов потребности к самообразованию, интеграцию совокупности инновационных и традиционных методов обучения, организацию образовательного процесса в рамках мотивационной деятельности, а также формирование сознательной значимости самостоятельной работы. При этом современная актуализация проблемы профессионального обучения библиотекарей и реальное положение образовательных стратегий касательно подготовки специалистов данного профиля являются неоднозначными, что проявляется в трудностях выполнения профессиональной деятельности, в частности, относительно использования современных носителей информации, умения взаимодействовать с модернизированной техникой, а также уровня владения коммуникативными компетентностями и профессионализма в целом [14].

Российские ученые в области библиотечного дела (К. В. Ивина Е. Л. Кудрина, Н. В. Лопатина) особое внимание обращают на необходимость подготовки библиотечных специалистов новой формации с меняющимися компетенциями в соответствии с утвержденным новым профессиональным стандартом специалиста в области библиотечно-информационной деятельности и корректировкой действующих ФГОС ВО [1; 2].

Профессиональное становление будущего специалиста информационно-библиотечного профиля обретает особое значения в период трансформационных процессов образовательной политики, где цифровизация и технологизация информационных ресурсов выдвигают требования к качеству подготовки библиотекарей, что встает актуальной проблемой в определении особенностей организации обучения будущих специалистов, становления их профессиональных качеств, а также развития и совершенствования приобретенных навыков и умений на пути к конкурентоспособному эксперту в профессиональной деятельности [4].

Основу методологического подхода в исследовании проблемы формирования готовности будущих библиотекарей к профессиональной деятельности составило качественное сочетание системного анализа вопроса психолого-педагогических условий подготовки библиотекарей в высших учебных заведениях с аналитическим исследованием становления профессиональных и личностных качеств студентов в процессе освоения профессии.

Научное исследование формирования информационно-коммуникационных компетенций библиотекарей предполагало поиск обобщенного понимания факторов становления личностных и профессиональных возможностей будущих специалистов, а также специфику организации педагогического процесса в условиях модернизации образовательного пространства [5].

Исследование проблемы подготовки будущих библиотекарей в высшей школе, готовности к профессиональной деятельности в современной цифровой среде позволило проанализировать опыт изучения данного вопроса исследователями Казахстана и России, что определило проблемные аспекты, связанные с развитием индивидуальных психологических особенностей личности, ее профессионального становления в период обучения и необходимых педагогических условий для формирования профильных компетенций.

Проведенный анализ научных исследований проблемы подготовки будущих библиотечных специалистов и формирования готовности к профессиональной деятельности в современной цифровой среде свидетельствует, что данный вопрос изучается в последнее десятилетие наиболее активным образом и российскими, и казахскими исследователями.

Очевидно, что профессионализм развивается исходя из мотивации человека, его особенностей психологического и индивидуального состояния [14].

Учитывая психолого-педагогические условия формирования профессиональных компетенций информационно-библиотечных специалистов, следует выделить мотивацию студентов к будущей деятельности, цифровую поддержку в учебном процессе, а также поликультурный характер образовательных программ обучения. При этом этапы профессионального развития (создание базы знаний, наблюдение, осмысление, практика, новый опыт) повторяются на протяжении всего периода обучения, а становление профессионализма характеризуется сменой социального статуса в свете модификации содержания профильной деятельности, где фиксируется профессиональное поведение и новая социальная роль специалиста [13].

Современные исследователи отмечают, что информационно-коммуникационная компетентность является совокупностью профессиональных знаний, умений, приобретенных навыков и набора личностных качеств человека, а в основе их формирования заключены индивидуальные и социальные мотивы и потребности. Исходя из этого, процесс формирования данных качеств у будущих специалистов библиотечного дела можно харак-

теризовать творческим способом развития их профессионализма, что подразумевает необходимость задействовать индивидуальные способности и возможности студента для достижения им нового общественно ценного и продуктивного результата. Поэтому образовательный процесс должен быть направлен на развитие смыслообразующих мотивов профильной направленности. При этом следует также понимать позицию обучающихся относительно данного процесса.

Выпускникам Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова направления подготовки «Библиотечное дело» (54 человека) было предложено ответить на вопросы (методика «Неоконченные предложения»), относящиеся к актуализации имеющихся знаний и их позиции к процессу формирования информационно-коммуникационных компетенций.

Среди них были следующие вопросы:

- Как Вы понимаете понятие «профессиональное развитие библиотекаря» в современных условиях?
- Чем обусловлена цифровизация образовательной среды?
- Что такое «цифровое пространство» и «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ)?
- Какие основные компоненты содержания цифрового образования?
- В чем приоритетность цифрового образования современности?

Используя процедуру контент-анализа, удалось выявить существенные признаки и распределить их следующим образом:

- ИКТ подразумевает различные устройства, способы обработки информации, алгоритм действий (38,9 %), а также предполагает подготовку презентаций, электронных таблиц, графических пакетов и баз данных (17,8 %).
- Цифровое пространство является интеграцией связей цифровых технологий (16 %) и совокупностью информационных технологий (77,9 %).
- Будущий библиотекарь должен обладать навыками работы с новыми информационными технологиями и их эффективной эксплуатации в профессиональной деятельности (89 %), а также быть полифункциональным специалистом с необходимыми умениями и навыками работы в современной цифровой среде (11 %).
- Цифровое образование является целенаправленной системой обучения (76 %), предполагает формирование системного взгляда на информационно-цифровую коммуникацию (76,3 %) и представляет собой перспективу работы с электронным контентом (47,5 %).

Полученные результаты позволяют не только актуализировать знания студентов, но и определить потенциал их дальнейшего вовлечения в процесс формирования информационно-коммуникационных компетенций, определить эффективные психолого-педагогические условия профессиональной подготовки.

При этом изучение потребности студентов в достижении формирования данных качеств и их личностной направленности дало возможность идентифицировать развитость данной потребности в профессиональной подготовке библиотекарей. На рисунке 1 представлены сводные результаты исследования по методикам «Потребность в достижении» Ю. М. Орлова [11] и «Диагностика направленности личности» В. Смекала и М. Кучера [11].

Рисунок 1. Анализ результатов респондентов в потребности формирования информационно-коммуникационных компетенций до начала эксперимента

Исследование показало, что часть студентов имеет не полное понимание роли библиотекаря в современном мире, в частности, что продуктивность практической деятельности и формирование профессионализма возможны при условии высокого уровня мотивации к овладению необходимыми личностными и профильными компетенциями, где направленность на взаимодействие и выполнение профессиональных задач позволяет развиваться и достигать высоких результатов в практической деятельности.

По итогу проведенной диагностики в потребности формирования информационно-коммуникационных компетенций – лишь часть респондентов имеют четкую потребность в достижении успеха, стремятся к улучшению собственных профессиональных и личностных результатов, а также имеют настойчивость в их достижении. Следует отметить, что примерно такое же количество опрошенных ориентированы на поддержку позитивного взаимодействия в коллективе и стремятся к совместной трудовой деятельности. В то же время на момент диагностики большинство студентов

выражают направленность на себя, что подразумевает ориентацию на потребность в вознаграждении вне зависимости от содержания их деятельности и может приводить к склонности к соперничеству. При этом необходимо учитывать, что данные направленности могут взаимно дополняться и сочетаться как на протяжении обучения, так и в период профессиональной деятельности, соответственно, мотивация и направленность респондентов будут видоизменяться и зависеть от их знаний теоретических основ профессии и условий практической деятельности.

Условия формирования необходимой психолого-педагогической среды предполагают соблюдение принципов целостности и логичности, что создает определенный педагогический алгоритм формирования информационно-коммуникационных компетенций будущих специалистов библиотечного дела в процессе обучения в высших учебных заведениях.

Для решения проблемы формирования информационно-коммуникационных компетенций обучающихся в Западно-Казахстанском университете им. М. Утемисова был разработан специальный курс «Цифровизация информационно-библиотечной деятельности».

Логика разработанного спецкурса задана с учетом выделенных психолого-педагогических условий в соответствующей взаимозависимости и взаимной обусловленности.

После апробации внедренного факультативного спецкурса было проведено исследование, которое позволило определить эффективность выделенных психолого-педагогических условий формирования готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности, мотивационного комплекса личности, в частности, соотношение трех видов направленности мотивации в практической деятельности будущих библиотекарей: внутреннюю мотивацию (ВМ), внешнюю положительную мотивацию (ВПМ) и внешнюю отрицательную мотивацию (ВОМ). (Результаты в таблице 1 – по методике «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. А. Реана.)

Таблица 1. Результаты исследования мотивационной направленности студентов в профессиональной деятельности

<i>Соотношение видов мотивации</i>	<i>До эксперимента</i>	<i>После эксперимента</i>	<i>Динамика направленности мотивации</i>
ВМ≥ВПМ>ВОМ	44,4 %	66,7 %	+22,3 %
ВМ>ВОМ>ВПМ	14,8 %	10 %	-4,8 %
ВПМ>ВМ>ВОМ	15,1 %	10 %	-5,1 %
ВПМ>ВОМ>ВМ	9,6 %	5 %	-4,6 %
ВОМ>ВМ>ВПМ	6,5 %	3,3 %	-3,3 %
ВОМ>ВПМ>ВМ	9,6 %	5 %	-4,6 %

Анализируя динамику полученных результатов, стоит отметить увеличение количества респондентов, имеющих доминирующую внутреннюю мотивацию, а также снижение WOM, что говорит об эффективности в достижении целей спецкурса.

Таким образом, оптимальным комплексом мотивации является активность будущих библиотекарей в стремлении к позитивным результатам в практической деятельности, что говорит об их ориентированности на успешность и потребность в творческой самореализации. При этом стимулом может выступать не только желание достичь высоких профессиональных результатов, но и страх перед неудачей. Поэтому важным остается также изучение мотивационной сферы личности.

Диагностика позитивной и негативной мотивации (тест «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана) предполагала изучение инициативности в профессиональной деятельности. Из результатов исследования следует, что на 3-м курсе большинство респондентов ориентированы на продуктивную и эффективную практическую деятельность, они инициативны и склонны к долгосрочному планированию в своей профессии. В то время как студенты 4-го курса в большинстве малоинициативные, пытаются избегать ответственности из-за боязни потерпеть неудачу в практической деятельности.

В целом, на основе проведенного исследования можно выделить, что в мотивационной сфере у студентов стали преобладать мотивы самореализации и самовыражения, появилась потребность в освоении информационно-коммуникационных компетенций и применении их в профессиональной деятельности, а также укрепилось понятие социально-психологической ценности выбранной профессии и сформировалось осознание собственных возможностей в решении профессиональных задач. Освоение спецкурса в рамках обучения будущих библиотекарей ориентировано на создание условий для самостоятельного учета и оценки собственных достижений. Важно отметить, что студентам рекомендуется оформить собственное портфолио, куда будут вкладываться отчеты и выполненные задания, эссе, результаты тестирования и прочее, что позволит студенту видеть свои разработки, мотивироваться на улучшение своей деятельности и анализировать свою профессиональную подготовку.

Таким образом, прохождение спецкурса «Цифровизация информационно-библиотечной деятельности» позволило студентам 3-го и 4-го курса специальности «Библиотечное дело» Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова:

- осмыслить важность выбранной профессии;
- осознать роль знаний и необходимость совершенствования личностных качеств в профессиональном раскрытии потенциала;

- оценить общую картину подготовки специалистов и закрепить знания по профильным дисциплинам;
- выработать умение анализировать факты, научные явления и практики для решения нестандартных задач;
- уметь применять теоретические знания в практической деятельности;
- осознать личностные возможности и мотивации для проектирования собственной профессиональной деятельности;
- выработать умение сопоставлять личностные возможности со способностями и объективной потребностью в обществе.

Для достижения планируемого результата следует грамотно использовать и чередовать комплекс организационных форм (индивидуальные/групповые), где особая роль принадлежит ориентированным заданиям на развитие профессионализма, а также профильно-направленным педагогическим задачам. Также важным компонентом является использование мультимедийных средств в рамках взаимодействия обучающихся с информационными ресурсами образовательного пространства. Контроль и оценка результативности студенческих достижений и разработок должны происходить в количественном и качественном ключе, при этом необходимо учитывать созданное портфолио студента для возможности совершенствования студентом собственных умений, навыков и профессиональных качеств.

Полученные результаты исследования указывают, что ценность построения четких и планомерных психолого-педагогических условий в образовательном процессе возрастает в современной реальности и выдвигает на первый план необходимость модернизировать подход обучения в рамках мотивационной направленности студентов к будущей профессиональной деятельности, развивать теоретическую и практическую основы цифровой поддержки в образовательной среде, а также формировать поликультурный характер содержания учебного процесса для достижения качественной подготовки будущих библиотечных специалистов и их готовности к практической деятельности в условиях современного цифрового пространства.

Профессиональное развитие специалиста предполагает его профильную направленность, где становление его профессионализма проходит в пять этапов, которые заменяют и дополняют друг друга [11]. Первый этап предполагает создание базы знаний, он характеризуется приобретением новых знаний и информации, а также одновременного построения их концептуального понимания. Для данного этапа присуще устанавливать цель, оценивать собственные потребности, участвовать в различных интерактивных семинарах или формировать определенную исследовательскую группу.

Вторым этапом профессионального развития является наблюдение за примерами и моделями выполнения практической деятельности, где пос-

тановка цели определяет изучение образовательных примеров в контексте формирования практического понимания исследования. Для данного этапа характерно участие в практических профильных мероприятиях, посещение различных аудиторных и внеинститутских встреч, наблюдение за сокурсниками, планирование практической деятельности или просмотр учебных материалов (примеров на аудио- или видео-носителях).

Третий этап профессионального развития предполагает осмысление собственной практической деятельности, где будущий специалист анализирует собственную учебную практику на базе полученных новых знаний. Данный этап характеризуется интересом к практической деятельности, адаптации к ее выполнению, а также освоении социальной роли, приобретению опыта в профильной деятельности и овладении технологиями профессии.

На четвертом этапе происходит изменение практики, что предполагает смену первичной на вторичную профессионализацию. Осуществляется это за счет внедрения новых знаний в индивидуальную и коллективную программу обучения, а также через инструктаж, путем разработки наставнических и практических исследований. Задания данного этапа состоят в формировании профессионального менталитета, изменения социальных и профессиональных качеств специалиста и его умений в профессионализм.

Пятый этап является важным элементом профессионального развития будущего специалиста, так как включает в себя приобретение и обмен опытом. На данном этапе происходит совершенствование учебной практической деятельности и обучение совместным профессиональным умениям и практикам в коллективе. Задания пятого этапа состоят из действий, направленных на полную реализацию профессионального мастерства, творческого потенциала студентов в рамках новых психологических новообразований на пути профессионального развития будущего специалиста [11].

Таким образом, библиотечная деятельность представляет собой компонент социальной регуляции общества, а для специалиста библиотечного дела применение ИК технологий служит ресурсом профессионального развития в практической деятельности. Одним из основных изменений в академическом сообществе стала цифровая трансформация, которая привнесла в профессию библиотекаря модернизацию – во многие аспекты его деятельности. Современные библиотекари – экспертные работники, являющиеся связующим звеном предоставляемых услуг и ресурсов общества, где специалисту необходимо обладать цифровой грамотностью, умением анализировать данные, обладать навыками оцифровки информации, технологически взаимодействовать с пользователями и инновационными ресурсами, основываясь на общей культуре социума и сосредотачиваясь на цифровой деятельности.

Проанализированные ранее научные исследования указывают, что возрастает актуальность пересмотра приоритетов в отношении обучения будущих библиотекарей в высших учебных заведениях, а также важным встает вопрос возможности предоставлять услуги удаленно.

На сегодняшний день качество предоставляемых услуг образовательными учреждениями Казахстана в контексте онлайн-обучения значительно возросло, а программ для предоставления образовательных услуг удаленно, проверки и оценивания стало больше. Студенты специальности «Библиотечное дело» используют в дистанционном формате платформу Zoom, Платон и Модул. Соответственно, онлайн-встречи организовываются в Zoom, а для загрузки заданий преподаватели предоставляют лекционный, семинарский и практический материал на портале Платон, где студенту предоставляется возможность скачать необходимые образовательные материалы.

Для предоставления учебных заданий и ответов студентов также используется университетская платформа Модул, который позволяет загружать видео-лекции, онлайн-курсы, электронные учебники, что дает педагогам отслеживать подготовку студентов и оценивать их выполненные задания.

При этом следует отметить, что внедрение технологий в образовательное пространство имеет не только преимущества, но и ряд недостатков. Например, информационные технологии могут формировать как интеллектуальные знания, так и развивать академическую недобросовестность студентов, которая может проявляться в копировании материалов (плагиат), снижении мыслительных функций (автоматическое исправление грамматических и орфографических ошибок). Информатизация образовательного процесса обладает большим потенциалом, оставаясь лишь инструментом, а не решением образовательной цели.

Для создания эффективного обучения необходимо придерживаться организаторских, информационных, коммуникативных и развивающих функций, которые позволяют предоставлять обучающимся рабочее образовательное пространство, материалы курсов (теоретическое содержание), обеспечивать общение студентов и активизировать их познавательную деятельность, что подразумевает создание необходимых психолого-педагогических условий для формирования мотивации учащихся к будущей профессии, обеспечивать цифровой поддержкой и поликультурным содержанием обучения.

Так, эффективность психолого-педагогических условий в важности сформированных потребностей в непрерывном углублении и расширении знаний и опыта, что позволяет выпускнику овладевать необходимым комплексом умений, навыков и методов изучения объектов библиотечной и информационной деятельности и является ключевым в непрерывности образования на протяжении жизни человека.

Непрерывный технологический прогресс обязует специалистов обновлять и дополнять свои информационные знания и профессиональные навыки, а значит, человеку необходимо научиться в периоде обучения в высшей школе не только профильным умениям, но и развить аналитическое и критическое мышление, овладеть навыками саморегуляции и самоорганизации.

Готовность к профессиональной деятельности в современном цифровом пространстве будущих библиотекарей следует рассматривать сквозь призму их качественной подготовки в высшем учебном заведении. Организация образовательной деятельности для успешной подготовленности к профессии должна включать в себя комплекс активных психических новообразований, которые помогают будущему специалисту интегрировать личные качества и опыт в практическую деятельность, интерпретировать содержание образования в собственную индивидуальную форму, а также помочь студенту овладеть навыками к теоретической и методической работе на пути формирования профессиональных компетенций. При этом организация учебным заведением психолого-педагогических условий подготовки специалистов не должна ограничиваться только этой направленностью. Важным компонентом готовности специалиста выступает его потребность в самостоятельном обучении и познании тонкостей выбранной специальности, поэтому значительным фактором в этом является развитие мотивация студента и его образовательные цели в учебной деятельности и, как результат, овладение информационно-коммуникативными компетенциями и готовность к выполнению профессиональных функций.

Можно выделить основные факторы эффективного формирования информационно-коммуникационных компетенций будущих библиотекарей:

- разработка и обновление учебных программ согласно современным требованиям профессии библиотекаря;
- инициализация модульного и проблемно-ориентированного построения образовательного процесса с возможностью коррекции учебных планов и программ с учетом целей обучения и потребностей студентов;
- акцентирование обучающих форм и методов на основании новых библиотечных технологий, которые позволяют конструировать профессиональное мышление;
- предусматривать опережающий характер образовательных программ, позволяющий осваивать необходимые навыки для долговременного использования;
- стимулировать творческий потенциал обучающихся и конструктивную конкуренцию в контексте внеуниверситетских организованных мероприятий (олимпиады, конкурсы и прочее);
- синтезировать профильное образование со смежными дисциплинами (психология, философия, информатика, этика и другие);

- создавать производственно-экспериментальное пространство (мастерские, лаборатории) для освоения и закрепления теоретических знаний.

Таким образом, становится очевидным, что профессиональная подготовка будущих библиотекарей нуждается в обеспечении эффективных психолого-педагогических условий, основанных на системно-деятельностном, компетентностном и личностно-ориентированном подходах, а также с соблюдением принципов активности, субъективности, продуктивности, рефлексии и личностного целеполагания. Готовность будущих библиотекарей к профессиональной деятельности взаимосвязана от сформированных информационно-коммуникационных компетенций студента, развитие которых должно организовываться в рамках образовательного процесса на основе формирования у будущих специалистов мотивации к профессиональной деятельности, обеспечении цифровой поддержки и поликультурном содержании обучения в высшем учебном заведении.

Список литературы

1. *Кудрина Е. Л.* Изменяющееся библиотечное образование в контексте развития человеческого капитала в России // Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек. Сборник докладов Двадцать шестой Международной конференции и выставки «LIBCOM-2022». Государственная публичная научно-техническая библиотека России. 2022. С. 81–85.
2. *Кудрина Е. Л., Бычков Л. Д., Зарубина Н. А.* Роль библиотеки как социального института в условиях трансформации российского общества // Научные и технические библиотеки. № 7. 2022. С. 52–68.
3. *Лопатина Н. В.* Информационные ресурсы в системе библиотечного образования // Информационные ресурсы России. 2022. № 4 (188). С. 88–95.
4. *Христидис Т. В., Новашина М. С.* Цифровая образовательная среда как средство формирования информационно-коммуникационных компетенций будущих специалистов социально-культурной деятельности // KAZAN DIGITAL WEEK – 2021. Сборник материалов международного форума. ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры». Казань, 2022. С. 142–152.
5. *Христидис Т. В., Жардемоза М. Г.* Совершенствование психолого-педагогической подготовки обучающихся по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» // Культура и образование. 2019. № 4 (35). С. 113–119.
6. *Gokcarlan S., Solmaz E., Coskun B. K.* Critical Thinking and Digital Technologies: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications, Ed: Francis Sigmund Topor, Handbook of research on individual identity in the globalized digital age. 2019. 141–167. Hershey PA: IGI Global <https://www.researchgate.net/publication>

- /330748532 Critical Thinking and Digital Technologies Concepts Methodologies Tools and Applications
7. *Ishmuratova S. I., Aslambekova T. S., Kakimova K. R., Alimbekova A. A., Karimova R. E.* Model of formation of research competence of future specialists. *Spaces*. 2018. 39 (35) <https://www.revistaespacios.com/a18v39n35/a18v39n35p24.pdf>
 8. *Martinez V., Castejon L., Gonzalez-Pumariega S.* The effect of efficient professional development on the teaching of code-focused skills in beginner readers: exploring the impact of professional development intensity and coaching on student outcomes. *Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal*. 2022. 35. Pp. 1711–1730. <https://doi.org/10.1007/s11145-021-10250-6>
 9. *Mashroofa M.* Continuing professional development of Public Librarians: with special reference to Ampara District of Sri Lanka. *Sri Lanka Library Review*, 2021. 35 (1), Pp. 36–59 https://www.researchgate.net/publication/352055338_Continuing_professional_development_of_Public_Librarians_with_special_reference_to_Ampara_District_of_Sri_Lanka
 10. Professional Development Phases. 2019. <https://outreach.ou.edu/educational-services/education/edutas/comp-center-landing-page/knowledgebases/english-language-learners/ell-admin-teachers/6-1-2-investigate-different-approaches-professional-learning/professional-development-phases/>
 11. Psychological tests with answers. Retrieved September 15, 2022. <https://psycabi.net/testy>
 12. *Santos-Hermosa G., Atenas J.* Building Capacities in Open Knowledge: Recommendations for Library and Information Science Professionals and Schools. *Front. Educ.* <https://doi.org/10.3389/feduc.2022.866049>
 13. *Yamani, H., Harthi, A., Elsigini, W.* Digital Competencies Required for Information Science Specialists at Saudi Universities. *International Journal of Computer Science and Network Security*. 2021. 21 (2), Pp. 212–220.
 14. *Zhakupbekova S.* Determination of the pedagogical conditions for forming the readiness of future primary school teachers. *Universidaddel Zulia*. 2018. 34 (85). Pp. 475–499.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА В СФЕРЕ ДОСУГА

УДК 37.03 : 745 : 379.8

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-128-133>

Лариса Витальевна ИВОЙЛОВА,

старший преподаватель кафедры художественной культуры
и декоративно-прикладного творчества, Алтайский государственный институт
культуры, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: larisa_pedagog@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены особенности воспитательного потенциала декоративно-прикладного творчества как ключевой доминанты в сфере досуга. Оно способствует творческому и духовно-нравственному развитию личности, независимо от возраста и социального статуса. Также позволяет интересоваться историей и традициями своего народа, что приводит к моделированию ценностных ориентиров и к пониманию ценности народного искусства. Декоративно-прикладное искусство позволяет личности активно знакомиться с культурой, развивать эстетическое восприятие и мышление, формировать память и моторные навыки. Оно способствует не только усвоению знаний, но и ценностных ориентиров народного искусства и культуры, духовно-нравственному воспитанию. Все эти знания, умения и навыки формируются и закрепляются в различных досуговых мероприятиях (мастер-классах, конкурсах, экскурсиях, праздниках). Воспитательный потенциал досуга важен как для детей и молодежи, так и для людей в зрелом возрасте.

Ключевые слова: досуг, декоративно-прикладное творчество, воспитание, традиции, культура, развитие личности.

Для цитирования: Ивойлова Л. В. Воспитательный потенциал декоративно-прикладного творчества в сфере досуга // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 128–133. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-128-133>

EDUCATIONAL POTENTIAL OF DECORATIVE AND APPLIED CREATIVITY IN THE SPHERE OF LEISURE

Larisa V. IVOILOVA, Senior Lecturer at the Department of Artistic Culture and Arts and Crafts, Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russian Federation, e-mail: larisa_pedagog@mail.ru

Abstract: The article considers the features of the educational potential of decorative and applied creativity as a key dominant in the field of leisure. It contributes to the creative and spiritual and moral development of the individual, regardless of age and social status. It also allows you to be interested in the history and traditions of your people, which leads to the modeling of value orientations and to an understanding of the value of folk art. Decorative and applied art allows a person to actively get acquainted with culture, develop aesthetic perception and thinking, form memory and motor skills. It contributes not only to the assimilation of knowledge, but also to the value orientations of folk art and culture, spiritual and moral education. All this knowledge, skills and abilities are formed and consolidated in various leisure activities (master classes, competitions, excursions, holidays). The educational potential of leisure is important both for children and young people, and for people in adulthood.

Keywords: leisure, arts and crafts, education, traditions, culture, personal development.

For citation: Ivoilova L. V. Educational potential of decorative and applied creativity in the sphere of leisure. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 128–133. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-128-133>

Современный ритм жизни оставляет слишком мало времени для интересного и познавательного досуга – как детей, так и взрослых. Однако увеличение количества свободного времени в жизни человека и развитие технического прогресса изменили направление и смысловое содержание досуга в XXI веке. Стала появляться сфера досуга, при которой он начал ассоциироваться с постоянным развлечением и ничегонеделанием. Развлекательные формы досуга «определили новую социально-культурную реальность, в которой принципы и функции досуговой сферы претерпели существенные модификации» [4, с. 70]. Развлечениями можно назвать посещение музыкальных концертов и театральных спектаклей, спортивные соревнования и разного рода путешествия, прогулки и даже просмотр художественных фильмов, которые дают человеку насыщение эмоциями и смену впечатлений. В данных мероприятиях человек добавляет в свой досуг то, что он не может осуществить в труде (свои физические и духовные способности и склонности). «Функциональной сущностью подобных развлечений является привнесение в досуг ярких впечатлений и эмоциональных переживаний, которые могут способствовать повышению жизненного тонуса» [5, с. 30].

В досуге можно органично сочетать обучение и воспитание. Он не только способствует формированию знаний и представлений о сути различных вещей и явлений, помогает сформировать у человека определенные практические умения и навыки, он формирует коммуникативные способности (умение взаимодействовать и сотрудничать, оказывать взаимопомощь и планировать деятельность). Досуг также формирует нравственные качества личности. Мероприятия досуговой сферы имеют достаточно высокий воспитательный потенциал, который основывается на использовании в них культурных ценностей. Одновременно он отражает в себе принятые в обществе нормы поведения, формирует способности личности к выстраиванию культурных взаимоотношений с окружающими людьми. Полноценная реализация воспитательного потенциала как ключевой доминанты сферы досуга основана на педагогически рациональной его организации, когда деятельность основывается на нескольких компонентах: культурном, творческом и интеллектуальном. Говоря о досуговой деятельности детей и подростков, можно сказать, что она играет роль не только способа разрядки после трудных учебных задач, но и является одним из способов социализации, ничуть не менее важным,

чем процесс обучения в школе. В современном обществе досуг становится вторичной социализацией человека. Это происходит потому, что общепринятые институты социализации, которыми являются семья и образование, теряют свою традиционную функцию воспитания личности, не выполняя ее в полной мере. Воспитание в досуговой сфере осуществляется в культурно-досуговых и образовательных организациях (парках, художественных школах, библиотеках, спортивно-оздоровительных и санаторно-курортных учреждениях). Досуговая деятельность становится не только одной из значимых сторон жизни детей в обстановке перенасыщенности информацией и усталости от учебы, но и актуальным способом организации этой жизни через творческие дела, которые представлены разнообразием форм внеклассной работы.

В современном мире люди все меньше стали общаться, переводя общение в виртуальную плоскость коммуникации. Это снижает возможности формирования и развития коммуникативных навыков, приводит к ослаблению физического развития и снижению творческого развития личности. Сегодня многие отдают предпочтение домашнему пассивному отдыху, проводя большую часть свободного времени за компьютером. Современных детей и молодежь окружают высокотехнологичные гаджеты с компьютерными играми. Они требуют сосредоточенности, большой концентрации внимания и быстроты реакции. В быту и в жизни их окружают новые материалы, технологии, способы и приемы деятельности. Для ребенка, который находится в этой среде, все уже изобретено, продумано, нарисовано. Нет необходимости стимулировать его развитие. Вот тогда-то дети и теряют элементарные умения, такие как навык ручной работы (лепка, вырезание, шитье). В связи с проблемой зависимости современного человека от виртуальной реальности особую роль начинает играть организация разностороннего досуга – как для детей, так и для взрослых. При продуманном планировании и организации досуга можно оказать положительное влияние на поведение человека, повышая его культурный уровень и способствуя его социализации через его же интересы и творчество. Эту ситуацию стараются изменить образовательные и досуговые организации путем использования в своей деятельности разнообразных видов декоративно-прикладного искусства.

Досуг – это свободное время, которое человек проводит с пользой для своего здоровья, интеллекта, творческого проявления. Всем этим критериям соответствует народное декоративно-прикладное искусство, создающее для человека пространство свободного выбора ценностной системы, а еще это художественная деятельность, которая имеет свои воспитательные возможности. Огромный воспитательный потенциал имеют художественные школы, этнокультурные центры, дома народного творчества. Данные образовательные и досуговые организации

используют различные формы работы для формирования интереса к декоративно-прикладному искусству (ДПИ). Здесь организуют выставки различных видов ДПИ (ткачество, лепка, вышивка, народный костюм и т. д.). Участие в различных выставках, творческих фестивалях и конкурсах обладает колоссальной воспитательной значимостью, потому что они помогают знакомить участников с историей и национальными традициями, формируют умения любоваться красотой, создаваемой людьми. Также это могут быть развлечения, которые предполагают различную активность участников. Во-первых, участники могут быть только зрителями, наслаждаясь красотой искусства. Во-вторых, участники могут быть какой-либо одной группы (дети, девочки или мальчики и т. д.). В-третьих, непосредственными участниками могут стать все желающие. Например, на праздник Масленицы дети и взрослые могут приготовить постановку театрального представления или на Рождество – показ вертепного театра, соблюдая традиции, которые были важны для наших предков. «...Народное искусство – это прошлое, живущее в настоящем, устремленное в будущее своей мечтой о небывалом. Оно творит свой мир Красоты, живет своим идеалом Добра и Справедливости – и развивается по только ему присущим законам. Это культурная память народа, неотделимая от самых глубоких устремлений современности» [3, с. 343]. Творчество тоже является одной из доминант сферы досуга. «Только в процессе творческой деятельности можно создать «ситуацию успеха» для каждого ребенка, что благотворно скажется на его воспитании. Активный интерес побуждает к развитию личности, формирует знания, способности и умения» [1, с. 134].

Одним из видов досуговой деятельности, имеющей высокий воспитательный потенциал, является самообразование. Оно дает человеку возможность самосовершенствоваться в культурном отношении, включая в себя целенаправленную досуговую деятельность познавательного характера: экскурсии, посещение музеев, чтение научно-познавательной литературы. Здесь кроме образовательных и досуговых организаций большую роль должна сыграть семья. «Несмотря на то, что роль семьи в последнее время заметно изменилась, для современного цивилизованного общества характерно большое число разводов, увеличения числа неполных семей, изменение социальной позиции отца и матери др., роль семьи в процессе социализации все же значительна» [2, с. 56]. Детям, например, надолго запоминаются семейные походы в музей или на экскурсию вместе с родителями. И через много лет они с удовольствием поведут своих детей.

Увеличению интенсивности процесса формирования постоянного интереса к традициям народного искусства оказывает содействие не только использование досуговыми организациями разнообразных форм и мето-

дов работы, но и тщательный подбор заданий для участников так, чтобы они носили проблемный характер. Для проведения интересного познавательного мероприятия также необходима высокая профессиональная подготовка педагогов, которые знают традиции народного искусства (в том числе декоративно-прикладного), владеют не только технологией и специфическими методическими приемами выполнения того или иного изделия любого промысла, но и способностями, позволяющими организовать творческую деятельность. Это дает возможность педагогу, который владеет профессиональными компетенциями, обладает креативным мышлением и способностями, необходимыми для осуществления данной деятельности, воспитывать нравственные качества личности, такие как познавательная активность, целеустремленность, умение взаимодействовать, сотрудничать. Необходимо воспитывать как детей, так и взрослых на принципах взаимного уважения.

Обобщая вышесказанное, можно отметить следующие: воспитательный потенциал декоративно-прикладного творчества как ключевой доминанты сферы досуга очень велик. Если использовать в мероприятиях сферы досуга декоративно-прикладное творчество, то это будет способствовать осуществлению не только рекреационной функции, но одновременно и обучающей с воспитательной. Дети и взрослые, участвуя в различных конкурсах и выставках, расширяют свое культурное пространство, повышают самооценку, формируют трудолюбие и самостоятельность, а также способность доводить начатое до логического завершения, достигая поставленную цель.

Рассматривая воспитательный потенциал декоративно-прикладного искусства как ключевую доминанту в сфере досуга, можно сделать вывод, что оно способствует формированию национального самосознания и уважения к старшим поколениям, интереса к истории и традициям своей страны. Увлечение человека декоративно-прикладным искусством способствует творческому становлению и обогащению личности, ее духовно-нравственному развитию, воспитывает ценностные ориентиры, давая возможность изучить, понять и принять ценности народной культуры и искусства. Оно способствует формированию и развитию таких качеств, как толерантность и патриотизм, профессиональному и социальному самоопределению. Мероприятия досуговой сферы позволяют участникам заниматься творчеством по выбору (художественным или техническим), давая возможность реализовывать цели самосовершенствования знаний и умений, оказывают положительное влияние на воспитание личности ребенка. От этого в немалой степени зависит как социальная адаптация человека, так и его удовлетворенность проведением свободного времени, что имеет большое значение в современных реалиях.

Список литературы

1. *Бигдай А. Д.* Старинные казачьи песни. Анапа : Полиграфобъединение, 1991. 134 с.
2. *Дубровина И. В.* Семья и социализация ребенка // Мир психологии : научно-метод журнал / ред. Д. И. Фельдштейн, А. Г. Асмолов. 1998. № 1 январь – март. С. 54–59.
3. *Некрасова М. А.* Народное искусства как часть культуры. Москва : Изобразительное искусство, 1983. 343 с.
4. *Ярошенко Н. Н.* Ценности досуга в контексте цивилизационного развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 6(44). С. 66–73.
5. *Ярошенко Н. Н.* Воспитательный потенциал современной индустрии досуга // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4(44). С. 28–35.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ВЕРБАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ: ДИАГНОСТИКА И РАЗВИТИЕ

УДК 808.5 : 81'23

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-134-144>

Олеся Александровна НЕМОВА,

студент магистратуры, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Российская Федерация, e-mail: olesyanemova@bk.ru

Вера Вениаминовна КАРНЮШИНА,

кандидат филологических наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет, Surgut, Russian Federation, e-mail: wera.k@ya.ru

Аннотация: На основе анализа понятия «креативность» применительно к словотворчеству в статье предлагается описание диагностики уровня развития вербальной креативности у подростков 14–15 лет, а также экспериментальной апробации тренингов по развитию словотворчества. Актуальность проблемы обусловлена тем, что словотворчество связано с коммуникативной деятельностью в целом, развитием творческого и интеллектуального потенциала. В статье приводится описание эксперимента, проведенного среди подростков, изучающих английский язык, описывается алгоритм обработки результатов и их интерпретация.

Ключевые слова: вербальная креативность, иноязычный дискурс, словообразовательные инновации, словотворчество.

Для цитирования: Немова О. А., Карнюшина В. В. Англоязычная вербальная креативность подростков: диагностика и развитие // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 134–144. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-134-144>

ENGLISH LANGUAGE VERBAL CREATIVITY AMONG TEENAGERS: DIAGNOSTICS AND DEVELOPMENT

Olesya A. NEMOVA, Undergraduate student, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, e-mail: olesyanemova@bk.ru

Vera Veniaminovna KARNYUSHINA, CSc in Philology, Associate professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, e-mail: wera.k@ya.ru

Abstract: The article describes verbal creativity development among teenagers (14–15 years). The relevance of the problem is reinforced by the fact that word creation is associated with important communication skills, the development of creative and intellectual potential. The article describes an experiment with teenagers studying the English language and the algorithm for processing and interpreting the results.

Keywords: verbal creativity, foreign discourse, word-formation innovations, word-formation creativity.

For citation: Nemova O. A., Karnyushina V. V. English language verbal creativity among teenagers: diagnostics and development. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 134–144. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-134-144>

Успех, результативность в любой области деятельности человека связывают с его интеллектом, что включает в себя академическую успешность, компетентность, профессиональные достижения и креативность – творческие способности [1, с. 3]. В психологической, педагогической и лингвистической литературе имеется множество дефиниций интеллектуальных способностей и ведутся широкие дискуссии об их природе. Одна из таких способностей – креативность, или креативное мышление – характеризуется Дж. Гилфордом и Е. Торренсом как дивергентное, т. е. «мышление, идущее в разных направлениях» (См. [4, с. 438]).

Имеется множество подходов к изучению креативности и её пониманию, но С. А. Минюрова, проведя анализ зарубежных исследований креативности, выделяет следующие: психофизиологический (биометрический); когнитивно-эмоциональный; личностный; экономико-прагматический; системный; психометрический [3, с. 60]. Описывая каждый из подходов, автор делает вывод о том, что, несмотря на многообразие точек зрения и взглядов, все исследователи сходятся во мнении, что креативность – это феномен, характеризующий способность человека создавать нечто новое, оригинальное [там же]. Креативность как феномен часто перекликается с понятиями словотворчества и вербальной и невербальной креативности. Словотворчество и словотворческая активность – главные понятия настоящего исследования.

Понятие «словотворчество» чаще встречается в работах, посвящённых детскому словотворчеству. Однако процесс создания новых слов проявляется не только у детей-дошкольников, но и у младших школьников, а также у детей старшего школьного возраста, студентов и взрослых, и потому о полном его исчезновении с возрастом утверждать нельзя. Говоря о старшем возрасте, исследователи используют термин «вербальная креативность», но трактуется это явление по-разному. В психолого-педагогической литературе это понятие встречается в том числе и в работах о специфике креативности, и в практике применения тестов на определение уровня вербальной креативности личности (тесты С. Медника, Е. Торренса и Дж. Гилфорда, см: [1]).

Словообразовательные инновации являются результатом словообразования – процесса образования новых слов на основе однокоренных слов или словосочетаний. Они бывают трёх типов: неологизмы, потенциальные слова и окказионализмы. В ходе описываемого здесь эксперимента в связи со спецификой заданий испытуемые (обучающиеся гимназии) использовали *окказиональные слова* – индивидуальные авторские образования, существующие лишь в том контексте, в котором они появились.

Словообразование как процесс связано с развитием дивергентного мышления и вербальной креативности. Благодаря словотворчеству на уроках английского дети развивают как когнитивные, так и метакогнитив-

ные навыки. Овладение навыками творческой продуктивной речевой деятельности способствует достижению эффективного взаимодействия, необходимого для овладения языком, развитию фантазии и воображения, памяти, внимания, активизации и обогащению словарного запаса [3]. При этом совершенствуется структура речи и произношение, усваиваются нормы построения текстов, а также происходит активизация мыслительной и речевой деятельности. Развитие речевого творчества обучающихся реализуется в разных формах речи: в построении диалога, придумывании творческих рассказов, детском сочинительстве, коллективном обсуждении игрового сюжета и т. д.

Цель статьи – описание результатов и особенностей адаптации разработанной С. Медником диагностики вербальной креативности (RAT), которая определяется как процесс перекомбинирования элементов ситуации для испытуемых подросткового возраста.

Необходимость в адаптации диагностики С. Медника вызвана тем, что эта методика была разработана для носителей английского языка как родного. Кроме того, необходимо было адаптировать уровень лексики для диагностики к уровню владения английским языком испытуемых. Существующие адаптированные диагностики на русском языке [5] выявляли уровень владения русским языком, что не входило в задачи представленного исследования.

Испытуемыми в нашем исследовании были школьники старших классов, поскольку уровень владения иностранным языком обучающихся старших классов уже должен характеризоваться переходом к самостоятельному владению, что позволяет применять навыки словотворчества. Переход к уровню самостоятельного владения означает и более осознанное использование языка и его структур.

Гипотеза исследования заключалась в том, что диагностика вербальной креативности позволяет точнее оценить уровень владения иностранным языком, а внедрение приемов создания словообразовательных инноваций будет способствовать развитию вербальной креативности в ситуации учебного билингвизма при следующих условиях: а) диагностика вербальной креативности адаптирована к условиям экспериментального исследования с учётом требований к её содержанию и проведению; б) приёмы создания словообразовательных инноваций соответствуют уровню владения иностранным языком испытуемыми.

Исследование вербальной креативности подростков в условиях учебного двуязычия проводилось в три этапа: диагностирующий эксперимент, формирующий эксперимент и контрольный эксперимент.

Всего в эксперименте приняли участие 12 молодых людей, изучающих английский язык с 6 лет. Эксперимент был проведен на базе МБОУ Гимназии «Лаборатория Салахова» в 9 «А» классе. Специального отбора обуча-

ющихся в экспериментальную группу не проводилось, поскольку главной целью исследования являлось проверить выдвигаемую гипотезу в реальных условиях учебного билингвизма с разными по уровню развития вербальной креативности на английском языке подростками. Тем не менее, следует отметить, что группа испытуемых гендерно гомогенна, это условие учебного билингвизма в этой группе соблюдалось с 6 лет, то есть все время овладения иностранным языком. На диагностирующем и контрольном этапах были проведены предэкспериментальный и постэкспериментальный срезы соответственно.

Исследование вербальной креативности проводилось с использованием представленной в виде теста адаптированной диагностики вербальной креативности С. Медника, благодаря которой мы определяли развитость языкового навыка у испытуемых. В табл. 1 даётся пример выполнения теста: четвёртый столбец заполнен возможным ответом – гиперонимом. Подросткам было предложено самостоятельно записать одно слово, которое объединяет три из предложенных, и заполнить этим словом четвертую ячейку в строке, для них четвёртый столбец был пустым. Так нужно было сделать 10 раз на русском и английском языках. Слова для диагностики на английском языке подбирались исходя из тем, которые обучающиеся изучили ранее в течение первой и второй четверти 2021–2022 учебного года. На диагностирующем этапе подготовки к тестированию не предполагалось. Инструкция по выполнению предоставлялась учителем.

Таблица 1. Адаптированная диагностика вербальной креативности С. Медника

№	Первое слово	Второе слово	Третье слово	Ваш ответ
1.	designer	natural	cheap	clothes
2.	behave	rare	hunt	animal
3.	classical	author	bedtime	story
4.	America	space	Moon	colonise
5.	migrate	protect	music	country
6.	products	zero	money	waste
7.	hidden	mortal	fire	enemy
8.	emotional	fragile	craze	health
9.	panic	unprovoked	plan	attack
10.	extraordinary	change	healthy	lifestyle

Степень развития вербальной креативности определялась при помощи значений трех индексов (индекса продуктивности, индекса оригинальности и индекса уникальности) и с применением данных, полученных при изучении опыта адаптации диагностик С. Медника, предложенными Л. Г. Алексеевой, Т. В. Галкиной и А. Н. Ворониным [5], а также экспертного мнения Т. В. Тюленевой [6] о существовании пяти уровней развития вербальной (лингвистической) креативности. Полученная процентильная шкала соответствия значений выделенных индексов и степени развития вербальной креативности применялась для интерпретации результатов диагностики, проведенной среди испытуемых 14–15 лет.

Эта таблица соответствия значений выделенных индексов и степени развития вербальной креативности использовалась в дальнейшем для интерпретации результатов диагностики, проведенной среди испытуемых подростков. Каждому подростку приписывался определенный ранг (от 1 до 5), который соответствовал степеням развития вербальной креативности (см. табл. 2).

Таблица 2. Соответствие значений индексов и степени развития вербальной креативности

Значение индекса продуктивности	14,00	12,00	10,00	8,00	6,00
Значение индекса оригинальности	1,00	0,94	0,90	0,84	0,80
Значение индекса уникальности	4,00	3,00	2,00	1,00	0,00
Степень развития вербальной креативности	высокая (5)	выше среднего (4)	средняя (3)	ниже среднего (2)	низкая (1)

Следует объяснить алгоритм обработки и интерпретации результатов, а также значение каждого из индексов. *Индекс продуктивности* – это количество данных испытуемыми ответов. *Индекс оригинальности* подсчитывается как среднее арифметическое оригинальностей всех ответов, то есть сумма оригинальностей по всем ответам делится на количество ответов. Количество ответов может не совпадать с количеством триад слов, так как иногда испытуемые могут дать несколько ответов, а иногда не дать ни одного. При этом однокоренные слова, несущие примерно одинаковую смысловую нагрузку, высчитывались с одинаковым коэффициентом оригинальности. Так, слова *love, loving, product, production* или *human, humanity* объединялись в один тип ответов. *Индекс уникальности* равен количеству уникальных ответов (не имеющих аналогов в перечне).

Мы сопоставляли ответы испытуемых с имеющимися типичными ответами и присваивали им оригинальность, указанную в списке. При совпадении с гиперонимом, указанным в последнем столбце табл. 1, оригинальность учитывалась, как 0,00. Если же в списке такого ответа не было, мы определяли оригинальность данного ответа как 1,00 при условии сохранения лексической сочетаемости слов. Затем определялось место конкретного испытуемого относительно предлагаемой выборки (n=12) и сделаны выводы о соответствующей степени развития у него вербальной креативности.

Материалом для развития вербальной креативности послужили следующие задания: 1) создание ассоциативных цепочек (учитель называет слово, а ученики по порядку называют ассоциации, которые приходят им на ум); 2) написание ситуационных текстов разного объема (учитель ограничивает обучающихся темой или выражением, а они должны написать текст в группе или индивидуально в зависимости от учебной цели и критериев, представленных для задания); 3) составление списков частей речи с учетом времени (учитель предлагает обучающимся написать за отведенное время, 1 или 2 мин., наибольшее возможное количество существительных, прилагательных или глаголов без учета определенной тематики); 4) составление оригинальных, нетрадиционных словосочетаний и предложений с использованием получившихся при предыдущем упражнении слов; 5) создание словообразовательных инноваций с использованием определенных приемов их образования (аффиксации, словосложения, конверсии, аббревиации и др.) и дальнейшее использование в написании текстов и устных высказываниях.

Используя процентильную шкалу, построенную для индексов продуктивности, оригинальности и уникальности, мы определяли место конкретного испытуемого относительно предлагаемой выборки и соответственно делали выводы о степени развития у него вербальной креативности и продуктивности (см. табл. 3).

Таблица 3. Результаты диагностирующего эксперимента
(на английском языке)

Ии	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	И11	И12
ИП	18	10	10	10	10	12	10	10	10	10	7	0
ИО	1,0	0,88	0,78	0,77	0,87	0,97	0,97	0,96	0,89	0,86	0,83	0,86
ИУ	4	2	2	1	2	3	3	2	3	0	0	0
СРВК	5	3	1	1	3	4	3	3	3	1	1	1

Примечание: ИП – индекс продуктивности, ИО – индекс оригинальности, ИУ – индекс уникальности, СРВК – степень развития вербальной креативности.

На рис. 1 показана степень развития вербальной креативности и количество испытуемых с соответствующей степенью.

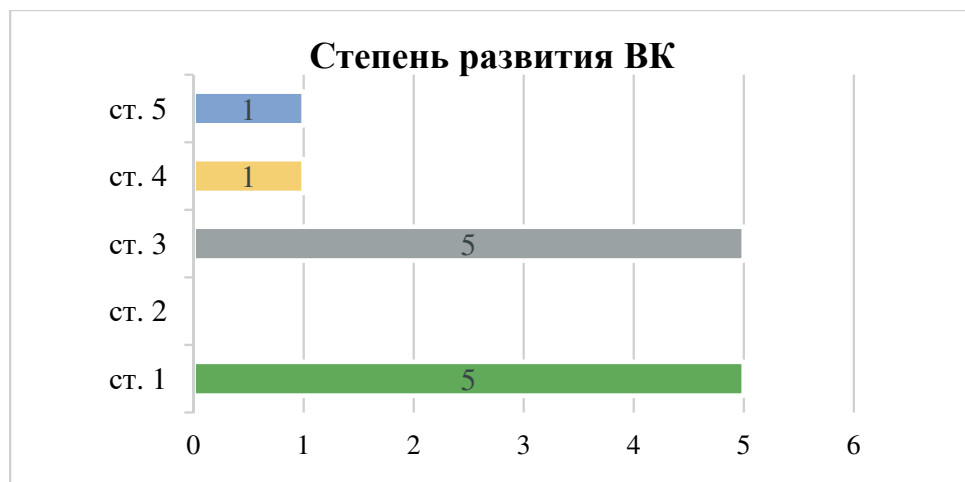

Рис. 1. Линейчатая диаграмма степени развития вербальной креативности испытуемых на диагностирующем этапе

Анализ результатов диагностики показывает, что из 20 заданий (10 троек слов на русском и 10 – на английском) выполнено 16 заданий (98 %), из них 10 заданий (100 %) на русском языке и 6 заданий (97 %) – на английском. Таким образом, испытуемые выполнили большинство заданий, где из 145 слов-ответов с выбранным гиперонимом совпало 11 слов (9 %).

Результаты, полученные на *диагностирующем этапе*, позволили сделать выводы о недостаточном уровне вербальной креативности у испытуемых. Преобладающая «низкая» степень подверглась дальнейшей коррекции, а «средняя» – поддержанию на том же уровне и совершенствованию.

На *формирующем этапе* эксперимента реализовывался ряд заданий для развития вербальной креативности с использованием приемов создания словообразовательных инноваций. Результаты этого этапа эксперимента предоставили возможность наблюдать постепенные положительные изменения в показателях уровня вербальной креативности. Кроме того, они показали, что разработанные тренинги стимулируют словотворческую деятельность, обсуждение, иные мыслительные операции.

В ходе описываемого этапа были проведены тренинги на развитие вербальной креативности: 1) “associations”; 2) “What was it?”; 3) “Brain workout”; 4) “Funny case”; 5) “Circus: Game Over”. Всего в ходе формирующего этапа было проведено 5 тренингов по 20 минут.

На *контролирующем этапе* эксперимента был проведен постэкспериментальный срез по определению уровня вербальной креативности. Анализируя результаты по адаптированной диагностике (см. табл. 4), мы видим, что испытуемые выполнили все 20 заданий (100 %). Количество ответов в диагностике на английском языке составило 152 слова. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что из 152 слов с выбранным гиперонимом совпало лишь 4 слова (3 %).

Таблица 4. Результаты контрольного эксперимента
(на английском языке)

Ии	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	И11	И12
ИП	14	11	13	11	10	11	15	13	12	10	10	22
ИО	0,98	0,98	0,90	0,97	0,98	0,98	0,97	0,96	0,90	0,96	0,95	0,92
ИУ	5	5	3	2	4	5	4	2	6	1	1	6
СРВК	5	4	3	4	3	4	5	4	3	3	3	4

Примечание: ИП – индекс продуктивности, ИО – индекс оригинальности, ИУ – индекс уникальности, СРВК – степень развития вербальной креативности.

Для наглядного представления результатов на рис. 2 показана степень развития вербальной креативности и количество обучающихся с соответствующей степенью.

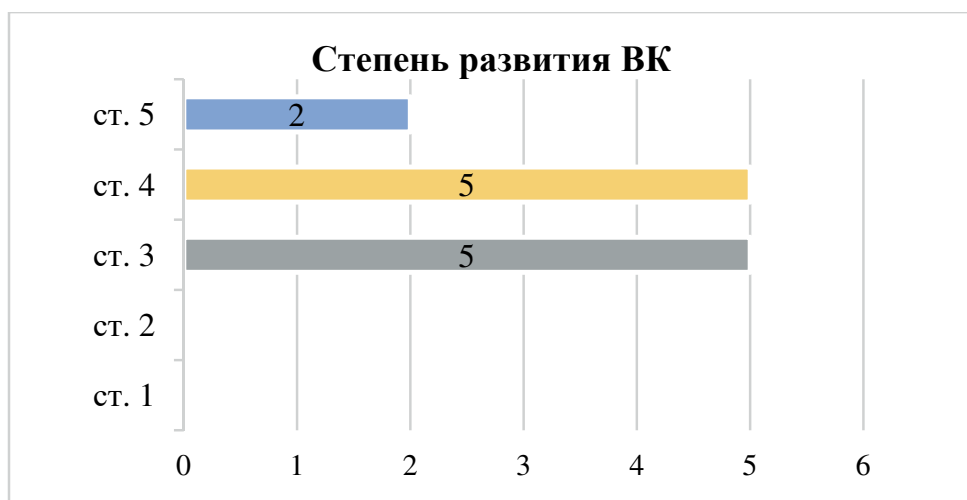

Рис. 2. Линейчатая диаграмма степени развития вербальной креативности испытуемых на контрольном этапе

Выполнив анализ полученных после проведения диагностик результатов, мы пришли к выводу, что степень развития вербальной креативности большинства испытуемых заметно возросла в сравнении с результатами констатирующего эксперимента (см. табл. 5). У подобных изменений может быть несколько причин, среди которых: положительное влияние примененных на формирующем этапе эксперимента приемов и способов повышения степени вербальной креативности, предварительная подготовка к прохождению диагностики.

Таблица 5. Сравнение результатов диагностирующей и контрольной диагностик степени развития вербальной креативности на английском языке

Ии	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	И11	И12
СРВКД	5	3	1	1	2	3	3	3	2	1	1	1
СРВКК	5	4	3	4	3	4	5	4	3	3	3	4

Примечание: СРВКД – степень развития вербальной креативности на диагностирующем этапе;

СРВКК – степень развития вербальной креативности на контрольном этапе.

По результатам контрольного эксперимента можно сделать вывод, что после проведения тренингов по развитию вербальной креативности преобладающими степенями развития вербальной креативности на английском языке являются степени «средняя» и «выше среднего» (5 и 5 человек соответственно, то есть 84 % от общего количества испытуемых). Поставленная перед нами задача коррекции «низкой» степени развития вербальной креативности и поддержания «средней» степени развития вербальной креативности была решена.

Для определения достоверности и проведения статистического сравнительного анализа полученных данных диагностирующей и контролирующей диагностики была проведена их статистическая обработка. Дифференция результатов определяется по G-критерию (критерий Мак Немара). Основываясь на G-критерии, мы определили сдвиги результатов констатирующего и контролирующего этапов эксперимента (см. табл. 6).

Таблица 6. Сравнение диагностирующей и контролирующей диагностики степени развития вербальной креативности на английском языке

Ии	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	И8	И9	И10	И11	И12
СРВКД	5	3	1	1	2	3	3	3	2	1	1	1
СРВКК	5	4	3	4	3	4	5	4	3	3	3	4
Сдвиг	0	+ 1	+ 2	+ 3	+ 1	+ 1	+ 2	+ 1	+ 1	+ 2	+ 2	+ 3

Примечание: СРВКД – степень развития вербальной креативности на диагностирующем этапе;
СРВКК – степень развития вербальной креативности на контрольном этапе.

Выявление направления типичного сдвига показало, что у 11 обучающихся из 12 степень вербальной креативности повысилась, у 1 не изменилась. Отсюда следует, что положительный сдвиг является типичным, а нулевой – нетипичным, откуда $G_{эмп} = 1$ (число нетипичных сдвигов).

Поэтому $n = 12 - 1 = 11$ (число ненулевых сдвигов). По таблице критических значений для G-критерия ($G_{кр}$) необходимо рассмотреть значение при $n = 11$ (Табл. 7). Критические значения приведены для уровня статистической значимости $p \leq 0,05$.

Таблица 7. Критические значения G-критерия знаков

n	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
$G_{кр}$	0	0	1	1	1	2	2	3	3	3

При $G_{кр} = 2$ определяем: $G_{кр} = 2 > G_{эмп} = 1$ ($p \leq 0,05$). Следовательно, рост степени вербальной креативности в экспериментальной группе достоверен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тренинги вербальной креативности с применением способов создания словообразовательных инноваций способствуют повышению уровня вербальной креативности, оказывают благоприятное влияние на речевую деятельность подростков в условиях учебного билингвизма. Кроме того, использованная в эксперименте диагностика вербальной креативности показала свою состоятельность. В перспективе возможно применение опыта проведенного эксперимента для диагностики вербальной креативности других возрастных групп, в других условиях учебного билингвизма.

Список литературы

1. Дружинина С. В. Интеллект, креативность и личностные свойства как факторы реальных достижений: автореф. дисс. ... канд. психол. Москва : Ин-т психологии РАН, 2016. 26 с.
2. Иванова П. Е., Макарова Т. А. Особенности развития речевого творчества у детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. № 4–9, 2017. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=17697>
3. Минюрова С. А. Человек креативный и/или инновационный? // Лингвистика креатива: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. с. 59–77.
4. Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под общ. ред. В. Н. Дружинина. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 656 с.
5. Развитие и диагностика способностей / Л. Г. Алексеева, А. Н. Воронин, Т. В. Галкина и др. Отв. ред. В. Н. Дружинин, В. Д. Шадриков. Москва : Наука, 1991. 177 с.
6. Тюленева Т. В. Формирование лингвистической креативности студентов неязыковых специальностей: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. Волгоград, 2012. 29 с.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи не должен превышать 15–16 тыс. печатных знаков, включая пробелы, но не более 20 тыс. знаков, включая пробелы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (один абзац 100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;
 - б) сведения об авторе: ФИО полностью, на русском и английском языках (на английском языке ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-L C)), место учебы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), электронный адрес;
 - в) рецензия научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполняется работа, на бланке учреждения, с заверенной подписью (к статье на соискание докторской степени необходимо представить 2 рецензии специалистов в данной области).
5. Статьи принимаются в двух экземплярах – печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может находиться в редакционном портфеле до года. Отклонённые статьи не возвращаются и не рецензируются.

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been previously published. The article should have a scientific novelty, should reflect the main results of the author's research, should correspond with the general direction of the magazine and should be interesting to a wide range of the Russian scientific community.

The article can include (if necessary) a minimum amount of tables, formulas, and plots. The article should include a conclusion. All abbreviations and scientific terms should be disclosed. You should not abuse the Internet sources. If their use is necessary you should give references in accordance with the rules of registration of bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word, font – Times New Roman, size 14, spacing – 1,5.
2. The scope of article should not exceed 15–16 thousand printed characters, including spaces, but no more than 20 thousand characters, including spaces.
3. References should be located at the end of the article in the alphabetical order, bibliographic descriptions in the list should be drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article should be given in brackets.
4. You should add to the article:
 - a) the abstract (one paragraph of 100–250 words) in English and Russian, as well as keywords to an article in the Russian and English languages;
 - b) information about the author: full name, in the Russian and English languages (English name of the authors should be represented in accordance with one of the accepted international system of transliteration, it is desirable to use either the International Standard ISO 9:95 (GOST 7.79–2000) or the system of transliteration of American Library Association and the Library of Congress (ALA-LC), place of study and work, position, telephone number (preferably a mobile), e-mail;
 - c) review and recommendations of the supervisor of the Department where the work is performed in a form of the institution with certified signature; 2 reviews from the specialists in the certain filed should be added to the article for a reward of Doctorate.
5. Articles are accepted in two copies – printed and electronic. The printed text on the paper must be identical to the text of the electronic version.

The Editorial Board reserves for itself the right to select the materials. The article, after its approval by the editorial board of the journal, may be in an editorial portfolio up to one year. Rejected articles will not be returned and will not be reviewed.

Scientific academic journal "Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts" is included by the Supreme certification Commission of Ministry of Education and Science of Russian Federation in the new list of leading peer reviewed scientific journals and publications (as of 01.01.2018), in which basic scientific results of dissertations for the award of a scientific degree of doctor and candidate of Educational Sciences and Cultural Studies should be published

It is published since 2008. It is issued four times a year.

The founder of journal is Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«**MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE**»

CHIEF EDITOR – CHAIRMAN OF THE EDITORIAL COUNCIL

Editorial board of the scientific journal

"Culture and education: scientific and informational journal of universities of culture and arts"

CHIEF EDITOR:

KUDRINA Ekaterina Leonidovna,

DSc in Pedagogy, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Acting Rector
(Moscow State Institute of Culture)

DEPUTY EDITOR:

MAREEVA Elena Valentinovna,

DSc in Philosophy, Professor (Moscow State Institute of Culture)

DEPUTY EDITOR:

YAROSHENKO Nikolai Nikolaevich,

DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Research (Moscow State Institute of Culture)

EXECUTIVE EDITOR:

VOEVODINA Larisa Nikolaevna,

DSc in Philosophy, Professor (Moscow State Institute of Culture)

EDITORIAL BOARD

Astafieva Olga Nikolaevna, DSc in Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Culture (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Gendina Natalya Ivanovna, DSc in Pedagogy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation
(Moscow State Institute of Culture)

Dorofeeva Lyudmila Grigoryevna, DSc in Philology, Professor (Immanuel Kant Baltic Federal University)

Zorilova Larisa Sergeevna, DSc in Cultural Studies, CSc in Pedagogy, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Gnessin Russian Academy of Music)

Kolomiytseva Elena Yurievna, DSc in Philology, Associate Professor (Moscow State Institute of Culture)

Litvak Rimma Alekseevna, DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Chelyabinsk State Institute of Culture)

Lopatina Natalya Viktorovna, DSc in Pedagogy, Professor,
Honorary Worker of Education of the Russian Federation (Moscow State Institute of Culture)

Mazuritsky Alexander Mikhailovich, DSc in Pedagogy, Professor (Moscow State Institute of Culture)

Maykovskaya Larisa Stanislavovna, DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow State Institute of Culture)

Sadovskaya Valentina Stepanovna, DSc in Pedagogy, Professor,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow State Institute of Culture)

Seregin Nikolai Vasilyevich, DSc in Pedagogy, Professor,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation (Altai State Institute of Culture)

Sinyavina Natalya Vladimirovna, DSc in Cultural Studies, Associate Professor (Moscow State Institute of Culture)

Slepokourov Vitaly Sergeevich, DSc in Philosophy, Professor, First Vice-Rector,
Vice-Rector for Educational and Methodological Activities (Moscow State Institute of Culture)

Suminova Tatyana Nikolaevna, DSc in Philosophy, Candidate of Pedagogical Sciences,
Professor (Moscow State Institute of Culture)

Tikhonova Valeria Aleksandrovna, DSc in Philosophy, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow State Institute of Culture)

Khristidis Tatyana Vitalievna, DSc in Pedagogy, Professor (Moscow State Institute of Culture)

Sharkovskaya Natalia Vladimirovna, DSc in Pedagogy, Associate Professor (Moscow State Institute of Culture)